МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Выпуск 16

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1982

Методологические и историографические вопросы исторической науки· Сб статей, вып 16/Отв ред. Б. Г. Могильницкий — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982,—9,7 л.— 1 р 50 к, 500 экз., 0502000000.

В работе исследуются актуальные проблемы методологии и истории всеобщей истории. Важное место в них занимает изучение ленинского теоретического наследия. Большинство статей посвящено наступательной критике буржуазной историографии всеобщей истории. В особенности детальному анализу подвергаются различные аспекты истории немецкого идеологического историзма.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей высшей и средней школы, аспирантов и студентов старших курсов, специализирующихся в области всеобщей истории.

Рецензент — докт. ист. наук С. С. Григорцевич.

Редакционная коллегия:

Проф. Б. Г. Могильницкий (отв. редактор), доц. Н. С. Черкасов, Н. И. Смоленский

М $\frac{177(012)-82}{0502000000}$ 15—81

© Издательство Томского университета, 1982 г.

О. В. ВОЛОБУЕВ

КРИТИКА В. И. ЛЕНИНЫМ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема творческого марксистского метода в обществознании разрабатывалась В. И. Лениным в борьбе на два фронта: против идеалистического извращения истории и вульгарно-экономического ее понимания. В ленинском теоретическом наследии немало места занимает критика «экономизма», или «экономического материализма».

Термин «экономизм» употреблялся В. И. Лениным не только для обозначения оппортунистического направления в русской социал-демократии конца XIX — начала XX вв., группировавшегося вокруг газеты «Рабочая мысль» и журнала «Рабочее дело», но и в теоретическом плане. Определение «экономизма» вообще расширительно истолковывалось им в смысле «узкого понимания и теории марксизма и роли социал-демократии и политических задач ее»[1]. Начиная с работы «Шаг вперед, два шага назад», В. И. Ленин неоднократно подчеркивал политическую близость меньшевизма с «экономизмом» и их методологическое родство, выражавшееся прежде всего в «узком понимании» марксистской теории. Весьма показательно, что в годы первой мировой войны Ленин квалифицировал взгляды Бухарина—Пятакова—Бош как «империалистический экономизм», имея в виду в первую очередь их методологический, с позиций «экономического материализма», подход к анализу социальных явлений в эпоху империализма.

Необходимость не только политического разоблачения, но и теоретического опровержения отклонений от марксизма всегда остро подчеркивалась В. И. Лениным. В работе «Еще раз о профсоюзах» он писал: «...Нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений»[2]. Руководствуясь этим указанием, следует признать всю важность критического исследования методологии «экономического материализма», или «экономизма» в связи с историческими воззрениями меньшевиков.

Несомненна методологическая взаимозависимость между политической доктриной меньшевизма и его историческими моделями. Особенно явственно она выступает в меньшевистской интерпретации истории периода империализма и революции в России. В основе и политических, и исторических построений идеологов меньшевизма лежат одни и те же методологические установки. Ленинская критика мень-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 104.
[2] Там же, т. 42, с. 286.

шевизма позволяет выявить как его социальные корни, так и его гносеологический подход к исторической действительности и политической практике.

Между тем характерные черты меньшевистской методологии истории недостаточно выявляются в большинстве историографических работ. Так, например, В. Тумаринсон правильно, но ограниченно констатирует, что меньшевики были догматиками, отошли от марксистского принципа конкретности истины, не умели понять соотношение общего и особенного в революции [3]. В книге Н. Н. Маслова отмечаются такие черты меньшевизма, как догматизм, абстрактный подход к исторической действительности, нарушение марксистского принципа историзма [4]. Подобное неполное перечисление черт, характеризующих теоретические построения меньшевиков, типично и для других исследователей. Нам кажется, что это свидетельствует, во-первых, о недостаточной разработанности вопроса о методологических основах меньшевистской социологии в советской историографии, во-вторых, о том, что отдельные черты меньшевистской методологии рассматриваются историками вне их взаимосвязи друг с другом, в-третьих, о том, что критический анализ не базируется на выделении стержневой методологической оси меньшевистской интерпретации истории, на раскрытии ее гносеологических корней.

Для выяснения вопроса представляется перспективным комплексный подход к изучению меньшевистской идеологии, при котором бы подвергались анализу как конкретно-исторические, так и историко-социологические взгляды меньшевиков. Подобную постановку вопроса можно найти в отдельных историографических работах. Характеризуя известное меньшевистское издание «Общественное движение в России в начале XX века», Н. Л. Рубинштейн отмечал, что «экономизм — таково действительное направление, представленное авторами пятитомника» и что это «общее направление связывает авторов с идеями и научной методологией Рожкова и с позднейшими идеями Плеханова...» [5]. Вульгарный экономический материализм в исторических воззрениях меньшевиков устанавливает и Б. Б. Граве. Рассмотрение меньшевистской исторической концепции в ее очерке «Борьба В. И. Ленина против меньшевистской концепции исторического развития России» начинается с ленинской критики «экономизма», что позволяет Б. Б. Граве сделать правильный вывод о том, что «основные ревизионистские установки «экономистов» нашли дальнейшее развитие в системе оппортунистических взглядов меньшевиков по вопросам теории исторического процесса, политики и практики рабочего движения» [6].

Теоретические взгляды меньшевиков в связи с разработкой В. И. Лениным вопросов исторического материализма, в частности, о роли субъективного фактора в истории, являются предметом исследования и у советских философов [7]. В их трудах несколько лучше, чем в трудах историков, выявлены методологические особенности социальной философии меньшевизма, такие ее черты, как отождествление исторической закономерности с экономической необходимостью, игнорирование субъективного фактора в историческом процессе, эволюциони-

---

[3] См. Тумаринсон В. Разоблачение В. И. Лениным меньшевистско-эсеровской фальсификации Октябрьской социалистической революции. — Учен. зап. I Моск. гос. пед. ин-та им. Мориса Тореза. М., 1968, т. 48, с. 114.

[4] См.: Маслов Н. Н. Ленин как историк партии. Л., 1969, с. 219—238.

[5] Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 557.

[6] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, т. 3, с. 129.

[7] См., например Федотов В. П. В. И. Ленин и исторический материализм (конец XIX — начало XX вв.) Л., 1960; Чагин Б. А. Из истории борьбы В. И. Ленина за развитие марксистской философии. М., 1960; Он же. Ленин о роли субъективного фактора в истории. Л., 1967; История философии в СССР. М., 1971, т. 4, гл. VII, XI; Социологическая мысль в России. М., 1978, гл. 12 и др.

ческий подход к проблеме перехода от одной общественно-экономической формации к другой и т. д.

Специально критике В. И. Лениным социальной философии меньшевизма посвящены работы Е. И. Гиршовича и О. Н. Даменна[8]. О. Н. Даменна справедливо замечает, что хотя в отличие от других оппортунистических течений меньшевизм не претендовал на теоретическую самостоятельность, не выдвигал требований «ревизии» марксизма, а, наоборот, подчеркивал свою ортодоксальность, «признание меньшевизма как определенного политического течения необходимо предполагает логически и исторически существование определяющего и санкционирующего его теоретического знания»[9]. Оба автора (один в хронологических рамках революции 1905—1907 гг., другой — 1917 г.) раскрывают методологические отличия меньшевизма от марксизма и выделяют «экономический материализм» как методологическую основу меньшевистской социологии. В то же время последний сюжет недостаточно конкретизируется анализом исторических воззрений меньшевиков, что требует отдельного исследования.

Таким образом, наблюдается своеобразная односторонность: историки сосредоточивают внимание на разборе меньшевистской интерпретации конкретно-исторического развития России, упуская вопросы методологии, наоборот, философы чаще всего раскрывают борьбу В. И. Ленина против меньшевизма в общетеоретическом плане, недостаточно увязывая идеологию меньшевизма с его исторической концепцией.

Одной из коренных проблем анализа меньшевистской историографии является установление ее «разрывов» с марксистской методологией. Возьмем, к примеру, две наиболее стройные и завершенные концепции исторического развития России — Г. В. Плеханова и Н. А. Рожкова. Они существенно отличны друг от друга. В этом смысле мы не вправе говорить о единообразии в меньшевистской историографии. В то же время Г. В. Плеханова и Н. А. Рожкова сближают недооценка классовой борьбы в истории России, обновленный по сравнению с В. О. Ключевским «экономический вариант» теории закрепощения сословий, признание «надклассовости» государства и т. д. При всем различии в подходе к тем или иным историческим явлениям Плеханов и Рожков обнаруживают единство в методологии, что свидетельствует о наличии общей меньшевистской концепции исторического процесса.

В. И. Ленин, вскрывая идейно-теоретические истоки меньшевизма, подчеркивал, что „«легальный марксизм, «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции"[10]. Следовательно, вульгарно-экономическое понимание исторического процесса характерно для всех представителей этой исторической тенденции — от «легальных марксистов» до меньшевиков. Основная ошибка «экономизма», по определению В. И. Ленина, заключалась в «неуменьи ставить *политические* вопросы»[11]. Знаменитая формула «политика послушно следует за экономикой» выражает самую суть «экономизма» как методологии истории и политики. В этой формуле нет и намека на обратное влияние политики на экономику. Базис выступает в роли поводыря слепой надстройки.

В письмах к И. Арманд, датированных концом 1916 г., В. И. Ленин, возвращаясь к «экономизму» в связи с борьбой против течения так называемых «империалистических экономистов», замечает: „...«эко-

[8] Гиршович Е. И. Развитие В. И. Лениным исторического материализма в процессе борьбы с меньшевиками (1905—1907 гг.). Л., 1958; Даменна О. Н. Социальная философия меньшевизма (1917). М., 1970.

[9] Даменна О. Н. Указ. раб., с. 4.

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 112.

[11] Там же, т. 30, с. 64.

номисты» не «отказывались» от политической борьбы (как Вы пишете) — это неточно. Они *неверно* определяли ее" [12]. Политика для них была лишь продолжением экономики, а не концентрированным выражением ее. В ленинской работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» неоднократно варьируется мысль об ошибочной трактовке политической борьбы у «экономистов», об извращенном истолковании ими выводов «из верной посылки марксизма о глубоких экономических корнях классовой борьбы вообще и политической борьбы в особенности...» [13]. При такой методологической постановке вопроса эволюция выталкивала из истории революцию, классовая борьба втискивалась в «экономические» рамки, роль социальных идей в развитии общества сводилась на нет. С одной стороны, стихийное развитие экономики, с другой — постоянное стихийное приспособление к нему общества. «...Направлению, содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма», — констатировал В. И. Ленин, — присуща попытка *«теоретически* обосновать... *преклонение пред стихийностью»* [14]. Сознательная деятельность классов и партий исключается как важнейший фактор исторического развития. Субъективная сторона исторического процесса сводится к стихийному началу. Это дало основание В. И. Ленину заметить: „...«экономисты» хотят свалить все на «отсутствие условий», на влияние материальной среды, определяющей путь, с которого не совлечь движение никаким идеологам" [15]. Дав обстоятельную критику «экономизма» в работе «Что делать?», В. И. Ленин приходит к выводу, что в нем выражено «...брентановское понимание классовой борьбы и тред-юнионистское понимание политики...» [16].

Идейный разгром «Искрой» «экономизма» не означал ликвидации той исторической тенденции, которой он был порожден. Прежний «чистый экономизм» трансформировался в более скрытый «экономизм» меньшевистского толка. В. И. Ленин в 1911 г., характеризуя ликвидаторство, квалифицировал его как «...современный, новейший вариант старого «экономизма»... [17]. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» В. И. Ленин вновь повторил эту мысль: „«Меньшевики» повернули назад к «экономизму», конечно, в несколько обновленной форме... [18]" О методологических основах меньшевистского пятитомника «Общественное движение в России в начале XX века» В. И. Ленин прямо говорит: «Весь этот «марксизм» — брентановский, зомбартовский или струвистский» [19].

Итак, методологической основой меньшевистской историографии является, используя ленинское выражение, «неоэкономизм», т. е. все тот же «экономический материализм», идущий от «легального марксизма» и «экономизма». Естественно, поэтому в меньшевистской исторической концепции отождествлялись исторические и экономические закономерности, игнорировалась субъективная сторона общественного развития, приуменьшалась роль народных масс и классовой борьбы.

Отношения между базисом и надстройкой в меньшевистской трактовке представлялись механистически, а не диалектически. Это очень хорошо показал В. И. Ленин, анализируя взгляды Н. А. Рожкова в 1911—1913 гг. Ошибка Н. А. Рожкова состояла в том, что он преувеличивал перерождение крепостнического хозяйства в буржуазное и пере-

---

[12] Там же, т 49, с. 346
[13] Там же, т 11, с. 27.
[14] Там же, т. 6, с 33.
[15] Там же, сноска.
[16] Там же, с 97.
[17] Там же, т. 21, с 94.
[18] Там же, т 25, с 99.
[19] Там же, т 19, с 137.

рождение землевладельцев-дворян в сельскохозяйственную буржуазию в результате столыпинских реформ и пришел к выводу о малой вероятности революции в России, так как уже происходит преобразование ее общественного и государственного строя в буржуазный. В. И. Ленин иронизирует, критикуя ошибку Н. А. Рожкова, что тот забыл «мелочь», а «именно: сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства» [20]. В качестве примера всей сложности приспособления надстройки к базису В. И. Ленин приводит Пруссию, где при более высоком уровне развития капитализма государственная власть находится в руках помещиков-юнкеров, которые «...наполняют своим, так сказать, социальным содержанием всю прусскую монархию, всю прусскую бюрократию» [21].

Диалектику приспособления надстройки к базису В. И. Ленин рассматривал также в статье «Старое и новое». Да, нельзя отрицать буржуазный характер столыпинской аграрной политики, да, нельзя отрицать вообще «шаг по пути превращения в буржуазную монархию», это было бы непониманием взаимосвязи экономических и политических отношений в России, указывал В. И. Ленин, но нельзя забывать и того, что, «„получая мотивы для своей деятельности" в значительной степени от верхов буржуазии, бюрократия дает чисто крепостническое, исключительно крепостническое *направление* и *облик* буржуазной деятельности» [22]. Следовательно, перерождение надстройки не только не исключает противоречия между базисом и надстройкой, но в данной конкретной ситуации делает его для пролетариата и крестьянства еще более острым. Эволюционное развитие не отрицает изменения надстройки революционным путем, «скачком».

В борьбе против народничества, делавшего упор на «самобытность России», меньшевизм, констатируя развитие капиталистических отношений и «обуржуазивания» государства, недооценивал своеобразие исторических условий, сложившихся в России. Теоретики меньшевизма узко истолковывали экономический детерминизм, считая, что коль капитализм стал реальностью, то России уготован «по всем статьям» европейский путь. Задачи революции сводились ими к «буржуазной европеизации русских общественных отношений».

Догматическое понимание экономического детерминизма нашло свое выражение в полемически заостренном, направленном против большевизма тезисе П. Маслова: «Сила и значение буржуазии не только недооценивались, но и историческая роль этого класса рассматривалась вне исторической перспективы: игнорировалось участие средней и мелкой буржуазии в революционном движении и сочувствие ему крупной буржуазии в первый период движения, предрешалась и на будущее время реакционная роль буржуазии и т. д. Отсюда делался вывод о неизбежности диктатуры пролетариата и крестьянства, которая противоречила бы всему ходу хозяйственного развития» [23].

Этот тезис, сформулированный в итоговой статье первого тома «Общественное движение в России в начале XX века», не раз подвергался критике В. И. Лениным. Отмечая прямолинейный «экономизм», он диалектически ставил проблему соотношения экономики и политики: «В корне ошибочен взгляд, будто диктатура этих классов «противоречит всему ходу хозяйственного развития». Как раз наоборот» [24]. Итак, политика определяется экономикой, но не плетется за ней. Она активна по отношению к экономике. Политика определяется экономикой,

[20] Там же, т. 20, с. 401.
[21] Там же.
[22] Там же, т 21, с 58.
[23] Общественное движение в России в начале XX века. Спб., 1909, т. 1, с. 661.
[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 362.

поскольку в ней проявляются экономические интересы различных общественных классов. Именно поэтому диктатура пролетариата и крестьянства могла бы обеспечить самое быстрое развитие производительных сил на основе радикального уничтожения всех остатков феодализма. Но если политика зависит от экономики, то она же и управляет экономикой — к такому выводу, противоположному меньшевистской методологической установке, приводит логика ленинских рассуждений.

Чрезвычайно активную роль политики В. И. Ленин отмечает, в частности, и в период профсоюзной дискуссии 1920—1921 гг. Один из важнейших теоретических разделов работы «Еще раз о профсоюзах» знаменательно называется «Политика и экономика. Диалектика и эклектицизм». Возражая Троцкому и Бухарину, которые упрекали его за «политический» подход, В. И. Ленин пояснял: «Политика есть концентрированное выражение экономики... Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»[25]. В каком же смысле следует понимать утверждение о том, что «политика не может не иметь первенства над экономикой»? Ленин поясняет это: «...Без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а *следовательно*, не сможет решить и *своей производственной задачи*[26]. Тесно связанные экономику и политику марксизм рассматривает как относительно автономные «социальные категории». В этой «паре» экономика — первичный фактор в преобразовании и развитии общества, а политика приобретает решающее значение при наличии необходимых объективных условий.

«Экономические» доводы меньшевиков В. И. Ленин проанализировал в одной из своих последних работ «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», чрезвычайно важной для уяснения отличий ленинской методологии истории от меньшевистской. Характеризуя взгляды меньшевиков, В. И. Ленин отмечает: «Им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным»[27].

Почему же меньшевистские теоретики ждали «русского образца» по западноевропейским канонам? Если говорить о теоретической стороне ошибки меньшевиков, то она скрыта в методологии «экономического материализма», которая шаблонизирует и схематизирует историю. Достаточно вспомнить хотя бы попытку Н. А. Рожкова, пытавшегося сконструировать универсальную модель буржуазной революции[28]. Допуская наличие отдельных вариантов модели, он, однако, считал, что «все эти комбинации определяются строго и точно уровнем экономического развития революционных стран или их отдельных частей»[29].

---

[25] Там же, т 42, с. 278.
[26] Там же, с. 279.
[27] Там же, т 45, с 379.
[28] См, например· Рожков Н А Русская история в сравнительно-историческом освещении М.-Пг., 1923, т. 8, с. 244—259
[29] Там же, с. 257—258.

Понимание экономического детерминизма как жесткого регулятора общественного движения и форм общественной жизни в противовес диалектическому пониманию вообще характерно для теории меньшевизма. Ограниченность узкоэкономического истолкования социальной действительности приводила к подчинению ее догматической схеме. Недаром в полемике с Л. Мартовым В. И. Ленин, сравнивая буржуазные революции во Франции и Германии, акцентировал внимание на их различии. Так как «буржуазные революции показывают нам громадное разнообразие комбинаций различных групп, слоев, элементов и самой буржуазии и рабочего класса», В. И. Ленин высмеивал меньшевистские попытки «высасывать» ответ на конкретные вопросы русской буржуазной революции первого десятилетия XX в. из ...«общего понятия» буржуазной революции в самом узком смысле слова...» [30]. Имея в виду именно такой схематизм мышления меньшевистской исторической мысли, В. И. Ленин саркастически писал: «Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция» [31]. В то же время ленинская трактовка особенностей русской революции ничего общего не имела с утверждениями К. Каутского, О. Бауэра, Ф. Адлера и других лидеров оппортунизма, объявлявших Октябрьскую революцию сугубо русским явлением и отрицавших значение ее опыта для мирового революционного движения.

Меньшевистскую историографию, конечно, нельзя упрощать. Меньшевики писали и о своеобразии России, но связывали это с исключительной ролью в ее истории «надклассового» самодержавного государства. Г. В. Плеханов выдвигал теорию двух докапиталистических путей: европейского и азиатского [32]. Н. А. Рожков выделял две формы феодализма — обычный и муниципальный, а в феодализме обычном различал типы — французский, английский, русский [33]. И тем не менее вполне правомерно говорить о крайнем схематизме меньшевистской историографии, который, пожалуй, резче всего проступает в обзоре всемирно-исторического процесса, предпринятом Н. А. Рожковым в «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». Выделение нескольких вышеуказанных типов феодализма принципиально этого схематизма не изменяет. Для Г. В. Плеханова вопрос о своеобразии истории России сводится по существу к ее «переводу» с азиатского пути на европейский.

Схематизм меньшевистской историографии обусловлен подменой конкретного, диалектического подхода к истории абстрактным, метафизическим. Сами по себе отдельные положения, например, о буржуазном характере первой русской революции, были правильными. Но взятые вне исторической эпохи, примененные для всех периодов всех стран, они превращались в догматическую схему.

В. И. Ленин формулирует следующие важнейшие принципы методологии исторического исследования: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же истори-

---

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 84.

[31] Там же, т 45, с. 381.

[32] Об исторической концепции Г. В. Плеханова см.: Полевой Ю. З Об исторических взглядах Плеханова — Вопросы истории, 1954, № 8; Он же Г. В Плеханов о восточном деспотизме. — Народы Азии и Африки, 1967, № 2.

[33] См.: Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.-Пг, т. 2, 1922.

ческой эпохи»[34]. Буквально почти в каждой работе, посвященной критике меньшевистских взглядов, он обращает внимание на недопустимость игнорирования специфики исторического развития стран, шаблонизации по «классической» схеме исторического процесса, протекающего в разных регионах в различные периоды, недооценки того факта, что общие закономерности пробиваются через деятельность классов, партий, людей, находящихся в неоднозначных экономических, социально-политических, этнографических, идеологических и иных условиях. Недаром, указывая на проявление определенных общественных закономерностей в развитии России и других стран, В. И. Ленин часто добавляет: mutatis mutandis («с соответствующими изменениями»).

В борьбе против меньшевистского постулата об единообразии пути капиталистического развития В. И. Лениным выдвигается и разрабатывается идея многообразия исторического процесса в его единстве. Закон неравномерности экономического и политического развития, сформулированный В. И. Лениным, обосновывал возможность победы социалистической революции в одной или нескольких странах. Столь же важное значение имело ленинское учение об исторических эпохах, служившее ключом к выяснению характера глобальных экономических и политических связей, которые обусловливают соответствующую мировую социальную атмосферу. Анализ современной исторической эпохи приводил В. И. Ленина, в частности, и к выводу о величайшей роли национально-освободительного движения в колониях и полуколониях как союзника пролетарского движения в борьбе против капитализма.

В. И. Ленин указывал на принцип, который должен быть положен в основу методологического подхода к определению сущности эпохи. Он подчеркивал, что суть в том, «...*какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»[35]. При нарушении этого методологического принципа грани между эпохами стираются. Так, у меньшевиков расстановка классовых сил в XIX и XX вв. представлялась неизменной. Войны и революции XIX в. сравниваются меньшевистскими теоретиками с войнами и революциями XX в. как явления одного социального порядка. Содержание исторического процесса в условиях XX в. по-прежнему сводилось меньшевиками к буржуазному эпицентру. Так, по мнению Л. Мартова, «объективные условия» для «измены» либерализма революции еще не созрели, и поэтому формула превращения русской буржуазии в контрреволюционную силу «...не соответствовала традиционному представлению меньшевизма о взаимоотношении классов в период еще не сломленного политического господства старых сословий...»[36]. Нетрудно заметить, как здесь сказывается методология «экономического материализма» и в оценке «объективных условий» русской действительности, и в отрыве вопроса о взаимоотношении классов в России от исторической эпохи.

С принципиально противоположным подходом к «экономическому детерминизму» В. И. Ленина и теоретиков меньшевизма связана и принципиально противоположная оценка субъективного фактора в истории. «Имманентные» законы общественно-экономической эволюции проявляются в процессе социальной борьбы. Поэтому в зависимости от того, как конкретно будет развиваться эта борьба, зависит, если так можно выразиться, в какие конкретные общественные формы отольются «имманентные» законы. Рано или поздно, так или иначе переход от крепостнической эксплуатации к капиталистической в сельском хозяй-

[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 263—264.
[35] Там же, т. 26, с. 142.
[36] Общественное движение в России вначале XX века. Спб., 1914, т. 3, с. 593.

стве России был неизбежен. Но для крестьянства было не все равно, как совершится переход — по-прусски или по-американски, реформистски или революционно. «Это патриархальное крестьянство, — писал В. И Ленин, — живущее трудами рук своих при системе натурального хозяйства, осуждено на исчезновение, но вовсе не «обязательно», не «имманентным» законом общественно-экономической эволюции осуждено на пытки «выколачивания податей» и розги, на муки затяжного, ужасающего своей длительностью вымирания голодною смертью» [37].

В отличие от меньшевиков, видевших в развитии капитализма стихийный процесс, В. И. Ленин расценивал его как естественноисторический процесс, сознательно творимый людьми на основе допускающего многовариантность экономического детерминизма. Приспособление надстройки к базису не происходит само по себе под давлением экономической необходимости. «...Классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской, — указывал В. И. Ленин,— лежит в основе политических преобразований и в *конечном счете* решает судьбу всех таких преобразований» [38].

В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин ставит вопрос о двух возможных исходах революции в России. Такая постановка вопроса предполагает понимание экономического детерминизма в смысле общей тенденции исторического развития, которая определяет классовую борьбу за ликвидацию феодальных институтов, но не предрешает ее конкретные результаты. Последние зависят от борьбы классов, возглавляемых политическими партиями, от активности, организованности и сознательности народных масс Поэтому, когда в 1911 г. Н. А. Рожков на страницах ликвидаторской «Нашей Зари» рассуждал о том, что в ходе столыпинских реформ идет завершение смены полукрепостнического хозяйства «культурным капитализмом», В. И. Ленин, выявляя его методологическую ошибку, писал: «Это не по-марксистски, а по-струвенски или полиберальному, ибо марксист различает классы с различным, октябристским, кадетским, трудовическим, пролетарским пониманием того, что есть «культурный» капитализм» [39].

Данное высказывание очень важно и для историографического анализа меньшевистского пятитомника «Общественное движение в России в начале XX века». В этом труде меньшевистская историография рассматривает расстановку классовых сил лишь по отношению к царизму (и то ошибочно), но не анализирует эту расстановку по отношению к конечным целям пролетариата в буржуазно-демократической революции, протекающей в России в принципиально новых социально-экономических условиях. Историческая ретроспектива и социальная перспектива подаются меньшевистскими историками и политиками, исходя из их теоретической позиции, в основе которой лежит симпатия к реформистским, а не революционным силам общественного развития.

В. И. Ленин, раскрывая роль субъективного фактора в истории, отмечал: «Ни угнетение низов, ни кризис верхов не создадут еще революции, — они создадут лишь гниение страны, — если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания» [40]. Ленинское учение о значении революционной борьбы для поступательного движения общества направлено против исторического фатализма, пронизывающего меньшевистскую концепцию русской революции.

Рассмотрим оценку причин поражения декабрьского вооруженного

---

[37] Ленин В И Полн собр. соч, т 6, с. 347.
[38] Там же, т 9, с 333—334
[39] Там же, т. 21, с 23.
[40] Там же, т. 23, с 301.

восстания у Ленина и Мартова. По Л. Мартову: «...Общественный кризис, являющийся по историческому содержанию буржуазным, может увенчаться победой над старым порядком лишь при условии, что сформируется и в центре движения станет буржуазная демократия». Поэтому исход октябрьских и декабрьских дней «был предопределен» [41]. Для В. И. Ленина поражение декабрьского вооруженного восстания явилось следствием не объективных, а субъективных условий. Исход декабрьского вооруженного восстания, указывал В. И. Ленин, не «был предопределен» [42].

Точно так же по-разному оценивали Ленин и Мартов стачки 1906—1907 гг. Мартов считал, что они были «безумны», «несвоевременны» и являлись «слабой стороной движения». Полемизируя с ним, В. И. Ленин доказывал, что если бы пролетариат не поднимался еще дважды, в 1906 и 1907 гг. для нового натиска на самодержавие, то государственный переворот произошел бы значительно раньше и поражение было бы еще сильнее. «Вот этого значения революционной борьбы масс, — подводит итоги критике меньшевизма Ленин, — абсолютно не понимает Мартов» [43]. Уместно вспомнить, что даже переход власти к либералам В. И. Ленин ставил в зависимость от натиска низов. Так, анализируя события Синьхайской революции, он видел в приходе к власти Юань Шикая результат борьбы китайской демократии, победившей вопреки Юань Шикаю [44].

Субъективное и объективное суть две нераздельные стороны исторической необходимости. Субъективные причины, порожденные объективными условиями, также участвуют в детерминации общественного развития. Если бы этого диалектического перехода не было, то в истории отсутствовала бы всякая альтернатива развития на тех или иных этапах исторического пути стран и регионов. Тогда бы всегда заранее был бы предопределен исход столкновения общественных сил в каждой конкретной ситуации. Именно методологией «экономического материализма» объясняется представление о Великой Октябрьской социалистической революции как «случайности», «мутации» в истории.

Меньшевики, преуменьшавшие роль субъективного фактора в истории, облыжно обвиняли В. И. Ленина в отходе от исторического материализма, а политика большевистской партии в социалистической революции выдавалась ими за «насилие над экономикой». Так, А. Потресов, отмечая, что ленинизм—«антитеза экономизму», не удовлетворившись констатацией этого факта, пытался изобразить взгляды Ленина как отречение от экономического детерминизма, проявляющееся в «сплетении бланкизма с марксизмом» [45]. А Мартынов-Пикер договорился даже до того, что будто Ленин против практики «экономистов», принижавших роль сознания в движении и приспособлявшихся к отсталым слоям пролетариата, выдвинул в «Что делать?» «целую новую теорию, которая, до известной степени, реставрировала народнический взгляд на роль личности в истории» [46]. Меньшевистские теоретики не сумели разрешить вопрос о соотношении объективных условий и субъективного фактора в общественном развитии и приписывали В. И. Ленину волюнтаристские взгляды на роль личностей, партий и классов в истории. Обвинение Ленина в волюнтаризме перекочевало из меньшевистской литературы в современную буржуазную историографию и философию. Нынешние советологи — историки и социологи — твердят вслед за меньшевиками, что якобы у Ленина «воля партии» превраги-

[41] Общественное движение в России в начале XX века, т. 3, с. 610.
[42] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 369—377.
[43] Там же, т. 19, с. 370.
[44] Там же, т. 21, с. 160.
[45] Общественное движение в России в начале XX века, т. 1, с. 618.
[46] Там же, т. 2, ч. 2. Спб., 1910, с. 337.

лась в решающую силу истории, а экономика — в зависимый от политики фактор [47].

Для того, чтобы увидеть, сколь безосновательны попытки представить В. И. Ленина волюнтаристом, достаточно внимательно изучить его полемику с меньшевиками. Сошлемся хотя бы на работу «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Характеризуя приемы анализа исторической ситуации и политического прогнозирования меньшевистских теоретиков, В. И. Ленин раскрывает сущность методологии меньшевизма как метафизического «экономического материализма»: «Способ изложения своих мыслей новоискровцами напоминает отзыв Маркса (в его знаменитых «тезах» о Фейербахе) о старом, чуждом идеи диалектики, материализме... Они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, осознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов» [48]. Следовательно, «воля партии» может быть революционной силой в ленинском понимании при соблюдении следующих двух требований: осознания материальных условий переворота и занятия позиции авангарда передового класса.

Таким образом, ленинская методология истории направлена против как бланкистского субъективизма, так и меньшевистского экономического эволюционизма. О последнем В. И. Ленин уничтожающе отозвался: «Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков» в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии...» [49]. «Скачки» в ленинском понимании исторически обусловлены и совершаются по вектору детерминирующих их экономических сил, а не рождаются по воле волшебных палочек — мистифицированной воли партий и их вождей.

«Легальные марксисты» и меньшевики создавали теоретические модели, пользуясь «экономическим материализмом» как методологией истории, ключом к познанию общественного развития. Общим для них было непонимание особенностей истории России и значения феодальных пережитков в ней, соотношения и места отдельных классов в общественной жизни России, недооценка субъективного фактора в истории, в частности, принижение роли народных масс как творцов истории и роли партий как боевых авангардов классов. Если для народнической социологии характерна гипертрофия самобытности России, то для социологии «экономического материализма» характерны нивелирование путей исторического развития, взгляд на капитализм в России и русскую революцию как на копию западноевропейских образцов. Абстрактному и метафизическому подходу теоретиков меньшевизма к анализу явлений русской истории противостоит ленинский — конкретный и диалектический. Абсолютизированию экономического фактора, ведущему к историческому фатализму, противостоит ленинское раскрытие диалектических взаимосвязей в экономике, политике и идеологии. Корни теоретических ошибок меньшевистской историографии заключены в упрощенном понимании взаимосвязей между базисом и надстройкой, экономическим развитием и классовой борьбой, классовой борьбой и политикой, классовой политикой и идеологией, классовой политикой и государственной властью. Единая методологическая база всех этих ошибок, как показал В. И. Ленин, — «экономический материализм», или «экономизм».

Теоретическая бесперспективность меньшевистской методологии

[47] См., например: Rauch G. Lenin. Die Gründung des Sowjetsystems. (West) Berlin—Frankfurt am Main., 1962; Westen K. Die führende Rolle der Kommunistischen. Partei in sozialistischen Staat Köln, 1970.

[48] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 11, с. 31.

[49] Там же, т 10, с. 26.

истории обнаружилась, что называется, «во весь рост», в приложении к Великой Октябрьской социалистической революции. Как известно, меньшевики не признавали ее социалистического характера, отрицали ее принципиальное отличие по социально-экономической сущности от Февральской буржуазно-демократической революции, считали ее одним из этапов «буржуазной революции 1917 г.». После свержения самодержавия в России, как утверждали меньшевики, стране «уготован» путь длительного капиталистического развития. И только в далеком будущем, уже в стране высокоразвитого капитализма, экономически передовой, с большинством пролетарского населения, с законченным буржуазным процессом социальной дифференциации крестьянства будет возможна социалистическая революция [50].

Великая Октябрьская социалистическая революция, по выражению Мартова, для меньшевиков «социологический парадокс». Суть его в том, что партия большевиков становится у власти в стране, по определению Церетели, «наполовину погрязшей в азиатских социальных отношениях» [51]. Политика большевистской партии, направленная на осуществление социалистической революции, выдается за «насилие над экономикой», за обреченную на неудачу попытку «преодолеть непреложные законы экономического развития» [52]. Эта мысль красной нитью проходит через всю послеоктябрьскую меньшевистскую литературу. Примечательно, что первый номер основанного Мартовым в эмиграции журнала «Социалистический вестник» открывался редакционной статьей под многозначительным названием «Экономика и политика». Исходная методологическая установка статьи — невозможность в силу уровня экономического развития России социалистической революции в ней.

После многих лет гегемонии пролетариата в российском революционном движении меньшевики вынуждены были признать этот факт в 1917 г., но, признав его, меньшевики делают следующий определяемый их вульгарно-материалистическим мировоззрением вывод: «ход событий как будто бы толкает пролетариат к диктатуре, тем более полной, чем менее страна подготовлена к социализму, — что совершенно не предусмотрено марксистско-ленинской теорией» [53]. И в этом тезисе и в других высказываниях меньшевиков явственно видна попытка противопоставить «марксизм» «ленинизму», выдать себя за «ортодоксальных марксистов». В действительности же меньшевики разошлись с марксизмом не только как реформисты в политике, но и как его вульгаризаторы с позиций «экономического материализма» в теории.

Меньшевистская теоретическая концепция социалистической революции очень наглядно выражена в следующих рассуждениях Д. Далина: «Очевидно, что если накануне революции буржуазия еще играет организаторскую роль в производстве, попытка обратить такую революцию в социалистическую обречена на неудачу. Новый экономический строй накануне революции должен быть готов, как готов памятник за минуту до своего открытия: он еще окутан полотном, для уличной толпы он еще не существует, но внимательный глаз уже разберет под покровом линии и контуры. Еще момент — и происходит «революю-

---

[50] См. об этом: Черных А. Г. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969, с. 9—68; Астраханская Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973, с. 213—224; Гусев К. В. О некоторых теоретических основах соглашательского блока (К вопросу об оценке меньшевиками и эсерами революции в России и перспектив ее развития). — В кн.: Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917—1922 гг., ч. 1. М., 1977.

[51] Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Paris, 1963, т. 1, с. 37.

[52] Пятая годовщина революции. — Социалистический вестник, 1922, № 5, с. 2.

[53] Мысль. Харьков, 1919, № 1—2, с. 2.

ция»: полотна сорваны, и толпа привётствует аплодисментами новое изваяние» [54]. Естественно, что при таком методологическом подходе «внимательный глаз» меньшевистского теоретика в отличие от «уличной толпы» не мог разобрать «под покровом» Октябрьской революции ее социалистические «линии и контуры». Методология «экономического материализма» здесь предельно обнажена: для Далина «революция» (не случайно он берет это слово в кавычки) нечто вроде приветствуемой аплодисментами «наипоследнейшей» реформы в эволюционном ряду.

Версия о «немарксистском» характере Великой Октябрьской социалистической революции — одна из центральных звеньев в буржуазных и реформистских «советологических» схемах. Любопытно, что американский историк М. Малиа в работе с претенциозным названием «Отсталая история в отсталой стране» признает, что изобретенная меньшевиками схема отсталости России перекочевала в современные работы западных авторов [55]. Причем речь идет не только о «вековой» отсталости России (тезис достаточно распространенный и в русской либерально-буржуазной историографии), но и о меньшевистских оценках «неразвитости», «незрелости», «неподготовленности» российского пролетариата, которые «позволили» большевикам «овладеть рабочим движением». У меньшевиков современные буржуазные советологи заимствуют рассуждения о том, что якобы В. И. Ленин игнорировал марксистские положения об условиях, необходимых для совершения социалистической революции [56].

Другим спекулятивным приемом современной буржуазной историографии является попытка выдать за «чисто марксистские» работы П. Б. Аксельрода, Ю. О. Мартова, Г. В. Плеханова, написанные последним в меньшевистский период его деятельности, и менее значительных идеологов меньшевизма. Подобные приемы преследуют цель представить в качестве полноправных марксистских концепций исторического развития России меньшевистские схемы, скрыв их методологическую несовместимость с марксизмом. С этой точки зрения изучение критики В. И. Лениным методологических основ меньшевистской социологии и историографии имеет не только научное, но и важное идеологическое значение.

В. И. Ленин, развивая марксистскую теорию революции и выступая как историк всех трех революций в России, показал, что глубокое расхождение в большевистских и меньшевистских оценках исторических событий в России имело под собой не только политическую, но и теоретическую основу. Меньшевики, как и «легальные марксисты», создавали свои историко-социологические модели, пользуясь «экономическим материализмом» или «экономизмом» как методологией истории, ключом к познанию общественных процессов. Критикуя меньшевистскую историографию (в частности, «Общественное движение в России в начале XX века»), Ленин постоянно подчеркивал, что это, в сущности, струвистский «марксизм». Если для народнической историографии была характерна гипертрофия особенностей России, то для меньшевистской историографии характерно нивелирование путей исторического развития, взгляд на русскую революцию как на копию западноевропейских образцов. Если народническая социология носила субъективист-

[54] Там же, № 9, с 278.

[55] Цит. по: Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977, с. 166.

[56] Об этом см.: Черняк Е. Историография против истории. М, 1962, с. 109—125; Марушкин Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969, с 175—188; Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974, с. 96—103; Марушкин Б. И. Романовский Н. Три революции в России и буржуазная историография М., 1977, с. 180—185; Салов В. И. Указ. раб., с 164—182 и др.

ский характер, то для социологии «экономического материализма» была присуща недооценка субъективных факторов в истории, в частности, принижение роли народных масс как творцов истории и роли партий как боевых авангардов классов.

Теоретические ошибки меньшевистской историографии получили выражение в упрощенном понимании взаимосвязей между базисом и надстройкой, экономическим развитием и классовой борьбой, классовой борьбой и политикой, классовой политикой и идеологией. Ленинское раскрытие всех этих диалектических взаимосвязей противостоит ведущему к историческому фатализму абсолютизированию экономики в меньшевистской литературе. Развивая марксизм, Ленин выявляет новые возможности ускорения революционного процесса, связанные с действием субъективного фактора [57].

---

[57] См.: К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина Тезисы ЦК КПСС. М., 1970, с. 15.

Л. Г. СУХОТИНА

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЙ ЗАПАДА НА РУССКУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ МЫСЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Развитие мирового революционного процесса и обострение идеологической борьбы активизируют поиски западными историками-русистами новых концепций и схем, претендующих на более адекватное освещение прошлого нашей страны, чтобы эффективнее решать задачи в области современной политики. Особенно наглядно это проявляется в исследовании передовой русской общественной мысли. Интерес к ней обусловлен стремлением не только осмыслить со своих классовых позиций Октябрьскую революцию и последующий путь социалистического строительства [1], но и предугадать перспективы развития отношений между противоположными социальными системами.

Поиски нового проявляются прежде всего в отказе от традиционных, ставших наиболее однозными, характеристик и заключений и в обращении к более гибким «сбалансированным» концепциям, а также в заимствовании отдельных выводов и наблюдений советских исследователей. Хотя, как мы увидим, это отнюдь не означает радикального пересмотра главных теоретико-методологических принципов, свойственных буржуазной исторической науке в целом [2].

Отмеченные новации особенно наглядно проявляются в современной американской и английской буржуазной историографии [3]. В кругу проблем, привлекающих внимание английских и американских русистов, как и прежде, особенно устойчивый интерес вызывает история передовой общественно-политической мысли России XIX в.

Отправным моментом их исследований является тезис о том, что в социальной мысли кроется главный механизм, обеспечивающий преемственность исторического развития страны, и поэтому в ней наиболее полно выразилась специфика русской истории [4]. Отсюда, по их логике

[1] Наиболее обстоятельно это показано в работах: Марушкин Б. И История и политика. Американская буржуазная историография советского общества М., 1969, Романовский Н. В. Современная буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции — Вопросы истории, 1977, № 10; Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции М., 1974; Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии 1917—1970-е годы Л., 1979, Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три революции в России и буржуазная историография М., 1977.

[2] На наш взгляд, именно в сохранении главных мировоззренческих и методологических позиций, а отнюдь не в «монотонности» и «одноцветности», как считает М. А. Маслин, проявляется «консерватизм» современной буржуазной историографии русской общественной мысли. (См.: Маслин М. А. Просчеты и предубеждения американского чернышевсковедения. — В сб.: Философия Н. Г. Чернышевского и современность (К 150-летию со дня рождения) М., 1978, с. 168.

[3] По мнению исследователя из ГДР Р. Эспенхайна, «решающие методологические и идеологические импульсы», определяющие на современном этапе состояние всей буржуазной исторической науки исходят от американской историографии. (См.: Espenhayn R. Socialismuskritik in der Defensive — Die Wirtschaft, 1978, S. 35.

[4] Utechin S. Russian political thought. A concise History. L., 1963, p. XII.

следует, что те, кто хочет понять нашу страну сегодня и предугадать ее будущее, должны обратиться к исследованию ее «исторических корней» в политической мысли прошлого.

Одной из составных частей этой большой и сложной проблемы является вопрос о влиянии социально-политических теорий Запада на русскую общественную мысль. Этот вопрос имеет давнюю и прочную традицию в современной буржуазной историографии. Представляется важным поэтому проследить новые тенденции в подходе к нему, наметившиеся в последние годы в связи с попытками буржуазных историков преодолеть кризисное состояние своей науки.

Следует отметить, что советские авторы ограничиваются, как правило, лишь беглой констатацией факта широкого признания буржуазными исследователями вывода о прямой зависимости и производном характере передовой русской мысли от общественно-политических теорий Запада [5].

Между тем по целому ряду причин, в числе которых отметим как одну из главных стремление буржуазных авторов обосновать неизбежность складывания в будущем некоей глобальной наднациональной доктрины [6], вопрос о взаимоотношении общественной мысли России и Европы становится сейчас остро актуальным и вызывает все возрастающий интерес западных исследователей.

Следует подчеркнуть вместе с тем, что наметившиеся сдвиги в решении буржуазными историками проблемы идейных влияний Запада отнюдь не означают, что старые традиционные трактовки полностью утратили свою роль и значение.

Методологической основой в анализе буржуазными авторами русских социально-политических теорий является абсолютизация общественной мысли, ее отрыв от остальных сторон жизни общества. Отсюда проистекает вывод о том, что социальная мысль развивается в силу своих собственных законов, не зависящих от социально-экономического развития, и находит в самой себе необходимые источники движения.

В результате анализ общественной мысли лишается конкретно-исторического подхода. Она наделяется рядом неизменных, якобы изначально присущих свойств, определяющих ее социальное содержание и эволюцию.

В числе таких константных характеристик русской общественной мысли едва ли не первостепенная роль отводится ее беспрецедентной способности к некритическому восприятию философских и политических теорий Запада. Русская интеллигенция, пишет, в частности, американский исследователь Р. Даниельс, всегда самоотверженно следовала «каждой новой радикальной или утопической доктрине», появлявшейся в Европе [7]. Другой американский исследователь К. Тидмарш утверждает вслед за веховцем М. Гершензоном, что в русской социально-политической мысли не было и подобия самостоятельного национального развития и поэтому в ее истории следует выделять не этапы внутренней эволюции, а периоды преобладания той или иной иностранной доктрины [8]. По мнению известного специалиста в области ис-

---

[5] В качестве исключения назовем книгу М. Д. Карпачева, в которой предпринята попытка связать трактовку английскими и американскими авторами проблемы идейных влияний Запада с решением ими вопроса об истоках и своеобразии идеологии русского революционного народничества. (См.: Карпачев М. Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979).

[6] См. подробнее: Смолянский В. От «конвергенции» к «планетарному сознанию» — Коммунист, 1978, № 8.

[7] A documentary History of communism from Lenin to Mao. Ed. with an Introduction by R. V. Daniels. N. Y., 1960, p. XXVII.

[8] Tidmarsh K. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism. — The Russian Review, 1961, v. 20, 1, p. 45.

следования общественной мысли России Ф. Помпера, в истории русского революционного движения отыщется немного эпизодов, которые «прямо или косвенно не были бы связаны с заграничными событиями»[9]. Помпер утверждает, например, что П. И. Пестель, создавая «Русскую Правду», исходил не из опыта русской истории (он-де лишь использовал русскую терминологию), а из опыта Французской революции и Североамериканской республики[10]. Хотя, замечает далее исследователь в соответствии со своей трактовкой истории русского революционного движения как истории усиления западного влияния, П. И. Пестель еще не утратил окончательно связи с общественными задачами и потребностями своей страны, как это произошло позже с представителями последующих поколений революционеров[11].

Тезис о прямой зависимости общественной мысли России от социально-политических теорий Запада имеет своей гносеологической основой традиционное в буржуазной историографии ненаучное представление об извечной отсталости России, побуждавшей ее с самого начала к заимствованию «образцов Запада». Процесс социально-экономического развития страны предстает под этим углом зрения как процесс ее «вестернизации», охватившей все сферы национальной жизни[12]. Он-то и обусловливает, как утверждает, в частности, американский историк М. Раев, внешне парадоксальный факт (учитывая выраженное национальное своеобразие страны) влияния общественной мысли Запада на русскую интеллектуальную элиту[13].

Развивая это положение, известный американский советолог Р. Пайпс предложил любопытную схему, объясняющую, по его мнению, необычайную восприимчивость русской социальной мысли к инонациональным влияниям. Пайпс выделяет в содержании понятия «вестернизация» два аспекта: широкий — «культурная вестернизация», означающий принятие Россией европейского образа жизни в целом, и узкий — «философская вестернизация» — заимствование западных теорий и идейных течений[14]. «Культурная вестернизация», в его трактовке, привела к формированию в стране значительного слоя секуляризованного, либерально мыслящего дворянства, заметно возросшего численно во второй половине XVIII в. (после отмены обязательной службы дворян в 1762 г.) и превратившегося в праздный класс, способный к широкому восприятию разного рода европейских идейных влияний[15].

Таким образом, по мнению Р. Пайпса и М. Раева, особая восприимчивость русской интеллигенции к идейным влияниям Запада была прямым следствием и в то же время необходимой составной частью процесса «вестернизации» России. Американский исследователь Т. фон Лауэ, как бы подводя итог подобным теоретическим построениям, утверждает, что вообще все основные устремления русского государства и общества могут быть осмыслены «только в европейском контексте» как «эхо западных тенденций»[16].

---

[9] Pomper Ph. Then Russian revolutionary Intelligentsia. N. Y., 1970, p. 11.
[10] Ibid, p. 23.
[11] Ibidem
[12] Концепция «вестернизации» России получила неоспоримое признание в современной буржуазной историографии Запада Возникшая позже теория «модернизации», трактуемая как универсальное обновление экономических, социальных и политических структур, является лишь ее осовремененным вариантом. (См. подробнее: Крупина Т. Д Теория модернизации и некоторые проблемы развития России конца XIX—начала XX вв — История СССР, 1971, № 1).
[13] Raeff M Origins of the Russian Intelligentsia. N Y, 1966, p. 150
[14] Pipes R. The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia. — Daedalus, 1960, Summer, p. 487.
[15] Ibid, p. 488.
[16] Von Laue Th. The State end Economy. In: Russian Economic Development from Peter the Greate to Stalin. Ed by Thurner H, Blackwell W, N Y., 1974, p. 200.

Другим основанием для заключения английских и американских исследователей об особой приверженности русской общественной мысли к заимствованию инонациональных влияний является неверное истолкование ими специфики русского исторического процесса. Определяющая роль в нем отводится государству как некоей самостоятельной силе, противостоящей всему гражданскому обществу в целом и являвшей собою движущее начало в историческом развитии страны. В итоге классовые конфликты подменяются борьбой двух главных антагонистических традиций — государственной и революционной. При этом революционная традиция изображается как унаследовавшая присущие своему антиподу авторитарные методы действий, которые проявлялись якобы в сектантской изолированности революционной интеллигенции от масс и игнорировании ею роли демократических учреждений в сфере социально-политической деятельности [17].

Трактуя русскую революционную интеллигенцию оторванной от общества и государства социальной группой, а ее теоретическую мысль замкнутой на себя, буржуазные авторы приходят к выводу о якобы неизбежной потребности революционной идеологии во внешних стимулах для активизации своего развития. Таким стимулом, по их мнению, и являлся идейно-теоретический опыт Запада. Отсюда необычайная подверженность русской общественной мысли западным влияниям [18]. Как утверждает, в частности, Л. Хаймсон, на протяжении всего XIX в. русская интеллигенция занималась поисками «философской панацеи», переходя от одного «интеллектуального бога» к другому, поскольку ритмы ее исканий были более быстрыми, чем темпы эволюции европейской мысли [19].

Согласно утверждению рассматриваемых авторов, интеллектуальная история России в целом являла собою ряд сменявших друг друга заимствованных культур, ибо вследствие имманентно присущего русской интеллигенции «побуждения к идеальному» и неспособности создать собственные теоретические ценности, тяготение к духовному миру Запада становится одной из важнейших национальных особенностей страны [20]. При этом, как считают некоторые авторы, русские революционные мыслители почти без разбора хватались за всякую новую западную теорию, будучи далеко не всегда способными разобраться в ее содержании [21].

Рассмотренная западноцентристская схема решения вопроса об инонациональных влияниях ненаучна в своей основе. Она исходит не только из отрицания возможности самостоятельного экономического и культурного роста России (как и любой другой «азиатской» страны) без заимствования европейских форм жизни, но и из игнорирования материальной основы зарождения и развития духовной культуры общества в целом.

---

[17] По мнению Э. Крэнкшоу, автократическая система власти настолько развратила общество, что стала ему просто необходимой (Grancshow E The Shadow of the Winter Palace. The drift to Revolution 1825—1917, L, 1976, p. 35). См также: Roos H Verhältnis von Autokratie und Anarchie als universalhistorisches Problem.— In Probleme der Geschichtswissenschaft. Düsseldorf, 1973, S. 82.

[18] К Тидмарш утверждает, что «политический экстремизм» и «импортированная идеология» были главными чертами, отличавшими русскую радикальную интеллигенцию (Tidmarch K Op cit, p. 46).

[19] Haimson L. The Russian Marxism and the Origin of Bolshevism 1955, Cambridge, Mass, p. 8.

[20] Pomper Ph Op. cit, p 8.

[21] К числу некритически заимствованных, а потому якобы не понятых и даже искаженных теорий некоторые авторы относят марксизм, пытаясь тем самым подтвердить свой тезис о его беспочвенности в России (См, например: A. documentary History of Communism from Lenin to Mao, p XXVII; Wolf B Backwardness and Industrialisation in Russian History and Thought —Slavic review, 1967, v. XXVI, N 2, p 185; Szamuely T. The Russian Tradition. L 1973, p. 179).

Ошибочные методологические посылки приводят исследователей к противоречивым выводам и ставят перед ними ряд проблем, требующих своего решения. Одной из них является проблема результатов идейных влияний Запада. Возникает вопрос: если влияния были следствием и составной частью естественного процесса «вестернизации» отсталой страны, то как объяснить тот «достаточно парадоксальный» факт, что заимствованные теории привели здесь к иным, чем на Западе, последствиям? [22] Почему эти теории не только не способствовали интеграции прогрессивной интеллигенции в социальную структуру страны, но, напротив, усилили, как полагают английские и американские авторы, ее отчуждение от общества и государства, окончательно противопоставив их друг другу.

Попытки ответить на этот вопрос многочисленны и разнообразны. Однако все они не выходят за пределы буржуазной методологии. Абсолютизируя общественную мысль, отрывая ее от социально-экономического развития страны, буржуазные историки оказываются неспособными объяснить возникающие противоречия. В конечном счете они приходят к обоснованию традиционного в буржуазной историографии тезиса о теоретической несостоятельности русской «интеллектуальной элиты» и соответственно неспособности ее к творческому усвоению заимствованных теорий.

Так, известный американский советолог, признанный на Западе специалист в области истории русской общественной мысли, Б. Вольф считает возможным говорить о принципиально отличном способе усвоения русской интеллигенцией проникающих в ее среду европейских теорий. Характер заимствования определяется, по его мнению, спецификой самого объекта влияния, а не его источником. Поскольку же русская радикальная интеллигенция была отчужденной от своего общества и государства группой, то заимствованные ею идеи воспринимались обедненными, упрощенными в своем содержании. Вырванные из контекста породившей их интеллектуальной и духовной атмосферы, они не могли реализоваться во всей полноте, а усваивались лишь в качестве средства решения неверно понятых интеллигенцией национальных задач [23].

В итоге, считает Б. Вольф, заимствованные теоретические идеалы оказывались искаженными. Не соотносясь с потребностями развития «вестернизирующейся» страны, они еще более усиливали социальную отчужденность интеллигенции [24]. М. Малиа подтверждает этот вывод, ссылаясь на то, что русские мыслители не создавали, а просто перенимали западные идеи, которые поэтому так и не стали для них родными [25].

В связи с возникшими противоречиями некоторые авторы пытаются дать более развернутое обоснование тезиса о подверженности русских мыслителей влиянию западных теорий. Американский ученый С. Утехин старается, в частности подкрепить его утверждением о сходстве обычного права России и стран Западной Европы, а также общности истоков их законодательства, которые он усматривает в римском праве. Эти обстоятельства, считает он, обусловили поразительную похожесть политического мышления России и Запада, объясняющую, в свою очередь, то, почему общественная мысль отсталой в экономическом и культурном отношении России так тяготела к философским и социальным теориям Запада [26].

---

[22] Baron S. Plekhanov. The Father of Russian Marcsism. Stanford,1963, p 3.
[23] Wolf B. Op. ciz., p. 184—185.
[24] Ibidem.
[25] Malia M. Shiller and the early Russian Left. — In: Russian Thought and Politics. Cambridge, Mass., 1957, p 200.
[26] Utechin S. Op. cit., p. XIII.

Подобное истолкование связей и взаимодействия различных национальных культур не может привести к удовлетворительному решению проблемы идейных влияний Запада и устранить все возникающие противоречия. В его основе лежит последовательное игнорирование социально-экономических основ исторического процесса вообще и русской истории в особенности, оказывающих определяющее воздействие на генезис и развитие социальной мысли и в конечном счете обусловливавших созвучие общественных задач — основу взаимодействия разнонациональных идей и теорий.

Рост темпов революционных преобразований, а также постоянное расширение интернациональных связей еще острее ставят перед буржуазными историками проблему инонациональных идейных влияний. Они оказываются вынужденными искать ответ не только на вопрос, почему в России заимствованные теории якобы усиливали социальную изоляцию радикальной интеллигенции, но и на вопрос, почему эти теории привели здесь к иным, чем на Западе, последствиям, обусловив победу революционных социалистических преобразований.

Эти вопросы ставят под сомнение обоснованность прежних концепций и схем, вызывая у буржуазных авторов настоятельную потребность в их переосмыслении.

Нарастающая неудовлетворенность «привычным» истолкованием революционных событий как следствия влияния революционной идеологии Запада находит свое выражение даже в работах, авторы которых стоят на откровенно реакционных позициях. В частности, Г. Роггер в своих попытках представить Октябрьскую революцию в качестве уникального явления [27] с целью умалить ее международную роль и значение вместе с тем обращает внимание на недостаточную обоснованность ее трактовки как результата западного влияния. Он полагает, что историю революции невозможно понять, исходя лишь из признания факта влияния прогрессивной общественной мысли Запада, ибо характер революции не может быть осмыслен «только через изучение интеллектуальной истории» [28].

Позиция Г. Роггера весьма симптоматична. Она свидетельствует о нарастающем несогласии с традиционной трактовкой проблемы западного влияния даже в ее «сбалансированной» форме.

Было бы неверно, однако, связывать наметившиеся изменения в интерпретации проблемы идейного влияния Запада только с задачами современной политической практики. В значительной степени это объясняется и тем, что история духовного развития России изучена в настоящее время буржуазными авторами гораздо полнее, чем полтора-два десятилетия тому назад. Доказательством этому служит появление целого ряда достаточно глубоких монографических исследований, авторы которых обнаруживают несравненно более обстоятельное знакомство с реальными историческими фактами, чему немало способствует лучшее знание ими работ советских исследователей. Факты же убедительно свидетельствуют о том, что влияние Запада на передовую русскую мысль несомненно, но при этом оно шире и вместе с тем не столь глубоко, как трактуют его современные буржуазные авторы. Шире в смысле его неоднозначности. Это сложный и многогранный процесс, предполагающий не простое усвоение идей и теорий Запада, но их творческое переосмысление на основе опыта революционной практики как самой России, так и европейских стран.

Революционное движение России и революционное движение Европы всегда были тесно связаны. В частности, декабристы не только ин-

---

[27] По его мнению, «русская революция» была сугубо «локальной, провинциальной и специфической» (Rogger H. October 1917 and the Tradition of Revolution — The Russian Review, v. XXVII, N 4, 1968, p. 400, 408

[28] Ibid, p. 399.

тересовались социально-политическими теориями Запада с целью выработки своих программ, но вплоть до восстания 14 декабря 1825 г. обращались и к опыту европейских революций, чтобы наметить тактику революционных действий применительно к условиям своей страны [29].

Хорошо известно также, какую важную роль сыграли, например, теория и практика европейского революционного движения в эволюции идейно-теоретических воззрений А. И. Герцена. Известно, однако, и то, что это оказалось возможным лишь вследствие его настойчивого стремления осмыслить революционные события во Франции, чтобы понять своеобразие своих национальных проблем и найти приемлемые пути их решения. Теория «русского социализма», сформулированная под влиянием революции 1848 г. во Франции, основывалась на той почве русской действительности, какою ее видел и осмысливал сам А. И. Герцен, и поэтому в конечном счете идейная эволюция революционера была органически связана с эволюцией самой России, с ее главными больными проблемами. А. И. Герцен имел полное право сказать: «Сколько ни декламировали о нашей подражательности, она вся сводится на готовность принять и усвоить формы, вовсе не теряя своего характера, — усвоить их потому, что в них шире, лучше, удобнее может развиться все то, что бродит в уме и в душе, что толчется там и требует выхода, обнаружения» [30].

Факты истории свидетельствуют о том, что связь между революционным движением России и Европы не была односторонней. Русская передовая общественная мысль не только не являлась производной, но внесла свой и немалый вклад в развитие мировой революционной идеологии. При этом по мере совершенствования русской революционной теории отчетливее обнаруживается ее влияние на революционное движение в западных странах.

Советскими исследователями давно и убедительно доказана глубокая самостоятельность русской социально-политической мысли, которая коренилась в реальных условиях самой страны и определялась задачами ее социально-экономического развития. В. И. Ленин писал: «Марксизм как единственно правильную революционную теорию Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [31]. Именно на реальной почве русской действительности и в тесном взаимодействии с Западом Россия создала оригинальные социальные теории, которые отнюдь не были простым слепком западных идей. Отношения России и Запада вовсе не сводились к отношению ученика и учителя. Россия выступала в качестве равноправного партнера в интеллектуальной истории Запада, а ее общественная мысль была неотъемлемой составной частью мировой мысли в целом. В настоящее время это признают и многие буржуазные авторы [32].

Более основательное ознакомление с историей России понуждает

---

[29] См. подробнее Орлик О В Западноевропейские революции 20-х годов XIX в. и декабристы. — Вопросы истории, 1975, № 11.

[30] Герцен А И Письма из Франции и Италии — В кн.: Собрание сочинений в 30-ти т, т 5, М, 1955, с. 24.

[31] Ленин В. И Полн собр соч, т 41, с 8

[32] Итальянский историк Ф Дамиани отмечает, например, что активное участие М. А. Бакунина в революционном движении Италии и тесные связи его с радикальными слоями имели «огромное значение» в развитии и распространении здесь утопического социализма и росте революционно-демократического движения в целом (См.: Damiani F. Bacunin nell' Italia Postunitaria. 1864—1867. Anticlericalismo, democrapia, questione operaia e contadina negli anni del Soggiorno italiano di Bacunin. Milano, 1977).

английских и американских исследователей искать новые концептуальные схемы, способные более адекватно, с учетом выявленного исторического материала, объяснить взаимодействие общественной мысли России и Запада. Существенное значение при этом имеет то обстоятельство, что в последние годы (особенно с начала 70-х годов) заметно меняются представления буржуазных авторов о русской революционной интеллигенции как таковой, ее определяющих характеристиках и свойствах. Нарастающие темпы мирового революционного процесса все настойчивее опровергают привычные для буржуазных исследователей представления о ее национальной исключительности. В связи с этим подвергаются пересмотру традиционные в буржуазной историографии определения интеллигенции как уникальной социальной группы, представлявшей изолированную секту, не связанную с реальными потребностями страны и народа и поэтому лишенную необходимых творческих потенций и импульсов. Все настойчивее обозначается тенденция квалифицировать революционную интеллигенцию в качестве исторического феномена, закономерно возникающего не только в отсталых, подобно дореволюционной России, странах, но и во всех странах вообще в качестве нового элемента социальной структуры, чье появление в настоящее время вызвано необычайным динамизмом социальной жизни в условиях научно-технической революции [33]. В такой трактовке революционная интеллигенция утрачивает свою чисто русскую уникальность. Аналогичными характеристиками наделяются подобные социальные группы, возникающие при определенных условиях (когда правительства оказываются неспособными решать возникающие проблемы нации) и в других странах.

В этой связи заметной корректировке подвергается также проблема идейных влияний Запада. Она ставится в иную плоскость, а именно как проблема взаимовлияния и взаимообогащения, что позволяет решать ее не столь грубо, однолинейно, как прежде [34].

В новейшей английской и американской историографии все прочнее утверждается понимание того, что интеллектуальную историю страны невозможно осмыслить вообще, поместив ее только в национальные рамки Выражением этих сдвигов является признание европейского характера и общечеловеческой значимости русской социальной мысли. Выдающиеся революционные деятели России (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, М. А. Бакунин) рисуются в ряде работ богато одаренными людьми, глубокими оригинальными мыслителями, обладавшими высоким творческим потенциалом и внесшими большой вклад в мировую науку и культуру [35]. Их интерес к общественно-политическим теориям Запада трактуется не как результат простой тяги ко всяким новым теориям, но как проявление стремления к глубокому самостоятельному

---

[33] Эта точка зрения отчетливо прозвучала в дискуссии по проблемам современной интеллигенции на VII Всемирном социологическом конгрессе. (См : The Intelligentsia and the Intellectuals: Theory, Method and the Case Stady. Ed. by Gella A Beverly Hills, California, 1976, См также: Lipset S. and Dobson R. The Intellectuals, as Critic and Rebel With special referense to the Unated States and the Soviet Union.— Daebalus, 1972, Summer, p. 149)

[34] Следует отметить, что это определяется и явственно обозначившимся в буржуазной историографии отходе от «евразийской» теории в оценке места России в мировой истории (Подробнее см Сухотина Л Г О некоторых новых тенденциях англо-американской историографии в освещении исторического места России. — В кн : Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980, вып 14)

[35] См, например Mc Nally R Chaadaev and his Friends. An Intellectual History of Peter Chaadaev and his Russian Contemporaries Tallahasee, Florida, 1977, Masters A Bacunin the Father of Anarchism L, 1974, Vucinich A Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society. 1861—1917. Chicago, L. 1976; Riasanovsky N A parting of the Ways Government and the Educated Public in Russia 1801—1855 Oxford, 1976; Pereira N. The Thought and Theaching of N. G. Chernysevsky. The Hague-Paris, 1975.

осмыслению своих национальных проблем. Нельзя не заметить, что такой подход в большей мере согласуется с попытками буржуазных авторов свести русскую историю XIX в. к процессу «модернизации», которая все более трактуется не как простое пересаживание европейских институтов на почву России, но как их приспособление к ее традиционным формам жизни [36]. Так, по мнению Р. Мак-Нелли, которому принадлежит интересное исследование о П. Я. Чаадаеве (одно из наиболее глубоких в английской и американской буржуазной историографии в целом по истории русской общественной мысли), социально-политические теории западных мыслителей служили П. Я. Чаадаеву, как и его друзьям-славянофилам, лишь точкой отправления для решения своих национальных проблем [37]. Поэтому, считает Мак-Нэлли, Чаадаев был наиболее критичен к взглядам тех западных мыслителей (Кант, Фихте, Шеллинг), труды которых особенно интересовали его [38].

Талантливым оригинальным мыслителем, обладавшим тонким историческим чутьем и глубоким пониманием социальных процессов, показан в ряде работ А. И. Герцен. В частности, в книге английской исследовательницы М. Партридж он предстает как признанный авторитет в кругах прогрессивной европейской общественности [39]. При этом решительно отвергается давно и прочно укоренившаяся в буржуазной историографии традиция изображать А. И. Герцена либералом. М. Партридж характеризует его убежденным революционером, понимавшим особенности конкретно-исторической ситуации в России и внесшим существенный вклад в развитие мировой социалистической теории [40].

Как мыслителя, наделенного проницательным и критическим умом, оценивает А. И. Герцена также другой английский исследователь Т. Самуэли. Разделяя иронию М. Малиа по поводу якобы непонятного интереса Герцена и остальных русских эмигрантов 40-х годов XIX в. к Западу в ситуации, когда перед ними стояло множество собственных нерешенных проблем, Т. Самуэли признает, что именно глубокое наблюдение социально-политической жизни Европы и, в частности, событий 1848 г. привели А. И. Герцена к коренному пересмотру своих ранних воззрений. В результате социализм Герцена явился синтезом европейских политических концепций и славянофильских теорий [41].

Однако эти заметные позитивные сдвиги, проявившиеся в признании самостоятельной роли и значения русской социальной мысли, вовсе не означают радикального пересмотра английскими и американскими исследователями традиционных концепций, обусловленных методологической ограниченностью буржуазной исторической мысли в целом.

Убедительным подтверждением этого является недавно вышедшая работа английского исследователя Э. Актона о Герцене [42]. В ней отчетливо проявились как новые тенденции в интерпретации проблемы западного влияния, так и старые укоренившиеся схемы.

Э. Актон анализирует деятельность А. И. Герцена в самый напряженный период его жизни за границей (1847—1863 гг.). Убежденный революционер и социалист, А. И. Герцен предстает в работе большим гуманистом и творчески одаренной оригинальной личностью, чья духовная биография необычайно драматична и интересна. Страстные этические поиски русского революционера, глубокая вовлеченность в

---

[36] Подробнее см. Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976, с. 11, 12.

[37] McNally R. Chaadaev and his Friends, p. 180—182.

[38] Ibid, p. 195.

[39] Partridg M. Alexandr Herzen. His last phase. In: Essays in honour of E. H. Carr. Ed, by Adramscy C. L., Basingston, 1974.

[40] Ibid, p. 36, 40.

[41] Szamuely T. Op. cit, 1974, p. 201.

[42] Acton E. Alexandr Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary. Cambridge, L., N. Y., Melbourne, 1979.

решение «проклятых вопросов» своего времени, а также его конфронтация с социальной действительностью и общественной мыслью стран Запада позволили Актону поместить Герцена в первую шеренгу мыслителей с мировыми именами.

Э. Актон в целом правильно ставит проблему места и роли А. И. Герцена в мировом революционном движении. Так, он отвергает несостоятельные попытки ряда авторов (в частности, М. Малиа) трактовать взгляды А. И. Герцена с позиций националистического мессианства [43]. Решительно возражает Актон тем исследователям, которые стремятся представить идейно-теоретические воззрения А. И. Герцена лишь как «простое отражение западной мысли» [44]. Он считает, что только «условия русской жизни» могут пролить свет на «источник» и «природу» социально-политических взглядов революционера [45]. Однако общая идейно-методологическая ограниченность концепции Актона не позволила ему верно решить все поставленные в работе вопросы. Отрицая роль идейных влияний Запада в качестве главного источника, обеспечивавшего динамизм и поступательное развитие русской социальной мысли, он оказался не в состоянии обнаружить действительные факторы, обусловившие это развитие. Предпринятые им попытки обратиться к анализу конкретно-исторической ситуации в России оказываются совершенно неудовлетворительными. Не связывая взгляды А. И. Герцена с общественными позициями и требованиями определенных классов русского общества, Актон утверждает, что социальные мечты революционера «парили» над такими «земными» вопросами, как отмена крепостного права. Неприятие же Герценом государственной власти объясняется лишь тем, что в глазах русского государства он был «незаконнорожденным» [46]. В результате влияние самой «атмосферы русской жизни» проявлялось, по мнению Актона, в том, что в России единственной «ощутимой сферой» перемен были идеи. Поэтому здесь, а не в области социально-экономических институтов, русские революционные деятели искали решения волновавших их проблем [47].

Соответственно Э. Актон оказывается также не в состоянии правильно решить вопрос об отношении А. И. Герцена к европейской общественной мысли. Оно интерпретируется как следствие сугубо личностного, лишенного классовой ориентации и обусловленного лишь психологическим состоянием мыслителя, восприятия идейно-теоретического наследия Запада. По мнению Актона, критика А. И. Герценом общественно-политических теорий и культуры Запада (как и социальных процессов и явлений в целом) была не более чем «защитной» реакцией «вестернизованного представителя отсталой страны» при встрече с «культурным» Западом [48].

Аналогично рассматривается вопрос о взаимоотношении общественной мысли России и Европы одним из наиболее наблюдательных и объективных исследователей русской истории американским ученым Н. Рязановским. Анализируя в своей недавно вышедшей книге «Раз-

---

[43] Ibid, 28, 84.

[44] «Русская интеллигенция в целом, — пишет он, — заимствовала у западных мыслителей лишь те положения, которые помогали ей решить свои собственные проблемы» (Ibid., p. 9).

[45] Ibid, p 11.

[46] Э Актон полагает, что историко-философские и социально-политические воззрения А. И Герцена были вообще лишены каких-либо объективных коррелятов и определялись лишь его чисто личностным, основанным на эмоциональной фантазии («огромном кипучем Я») восприятием реальности. (Ibid, p 3, 6)

[47] Ibid, p. 13, 15

[48] Резко отрицательные характеристики Герценом европейской буржуазии, содержащиеся в его знаменитых «Письмах из Франции и Италии», Актон оценивает всего лишь как следствие «аристократического восприятия» «суетного и неудобного путешествия» среди толп простого народа (Ibid, p. 26, 27, 28).

деление путей»[49] развитие передовой русской мысли XVIII—XIX вв., он приходит к выводу, что Россия всегда была внутренне близкой западноевропейским странам и что ее духовное развитие составляло неотъемлемую часть интеллектуальной истории Запада. Однако это верное положение не избавляет автора от ошибочной трактовки проблемы западного влияния. Обращаясь к факторам, обусловливавшим движение русской общественной мысли, Рязановский находит их в самой логике ее развития[50]. Внутренним проблемам России (в том числе крепостному праву и кризису феодально-крепостнических отношений) он, как и Э. Актон, отводит весьма незначительную роль, считая их второстепенными наряду с другими причинами (реакционными мерами правительства, неудачами внешней политики и общественным мнением Европы)[51].

Лишая общественную мысль социально-экономической почвы, Н. Рязановский логически приходит к тому, от чего пытался отмежеваться, — преувеличению роли западного влияния и выводу о производном характере передовой социально-политической мысли России. По его мнению, Запад всегда представлял «мощный вызов» образованному русскому обществу, развивал в нем стремление к самоусовершенствованию. Это вело, с одной стороны, к заимствованию универсальных европейских принципов просвещения, с другой — к созданию национальной доктрины, основанной на преемственности собственных интеллектуальных посылок[52].

Абсолютизация общественной мысли приводит Н. Рязановского в конечном счете к традиционному в буржуазной историографии выводу об отчуждении русской революционной интеллигенции от задач и потребностей развития своей страны, утрате интеллигенцией реальных нравственных ориентиров, обернувшихся для нее социальной трагедией[53].

Не лишен интереса еще один вариант интерпретации проблемы идейных влияний Запада. Он связан с давно укрепившимся в буржуазной историографии выводом о якобы гипертрофированной вере русских радикальных мыслителей в силу идей. Как и прежде, эта вера представляется буквально граничащей с фанатизмом, мешающей понять относительность человеческого знания и приводящей к переоценке роли и значения социальных наук в историческом процессе[54]. Американский исследователь Н. Перейра в своем рвении обосновать этот вывод пытается привлечь аргументы, выходящие за национальные рамки. Он утверждает, что необычайная вера русских радикальных мыслителей в преобразующую социальную роль науки была обусловлена отнюдь не иррациональностью существовавшего социального порядка в России, а своеобразием положения самой интеллигенции, отчужденной от общества и государства[55]. В этих условиях, считает он, ставший не-

---

[49] Riasanovsky N. Op. cit

[50] «Люди не меняют своих убеждений, — пишет Рязановский, — они умирают. Интеллектуальная эволюция продолжается из поколения в поколение». (Ibid, p. 150).

[51] Ibid., p. 262, 263

[52] Наиболее ярким примером такого рода синтеза национального и инонационального Н. Рязановский считает славянофильство. (Ibid., p 202).

[53] Он полностью разделяет вывод другого американского исследователя Д. Броуэра о том, что если традиционные национальные ценности и обычаи уже больше не удовлетворяли русских радикальных мыслителей, то виноваты в этом были они сами. (См.: Brower D. Fathers, Sons and Grandsons: Social orjgins of Radical Intellectuals in Ninetheenth century Russia—Journal of Social History, 1969, vol. 2, N 4, p. 353—354; Riasanovsky N. Op. cit, p. 264).

[54] Во всех других странах, считает Р. Мак-Нэлли, проблемой развития истории человечества была занята лишь академическая профессура, в России же, напротив, только интеллигенция «сжигала себя» в поисках ответов на эти «великие» вопросы исторической науки. (Mc Nally R. Op cit., p. 221).

[55] Pereira N. Op. cit., p. 15, 16.

обычайно популярным в Европе середины XIX в. в связи с быстрым развитием наук «социальный неотомизм» приобрел в России особенно прочные позиции. Больше, чем в какой-либо другой стране, радикально мыслящие слои России уверовали в возможность использования науки как орудия в достижении «рационального строя» [56]. Конечным же результатом было то, что радикальная интеллигенция отсталой страны, какой была Россия, становилась «пленником иностранной идеологии» и, оставляя учение за порогом жизни, полностью утрачивала связи с самой жизнью [57]. Н. Рязановский утверждает при этом, что чем более Россия в целом развивалась интеллектуально, тем сильнее она оказывалась восприимчивой к инонациональным влияниям [58].

* * *

Мы видим, таким образом, что все рассмотренные варианты новых трактовок проблемы идейных влияний Запада на Россию представляют собой лишь несколько модернизированные в соответствии с требованиями времени старые традиционные схемы. Их смысл, как и прежде, сводится в итоге к признанию неспособности русской общественной мысли к самостоятельной творческой деятельности.

Современность властно вторгается в историографическую практику буржуазных исследователей, заставляя их искать более приемлемые концептуальные схемы при изучении конкретных проблем русской истории. При этом поиски более эффективных методов интерпретации активизируются по мере возрастания влияния марксистской исторической науки. Однако частичная модификация их идейно-теоретических посылок не меняет мировоззренческой основы, проявляющейся в отрицании объективных законов общественного развития, а поэтому не может привести буржуазных исследователей к научному решению рассматриваемой проблемы.

---

[56] Ibid., p. 15.
[57] Ibid., p. 16.
[58] Riasanovsky N. Op. cit., p. 153.

В. М. МУЧНИК

КОНЦЕПЦИЯ «СВОБОДЫ ВЫБОРА» И НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ А. Дж. ТОЙНБИ

Когда темпы исторического процесса резко ускоряются, когда будущее кажется проблематичным, а прошлое либо идеализируется, либо, напротив, драматизируется, но так или иначе вызывает к себе интерес именно с точки зрения вопросов настоящего, историку как представителю науки социальной трудно оставаться на почве сугубо академических рассуждений. Размышляя над проблемами истинного содержания истории, закономерности исторического движения, места человека в исторической картине, функций исторического познания и его пределов, историк определяет и собственное место в меняющемся мире.

Это соображение является необходимым условием корректного усвоения философско-исторических воззрений крупнейшего теоретика английской либеральной историографии А. Дж. Тойнби (1889—1975), включая и его построения в области методологии истории [1].

[1] В работе мы имеем возможность опереться на солидную традицию критики Тойнби, как зарубежной, так и отечественной Араб-Оглы Э А Концепция исторического круговорота — В сб Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии М, 1960, Арзаканьян Ц Г Трактовка гуманизма в современных буржуазных концепциях культуры и цивилизации — В сб · От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела М, 1969; Киссель А М Немарксистская философия истории в XX в — В сб: Кризис современной буржуазной идеологии Л, 1978; Кон И С. Дж. Тойнби. Исследование истории. Т. 12. (Пересмотр). — Вопросы истории, 1965, № 1, Косминский Е А Историософия Арнольда Тойнби — Вопросы истории, 1957, № 1; Маркарян Э. С. О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962, Рашковский Е. Б. Арнольд Джозеф Тойнби: история и культура в экологической перспективе. — Народы Азии и Африки, 1979, № 2, Он же. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А Дж Тойнби М, 1976, Он же Мемуаристика А Дж Тойнби —Вопросы философии, 1971, № 11, Семенов Ю И Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; Чесноков Г. Д Современная буржуазная философия истории Горький, 1972, Шофман А И, Сергеев Н А Критика концепции Арнольда Тойнби в советской науке — В сб Критика буржуазных концепций всемирной истории Казань, 1976; Geyl P From Ranke to Toynbee Northhampton, Massachusets, 1952, Geyl P. Toynbee's answer Amsterdam, 1961, Heine-Geldern R The origin of ancient civilizations and Toynbee's theories — Diogenes, N 13, 1956, p. 81—99, Jerrold D The lie about the West. New York, 1954, Lalwani K C The Burden of the Past Calcutta, 1974; Madaule J A Biological and mystical interpretation of history· A J. Toynbee, — Diogenes, N 13, 1956, p 29—44, Marwick A The Hature of History New York, 1971, Mehta V Fly and the Fly-Bottle. Encounters with British Intellectuals. Hammorford, Middlesex, 1956, Mumford L A Study of History — Diogenes, N 13, 1956, p. 11—28 Ortega -y-Gasset J An Interpretation of the Universal History. New York, 1973, Popper M. A Bibliography of the works in Ehglish of Arnold Toynbee 1910—1954 London — New York, 1955; Renou L. The civilisation of India according fo Arnold Toynbee. — Diogenes, N. 13, 1956, p. 69—80; Sorokin P. A. Social Philosophies of an Age of Crisis. Boston, 1951; Thompson K. W. Toynbee and world politics Basic forces underlying contemporary international relations — Diogenes, N 13, 1956, p. 45—68; Toynbee and History Boston, 1956 Среди многочисленных советских работ особо хотелось бы выделить основательные исследования Е. Б Рашковского.

Данная статья уже была сдана в печать (1979 г.), когда появилась интересная монография Ю. Н. Семенова (Семенов Ю. Н Социальная философия А. Тойнби. Критический очерк. М., 1980), несколько страниц которой также посвящено исследованию проблемы соотношения «закона» и «свободы» в философии истории А. Тойнби.

Мы остановимся на трактовке Тойнби следующих важнейших вопросов исторического бытия и исторического познания: 1) закон и свобода в истории (для обозначения проблемы взято название соответствующей главы основного труда Тойнби «Исследование Истории») [2], 2) пределы исторического познания, его достоверность, функции (только в контексте первой проблемы).

Признавая устойчивость общефилософского ядра воззрений Тойнби, нельзя не отметить вполне определенных колебаний исследователя в области методологии, обусловленных, впрочем, в значительной степени именно этой устойчивостью.

Философские воззрения мыслителя, несомненно, связаны (хотя, конечно, не определяются ими полностью) с его воззрениями на современность, с его социальной позицией, достаточно четко зафиксированной в советской критической литературе последнего времени. В отношении Тойнби эта связь выступает с максимальной степенью очевидности. С констатации того обстоятельства, что «в любое время в любом обществе исследование истории, как и любая другая социальная деятельность, подчиняется доминирующим в данное время и в данном обществе тенденциям» [3], Тойнби начинает свой основной труд. А. Марвик, характеризуя особенности исторического мышления Тойнби, употребляет термин present-mindness [4], который можно было бы перевести как «презентизм», не означай это слово вполне определенного направления в методологии, в трактовке которого история... «рассматривается как своего рода узаконенная иллюзия, создаваемая для определенных целей в данной ситуации и поэтому нуждающаяся в том, чтобы с изменением ситуации ее также постоянно переписывать заново» [5]. Тойнби, несмотря на содержащиеся в его работах элементы релятивизма, к этому направлению отнести никак нельзя. Поэтому переведем — «обращенность мысли в настоящее» [6].

Острейшей философской проблемой современности для Тойнби является проблема свободы личности [7]. Будучи чрезвычайно важной для Тойнби-человека (здесь, очевидно, дело не только и не столько в стремлении доказать способность западной цивилизации к дальнейшему развитию, но и в чрезвычайной актуальности вопроса в контексте исторических явлений XX в. вообще) [8], она разрабатывается Тойнби-философом и историком на историческом материале. «Одна из главных про-

---

[2] Далее этот труд будет обозначаться по начальным буквам английского названия SH

[3] Toynbee A J. Study of History London—New-York—Toronto, 1948, V. 1, p. 1.

[4] Marwick A The Nature of History. New York, 1971, p. 108.

[5] Скворцов Л. В. История и Анти-история. К критике методологии буржуазной философии истории М., 1976, с 46.

[6] Вывод относительно обращенности мысли Тойнби в настоящее при освоении прошлого подкрепим двумя его собственными свидетельствами: 1 Непосредственным толчком к созданию труда по всеобщей истории, неоднократно отмечал Тойнби, был «август 1914» и последовавшие затем события (см, например: Toynbee A J. Experiences. London, 1969, p. 45). Вообще первая мировая война, по его мнению, историзировала мышление значительной части западного мира (и англичан в том числе), бывшее в конце XIX — начале XX вв. открыто антиисторичным, человек воспринимал свое время как счастливое и не подлежащее коренным изменениям завершение предшествующей истории (Toynbee A J Civilization on Trial New York, 1948, p. 16—17). 2. Тойнби констатирует, что его философско-исторические изыскания не могли бы быть успешными без параллельной работы над «Обзором международных отношений» (Toynbee A Experiences, p 85—87).

[7] Вообще концепция свободной личности — неотъемлемая часть традиции английского либерализма в целом (См.: Богомолов А С. Английская буржуазная философия 20 века. М., 1973, с. 27).

[8] Свобода, по Тойнби, предполагает ответственность каждого человека за свой выбор В послевоенные годы он неоднократно отмечал, что мера ответственности в атомный век возрастает. Мыслитель подчеркивал особую ответственность человечества за культурное достояние, непрочное в сравнении с многотысячелетней традицией «тварности», Тойнби с грустью констатировал, что достаточно было десятка лет фа-

блем для нас, — отмечает исследователь, — примирение двух элементов человеческой природы: той, которая, как это видел Шпенглер, подчиняется естественному закону, и той, которая имеет свободу и способность выбора, способность рассмотрения и решения... Жизнь человека протекает в конфликте этих двух тенденций» [9].

Действительно, несомненный антропоцентризм концепции Тойнби определяет обоснование им категории свободы выбора, выходящего за рамки исторической определенности [10]. Но, с другой стороны, из приведенной декларации явствует, что сохранение свободы мыслится как «примирение» ее с необходимостью. Какие же пути «примирения» намечает английский теоретик?

Отвечая на этот вопрос, будем опираться в основном на соответствующие страницы SH, специально посвященные обсуждению данной проблемы. Тойнби начинает с того, что констатирует значимость вопроса для современного Запада. «В течение 100 лет, предшествовавших 1914 году (!) западный человек очень мало интересовался проблемой, с которой нам в данный момент приходится иметь дело, либо противоположные типы решения казались ему равноудовлетворительными. Если человеческое существование управляется сверхчеловеческим законом, то этот закон вполне удовлетворителен — Закон Прогресса. Если, с другой стороны, такого закона не существует, можно спокойно сделать вывод о том, что деятельность свободных и разумных человеческих существ гарантирует аналогичные результаты. К середине 20 века ситуация явственно изменилась. Обратили внимание на то, что Цивилизации прошлого погибали. И трещины на претенциозном фасаде небоскреба, воздвигнутого Современным Западным Человеком, стали ныне хорошо заметны. Нет ли закона, подобного открытому Освальдом Шпенглером в его догматической работе «Закат Европы», согласно которому наша цивилизация должна пойти по пути своих предшественниц? Либо мы свободны исправить свои ошибки и создавать собственную судьбу?» [11]

Для того, чтобы разрешить эту весьма категорично сформулированную альтернативу, теоретик прежде всего выясняет содержание самой категории «Закона». «Закон» для Тойнби, прежде всего, — нечто необходимое, подчиняющее человека, он «не создан Человеком и не может быть им отменен» [12]. Может показаться, что тойнбианский «Закон» тождествен категории необходимости вообще. Но это заключение поспешно, ибо понятие «Закон» в системе Тойнби не однозначно.

Прежде всего существуют «Законы Природы». В их совокупность включаются как часть и закономерности развития цивилизаций, те самые циклы генезиса — развития — надлома — разложения, которые были выделены на предыдущих страницах SH. Тойнби отмечает, что возможны два объяснения существованию в истории повторяющихся циклов. «Законы, ими (регулярностями.—*В. М.*) управляющие, могут быть присущи либо природному окружению Человека и навязаны течению Истории извне, либо они коренятся внутри психической структуры самого человека» [13]. Собственно природные условия и, соответственно, природные циклы (например, сезонный), несомненно, влияют на ис-

---

нистского режима, чтобы полностью вытравить культуру из, казалось бы, в высшей степени цивилизованной Германии. (См.: Toynbee A. J. Change and Habit. The Challenge of Our Time. London—New York—Toronto, 1966, p 18).

[9] Цит. по: Киссель А. М. Немарксистская философия истории в XX в., с. 23.

[10] По Тойнби, способность делать свободный выбор между Добром и Злом — одна из основополагающих отличительных характеристик Homo Sapiens. (См.. Toynbee A J Change and Habit. The Challengeof Our, Time, p. 819).

[11] Toynbee A. J. A. Study of History. Abridgement of v-s 1—10 by D. C Somerwell London—Uew York—Toronto, 1962, p. 819.

[12] Ibid, p. 819.

[13] Ibid, p. 837.

торию, — рассуждает Тойнби, — но влияние это по мере развития технологии уменьшается. Устойчивое действие «Законов Природы» в истории объясняется тем, что они коренятся на досознательном уровне в психике основного ее действующего лица — человека. «Например, одним из социальных мифов, явно обязанных своим существованием досознательному уровню психики детей цивилизации, был идол суверенного локального государства...», — отмечает Тойнби, рассуждая далее об устойчивости этого «мифа» и громадном количестве жертв, ему принесенных [14].

«Ужасающая черта Законов Природы — их неумолимость, и все же она несет с собой компенсацию. Так как эти Законы неумолимы, они могут быть выявлены человеческим интеллектом. Природа умопостигаема для человека, а получаемые знания дают силу. Человек может изучить Законы Природы для использования ее в своих целях. В этом предприятии человек достиг поразительных успехов. Он даже расщепил атом — и каковы результаты?» [15].

Риторический вопрос, завершающий эту тираду, — ключ к последующим рассуждениям Тойнби. Знание и использование Законов Природы явно не освобождает из тисков обусловленности, а порой даже усиливает их давление. И здесь мыслитель прибегает к излюбленной метафоре. „«Законы Природы» вскрывают регулярность повторяющегося движения, подобно колесу, вращающемуся вокруг своей оси. Если нам удастся представить себе колесо, возникшее без созидающего действия колесника и затем вращающегося вечно, не служа никакой цели, эти повторения действительно будут бесполезными. Это пессимистическое заключение сделали индийские и греческие философы, созерцающие «скорбное колесо существования», вращающееся вечно в вакууме. В реальной жизни не существует колес без колесников, а колесников— без возниц, заказывающих им колеса и повозку с тем, чтобы повторяющееся движение колеса двигало повозку в направлении, необходимом вознице. «Законы Природы» имеют смысл, когда изображаются как колеса, сделанные Богом для собственной колесницы" [16].

Таким образом, действие Законов Природы (=необходимости) Тойнби пытается определенным образом ограничить, подчинить некой высшей реальности, которая обозначается им как Закон Бога. Здесь-то мыслитель и пытается найти основы свободы человека. «...Как Свобода связана с Законом. Очевидность показывает, что Человек живет не по одному Закону, но по двум, и один из этих двух есть Закон Бога, являющийся самой свободой под другим, более понятным названием» [17].

Отметим пока в этом высказывании одну сторону — несомненное стремление выделить в бытии человека два самостоятельных домена: свободы и необходимости. Такой способ решения проблемы был предложен еще Кантом в «Критике чистого разума» при анализе третьей антиномии [18]. «...Свобода, — писал немецкий философ, — может иметь отношение к совершенно иному ряду условий, чем естественная необходимость, и поэтому закон этой необходимости не влияет на свободу, стало быть, и то, и другое могут существовать неза-

---

[14] Ibid, p 843

[15] Ibid, p. 819.

[16] Ibid, p. 820—821; См. также: Toynbee A. J. A. Study of History. London—New York—Toronto, 1963, V. 9, p. 174.

[17] A Study of History. Abridgement .., p. 857.

[18] Она гласит. «ТЕЗИС Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность АНТИТЕЗИС Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы». (Кант И Критика чистого разума. — Соч. в 6-ти т., т. 3. М., 1964, с. 418—419)

висимо друг от друга и не препятствуя друг другу» (выделено мною. — *В. М.*) [19].

Здесь мы не претендуем на сколько-нибудь глубокую историко-философскую параллель, но лишь пытаемся продемонстрировать определенное сходство рассуждений, являющееся следствием близости посылок. «За основным вопросом «Критики чистого разума», — пишет А. В. Гулыга, — как возможны синтетические суждения априори — эхом звучит другой, для Канта более важный — как возможна свобода человека. Свобода есть, но где она? В мире явлений мы ее не обнаруживаем, человек свободен только в мире «вещей самих по себе». Дуализм Канта — это своеобразная попытка оправдать двойственность поведения человека в антагонистическом обществе, где приходится приноравливаться к обстоятельствам, а нравственное поведение требует героизма» [20].

Расчленение бытия, предпринимаемое Тойнби, напоминает аналогичные рассуждения Канта. Это сходство, вероятно, обусловлено следующими, общими для обоих посылками: 1) стремлением сохранить свободу человека в рамках конструируемой системы; 2) наличием достаточно абстрактной модели самого человека (в одном случае это абстрактное, познающее мир и противопоставленное ему «Я», в другом — это модель человека действующего, но не менее абстрактная в своей общности для всего цивилизационного периода); 3) желанием объяснить мир, а значит сохранить в системе действие необходимости.

Конечно, прямая аналогия была бы здесь попросту антиисторичной. Еще раз повторим, что усматриваем определенное сходство лишь в путях мышления — и то до определенной точки, с которой начинается расхождение. Проблема в интерпретации Канта явно смещена в область абстрактной гносеологии. Рассуждения же Тойнби имеют в качестве перспективы применение построенной системы к конкретной исторической реальности. Это обстоятельство обусловливает не только разницу в используемом категориальном аппарате, но и конечное расхождение в области выводов. Цель Канта — создание абстрактной, внутренне непротиворечивой философской схемы. Сохранив свободу (в мире ноуменов), но найдя место и для необходимости (в мире феноменов), он может считать проблему разрешенной.

Другое дело — Тойнби. Ему нельзя ограничиваться лишь расчленением истории. Ибо простое утверждение того обстоятельства, что в истории действует «два закона», в перспективе означает для историка изгнание свободы из своей системы, ведь объяснение конкретной исторической реальности требует, чтобы он пользовался категорией необходимости. И поэтому, отчленив свободу от необходимости, Тойнби вынужден затем принимать меры по «сведению» их воедино.

В сущности уже само использование категории Закона Бога (=свобода) [21] является попыткой объединения противоположностей. Но само по себе утверждение «Свобода есть Закон» без объяснения основ такой связи остается пустым софизмом. По Тойнби, основой связи является сам человек, реально (даже физически, имея в виду строение его психики) принадлежащий двум мирам. Поскольку человек изна-

[19] Там же.

[20] Гулыга А. В. Кант М., 1977, с 123.

[21] Отметим, что в «Критике чистого разума» также используется категория «закон свободы», однако в совершенно иной трактовке, нежели в SH: «..Разум дает также законы, которые суть императивны, т. е. объективные законы свободы, и указывают, что должно происходить хотя, быть может, никогда и не происходит; этим они отличаются от законов природы, в которых идет речь лишь о том, что происходит.. (выделено Кантом. — *В. М.*) (Кант И. Критика чистого разума, с. 659—660). Для Тойнби же характерно как раз стремление показать, каким образом «происходит» свобода в истории.

чально отягощен Инь [22], он подчинен законам необходимости. И именно эта подчиненность является основным фактором, ограничивающим свободу выбора: «...в то время как подсознательный уровень человеческой природы общ для человечества и по крайней мере некоторых других разрядов живых существ, две отличительные способности принадлежат только человеческой природе (они взаимосвязаны) — это сознательность и способность, которую дает нам сознательность, сделать выбор. (Я прибегаю к терминологии нашего практического опыта, не вторгаясь в философский вопрос о свободе воли» [23]).

На наш взгляд, свобода воли урезается Тойнби до свободы выбора вынужденно — это ограничение диктуется логикой построения системы. Любой теоретик, постулирующий абсолютную свободу воли, заведомо отказывается от всякого исторического объяснения, от всякой систематизации исторических явлений. Цель же Тойнби — именно построение системы.

Рассмотрим теперь категорию «свободы выбора» в трактовке английского теоретика более подробно, тем более, что сущность марксистского воззрения на свободу также можно свести к свободе выбора особенно в свете современного интереса к проблеме альтернативности в истории [24].

Ситуация выбора, по Тойнби, возникает в ходе исторического развития постоянно в связи с действием ключевого закона его системы, выраженного мифологемой Вызов—Ответ. «Каким бы ни был Вызов, для людских душ это всегда даваемый Богом стимул к свободе выбора» [25]. Если учесть, что на протяжении развития цивилизации наблюдается переориентация Вызовов в рамках «самоопределения», являющегося важнейшим критерием развития цивилизации (с внешней сферы развития цивилизации во внутреннюю: от противоречий с природой — к противоречиям социальным и, наконец, — к противоречиям духовным) [26], а, значит, в каждый данный момент история цивилизации связана с предшествующей чередой Вызовов—Ответов, то можно говорить об исторической обусловленности свободы выбора в системе. Но каждый выбор, по Тойнби, морален — выбор между Добром и Злом (Ян и Инь). Здесь уже следует говорить не о наборе альтернативных путей развития, но об одной глобальной альтернативе, общей для всех времен и цивилизаций. И именно в рамках этого выбора, согласно Тойнби, осуществляется абсолютная свобода человека. Подчеркивая это обстоятельство, он, несомненно, выводит свободу выбора за границы исторической обусловленности, что не может не вести к выхолащиванию реального исторического содержания системы [27].

---

[22] В своих работах Тойнби постоянно использует китайскую мифологему Инь-Ян, впрочем, вкладывая в нее скорее христианское содержание В китайской традиции Инь-Ян, сочетаясь, образуют вселенскую гармонию, у Тойнби же — резко противостоят (как Зло и Добро), Впрочем в SH встречается и другая интерпретация этой мифологемы Так, конечная цель истории местополагается в гармоничном, непротиворечивом «царстве Инь» (См.: Toynbee A. J. A. Study of History. London — New York—Toronto, 1948, v 3, p 389—390).

[23] Диалог историков Переписка А Тойнби и Н. И. Конрада. — Конрад Н И. Избранные труды. М., 1974, с 270—273.

[24] Конечно, понятие альтернативности шире по содержанию. Свободу выбора можно рассматривать как один из вариантов реализации альтернативности.

[25] Toynbee A J A Study of History. Abridgement ., p. 856.

[26] Ibid, p 199—208

[27] Это, впрочем, соответствует генеральному направлению мысли Тойнби — «. от эмпирии — через моралистическую ее интерпретацию — к мистицизму». (Рашковский Е Б Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А Дж. Тойнби, с. 173). Но, как справедливо замечает один из критиков Тойнби, «. рассматривая мир исключительно в качестве морального испытательного поля для духа, Тойнби умаляет значение и ценность всего процесса человеческого развития: жизнь в ее общем содержании богаче, нежели в любой односторонней моральной или религиозной интерпретации». (Mumford L A Study of History, p. 25).

Применительно к истории цивилизации этот постулат реализуется в постоянно повторяемой декларации об отсутствии необходимой взаимосвязи между стадиями эволюции цивилизации. Вводятся категории: «Застывшая цивилизация» (не вышедшая из стадии генезиса), «окаменевшая цивилизация» (пережившая брейкдаун, но не подвергшаяся формальному разложению). Но ведь эти цивилизации духовно мертвы и много ли значит в таком случае для самого Тойнби их формальное сохранение в качестве территориальных единиц? В своей работе Тойнби не может привести ни одного примера, свидетельствующего о том, что процесс разложения цивилизации может быть обратимым. Таким образом, связь между духовным прогрессом и развитием цивилизации однозначна и необходима. Правда, на стадии разложения цивилизации человеку все-таки удается реализовать сохраненную возможность выбора — построить высшую религию (что, по Тойнби, — высшая точка духовного самоосвобождения). Но построение религии опять-таки является в рамках концепции необходимым этапом развития человечества. Кроме того, религия — цель исторического развития, цивилизация — средство ее построения, и даже «универсальное государство» (неотъемлемый атрибут цивилизации на стадии разложения), максимально порабощающее человека, мыслится как благо, ибо способствует возникновению религии.

Как видим, картина получается в высшей степени «детерминистская» в неприемлемом для Тойнби по однозначности смысле этого слова. Вообще в SH и особенно на тех его страницах, где Тойнби разворачивает космическую панораму возникновения высших религий собственно для людей, остается не очень много места, что признает в 12-м томе своей работы и сам исследователь[28]. Получилась достаточно парадоксальная ситуация — в поисках свободы человека был утрачен сам человек как реально действующее историческое лицо.

Сложности возникают и при оценке возможностей свободного выбора в современной исторической ситуации. Проблематичность современности, присущие ей катастрофические тенденции, как уже отмечалось, — едва ли не основная причина, породившая SH. Причем, на первом плане для Тойнби в послевоенные годы стоит вопрос о возможности третьей мировой войны, результатом которой — Тойнби в этом не сомневается — было бы самоубийство человечества. И именно здесь эволюция в разрешении вопроса о возможностях свободного выбора знаменательна... и печальна. Если в 50-е и даже в конце 60-х гг. (при всех оговорках) Тойнби считал, что «...мы свободны уничтожить войну посредством мирного политического акта. Институт войны между государствами паразитирует на традиции локального суверенитета; паразит не может существовать без хозяина; и мы можем уничтожить локальный суверенитет мирно добровольным объединением (выделено мною. — *В. М.*) во всемирный федеральный союз, в котором локальные государства откажутся от суверенитета, продолжая существовать как субординированные части целого... Это выглядит в атомный век как единственная для человечества альтернатива массовому самоубийству»[29], то в одной из последних работ он вынужден всерьез обсуждать возможность насильственного объединения, что само по себе для Тойнби с его апологией свободы в сущности трагедия. Более того, найдя, разумеется, эту перспективу неудовлетворительной, он делает вывод о безвыходности современной ситуации, правда, снабжая этот вывод характерной оговоркой. «Я согласен, — пишет Тойнби, — что в настоящее время каждая попытка объединить мир политически закончилась бы не унификацией, но самораз-

[28] Toynbee A. J. A Study of History. London, 1961, v. 12, p. 121.
[29] Toynbee A. J. Experiences, p. 85

рушением. Партизанская война, с одной стороны, ядерная война, с другой — делают унификацию посредством военной силы невозможной. Тем не менее я не знаю в прошлом политического объединения — а ни одно из них не было всемирным, которое было бы достигнуто без использования силы... Греческая история заставляет меня делать пессимистический вывод относительно возможности политического объединения в сегодняшнем мире В то же время я знаю, что человечеству не выжить, если оно не достигнет политического единства в ближайшее время. Поэтому я пессимист в оценке перспектив человечества. Неожиданное кардинальное изменение души посредством революции в религиозном плане не является невозможным, и это, быть может, спасет ситуацию» [30].

Итак, в концепции Тойнби из-за наличия двух противоположных установок: с одной стороны, догматического стремления определенным образом «дистиллировать» свободу, с другой — желания объяснить историю, найти в ней некие регулярности, а значит привнести категорию необходимости — решение проблемы свободы приобретает следующий вид. Свобода воли рисуется как свобода выбора — это означает подспудное введение мотива исторической детерминации, ограничение свободы воли историческими рамками. Для преодоления этой ограниченности вводится декларация, гласящая: каждый выбор есть выбор между Добром и Злом, и он абсолютно свободен. Однако в пределах истории реализовать этот постулат практически невозможно (примером чему приведенная выше эволюция воззрения Тойнби на современную ситуацию), отсюда — перенесение вопроса в область теологии. Теологизация же истории все равно влечет за собой определенную несвободу (наиболее яркая черта которой — телеология) и, во всяком случае, — явную замену реального исторического содержания отвлеченными моральными императивами, по человечески понятными, но познавательно — малоценными.

Одним словом, говорить о «примирении» свободы и необходимости не приходится. Скорее имеет место постоянный конфликт, осознаваемый и самим Тойнби. Неразрешенность этой антиномии онтологического характера вскрывается в гносеологии, а именно, в воззрениях теоретика относительно природы, функций, возможностей исторического познания.

Один из самых известных и настойчивых критиков Тойнби П. Гейл фиксирует неустойчивость английского теоретика в области методологии. Голландский историк отмечает, что в 10-ти томах SH Тойнби ратовал за возможность рационального истолкования истории на базе широких каузальных обобщений, за что и подвергался его (Гейла) критике; а в 12-м томе солидаризировался с декларацией Даусона, гласящей: «Человеческая история не терпит чистой системы законов и каузальной последовательности, всегда искомых рационалистом, загадочный и непредсказуемый аспект истории — подлинный и непреодолимый камень преткновения для него» [31].

Колебания от оптимизма к пессимизму в оценке возможности объективного исторического знания (причем со временем усиливается пессимистическая тенденция), прогностических возможностей истории, а следовательно, и в оценке положения историка в обществе — действительно характерная черта Тойнби-методолога. Для выяснения причин этих колебаний попытаемся хотя бы в самом общем виде систематизировать соображения Тойнби, относящиеся к обозначенной проблематике.

Следует выделить два связанных между собой общефилософских постулата Тойнби, непосредственно определяющих характер всех его

[30] Toynbee A J — Ikeda D The Toynbee—Ikeda dialogue Man Himself must Choose Tokio—New York—San Francisco, 1976, p. 245.

[31] Geyl P. Toynbee's answer, p. 188.

методологических исканий. Во-первых, антропоцентризм: «...Постоянный и регулярный элемент в человеческой истории, — пишет он, — природа человека» [32]. Во-вторых, уже рассмотренная нами концепция «свободы выбора» как попытка разрешения антиномии: свобода — необходимость.

Методологическая проблематика в системе Тойнби тесно переплетается с онтологической (вернее, производна от нее).

В Change and Habit Тойнби рассуждает: «Я могу изучать моего соседа внимательно и тщательно много лет. Я могу обнаружить, что его поведение в определенной повторяющейся ситуации также повторяется с регулярностью, сравнимой лишь с регулярностью годового вращения Земли вокруг Солнца. В свете этого опыта я могу сформировать умственную картину «характера» моего соседа и на базе этой, несомненно, фиксируемой и постоянной структуры его индивидуальности я могу решиться предсказать, что если подобная ситуация повторится, он отреагирует на нее так же, как постоянно реагировал прежде... Но так как он человек, я могу доверяться своему знанию о его поведении лишь на свой страх и риск... Он может выбрать на этот раз линию поведения, совершенно отличную от той, которую постоянно повторял до этого .. Эта несомненная свобода человека делать непредсказуемый выбор поднимает теологическую и философскую проблему свободной воли». И поэтому «...в человеческих отношениях свет, бросаемый в будущее прошлым, — менее верный гид, чем в других областях деятельности» [33].

Как и следовало ожидать, последовательное проведение постулата о свободе выбора приводит в области методологии по сути к пораженческим (в смысле возможностей исторического познания) выводам. Логическим следствием приведенного выше рассуждения является утверждение: «Есть доля снобизма в квалификации истории как науки. Она не является и не может быть наукой в той степени, в какой являются науками физика и химия» [34].

Сразу отметим, Тойнби избегает принципиального противопоставления истории другим наукам. История как наука не отделяется от других наук непроходимой пропастью, а скорее ставится Тойнби где-то в конце цепи всеобщего упрощения, образующейся в процессе научного познания человеком мира [35].

Но даже такой вывод достаточно разрушителен для истории и для системы Тойнби, в частности, если рассматривать историю как строго научное знание, все законы которого должны быть количественно выверены и эмпирически обоснованы. Для Тойнби же (несмотря на его неоднократные заверения в верности «английскому эмпиризму») знание о мире вообще и о человеке в особенности не ограничивается строгими, эмпирически верифицированными законами. Важнейшими коннонентами этого знания являются интуиция, личный опыт (применительно к знанию о человеке) и, как ultima ratio, вера.

Интуиция с корнями в бессознательном, по Тойнби, собственно продуктивный компонент человеческого знания: «Данные чувственного восприятия, — рассуждает он, — сырой материал для научных гипотез... Каков же источник гипотез? Они не даются нам посредством чувственного восприятия, а также — посредством разума... Разум и чувственное восприятие работают на сознательном уровне психики. Гипотезы даются посредством интуиции, которая врывается (wells up) в сознание из подсознательных глубин. И разум, и чувственное восприятие не созидают. Созидательная активность человеческой психики ин-

[32] Toynbee on Toynbee New York, 1974, p. 26.
[33] Toynbee A. J. Change and Habit, p 56.
[34] Toynbee on Toynbee, p. 28.
[35] См: Toynbee A. J.—Ikeda D. The Toynbee—Ikeda dialogue, p. 83–84.

туитивна, а источник ее — подсознание»[36]. Не вдаваясь в обсуждение вопроса о роли интуиции в научном познании, отметим то обстоятельство, что интуитивистские мотивы в творчестве английского теоретика не являются случайностью, данью моде. Ссылки на интуицию несколько смягчают болезненность чрезвычайно важного для Тойнби вопроса о необходимом характере открываемых им законов.

«Мое историческое мировоззрение, — пишет Тойнби, — окрашено моим жизненным опытом»[37]. Из постулата об единообразии человеческой природы действительно вытекает особая роль личного опыта в историческом познании. В этом плане можно продолжить рассмотрение проблемы «present-mindness». «Когда человек исследует историю уже несуществующих поколений, — пишет Тойнби — он вынужден восстанавливать эти умершие поколения посредством акта воображения. Человек может вообразить, как они жили, только на основе знания о живущих, а единственные живущие — наши современники. Поэтому историк не может не находиться в современной истории, является ли его специальностью Викторианский Век, Время Строителей Пирамид или Нижний Палеолит. Если бы я не писал «Обзора», работая над «Исследованием», я потерял бы наиболее эффективный инструмент, необходимый для общения с давно существовавшими обществами... Удача для моей работы во всех областях то, что у меня была возможность продолжать «Обзор» и «Исследование» одновременно на протяжении 21 года»[38].

Стремление уйти от современности при изучении истории вполне определенно квалифицируется ученым как несовместимое с самой природой исторического познания... «Я думаю, было бы иллюзией воображать, что историк может избавиться от этого персонального участия (в истории. — *В. М.*), если вы избавитесь от этого — ваши попытки изучать человеческие отношения не увенчаются успехом, так как, избавившись от одного способа исследования из-за его субъективности, затем от другого, в силу его «политичности» или «тенденции к пророчествам», в конце концов вы кончите отказом от изучения человеческих отношений»[39].

Тойнби не отрицает возможности негативного воздействия современности на историческое познание. Он пишет, например, об отрицательной роли политического предубеждения: «Если историк честен, самокритичен, сведущ в искусстве самоанализа и психологического анализа, он, конечно, приложит все усилия, чтобы писать историю без предубеждения, но даже в этом случае, по-моему, его успех не может быть полным»[40]. Отмечается также искажающее воздействие временного разрыва между субъектом и объектом исторического исследования, накладывающее особый отпечаток на источниковую базу[41].

Но в целом Тойнби, несомненно, далек от расхожего в современной немарксистской литературе противопоставления исторической достоверности и влияния современности. Следует также учесть, что постулат об единообразии человеческой природы наилучшим образом согласуется с одним из основных направлений деятельности английского мыслителя — извлечением из истории «морального урока». Кстати, Тойнби категорически отвергает возможность избавления от моральной оценки в процессе познания истории: «Различие между правильным и неправильным, убеждение, что вы должны поддерживать правильное и выступать против неправильного, есть нечто врожденное в человече-

---

[36] Ibid, p 32
[37] Toynbee on Toynbee, p. 13
[38] Toynbee A J Experiences, p. 85—87,
[39] Toynbee on Toynbee, p 36,
[40] Ibid, p. 13
[41] Ibid, p. 7—8,

ской натуре, вы не можете от этого избавиться»[42]. Такой, в общем, оптимистический подход к проблеме взаимоотношений исторического познания и влияния современности, несомненно, сообщает методологическим построениям Тойнби дополнительный эвристический потенциал.

Вернемся теперь вновь к вопросу об объективной необходимости открываемых историком законов. Ссылки на интуицию и личный опыт в конечном счете не являются разрешением проблемы вообще и для самого Тойнби — в частности. Остается последний довод: «. Мы не можем проверить, отвечают ли наши представления о загадочном мире ускользающей действительности, но в стремлении жить мы должны иметь эти представления, реализуя это в акте веры, являющемся актом самосохранения»[43]. Эта установка действительно лишает проблему всякого смысла, впрочем, она «решает» все проблемы познания вообще, в том числе и исторического познания. Вера, конечно, исключает необходимость научного обоснования тех или иных положений, что весьма далеко от принципа «английского эмпиризма», многократно декларировавшегося Тойнби.

Вера — определенного рода связующее звено между серией методологических деклараций, являющихся закономерным следствием постулата о «свободе воли», и противоречащих этим декларациям фактических действий Тойнби по обобщению опыта истории через систему законов, наконец, по предсказанию будущего на основе выведенных законов[44]. Такое решение проблемы не может удовлетворять ученого хотя бы потому, что она, как отмечалось, в корне расходится с эмпирическими принципами, отнюдь не являющимися для него простой декларацией.

Может быть, осознание неустойчивости собственных философско-методологических позиций является причиной возрастания в последних работах Тойнби пессимизма в оценке возможностей исторического познания (главным образом, возможностей влияния историка на ход текущей истории посредством освоения опыта истории прошедшей)[45]. В середине 50-х годов он оптимистически заявлял: «...в наши дни существует великая интеллектуальная возможность для историков. Впервые в истории у нас появился шанс увидеть две вещи. Сейчас мы можем видеть историю цивилизаций как целое вместо того, чтобы быть ограниченными, как наши предшественники, частичным наблюдением отрывков и кусков ее. И сейчас мы можем начать видеть также все аспекты человеческой жизни именно как аспекты единой человеческой природы вместо того, чтобы, подобно нашим предшественникам, изучать человека по частям, искусственно разбивая изучение его на ряд независимых «дисциплин»... Первым предприятием на пути унифицированного исследования человеческой жизни как целого, по-моему, должно быть исследование проблемы: насколько далеко простирается домен «Закон Природы» в области человеческих отношений и какая часть этой области подчинена Закону. Такое предприятие может помочь нам понять, какова степень свободы... которую имеет человек и уровень человеческой деятельности, где может действовать свобода (!)». И, что весьма важно, далее отмечается возможность для историка влиять па

[42] Ibid, p. 46

[43] Toynbee on Toynbee, p 54.

[44] Особенно часты заявления о невозможности использования исторического опыта для предсказания будущего в последних работах теоретика. В то же время в одной из последних работ, как мы видим, именно опираясь на исторический опыт, Тойнби выражает сомнение в возможности мирного объединения человечества.

[45] Впрочем, для последних работ Тойнби вообще характерен крайний пессимизм, ощущение безысходного кризиса западной цивилизации Он утверждает мысль о необратимости катастрофических процессов, присущих современной истории. Ядерная война, экологическая катастрофа .. — Тойнби почти не верит в возможность избежать их. Либеральные рецепты разрешения существующих в мире социально-политических противоречий все меньше удовлетворяли мыслителя, чувствующего проблематичность их воплощения в жизнь Другие же пути духовно чужды ему.

жизнь общества, меняя ее в лучшую или худшую сторону [46]. Нельзя не отметить, что некоторые из уже приведенных нами высказываний, относящихся к более позднему времени, значительно менее оптимистичны. Правда, и в конце жизни Тойнби считал, что «...если вы умышленно отвергаете или игнорируете прошлое, то вы затрудняете себе разумные действия в настоящем» [47]. Но вывод этот соседствует с грустной констатацией нежелания людей учиться у истории [48].

* * *

Труды Тойнби — отражение современной исторической реальности — драматичной и неустойчивой. Обращение английского теоретика к центральным вопросам исторического бытия и исторического познания непосредственно диктовались этой реальностью.

Именно объективная историческая реальность поставила перед мыслителем вопрос об основах человеческой свободы. Метафизическое в сущности представление Тойнби о «двумирном» человеке обусловило поиски «чистой» свободы. Однако четко определить, «...насколько далеко простирается домен «Закона Природы» в области человеческих отношений и какая часть этой области не подчинена Закону», оказалось невозможным. В своих поисках Тойнби не избежал ни гносеологического релятивизма, ни догматической телеологии, равно ему чуждых. Обоснование концепции «свободы выбора» явилось одной из причин неустойчивости методологической системы Тойнби, а также коренного расхождения между рядом его методологических деклараций и собственно исторической практикой. В этом контексте пессимистические тенденции в оценке возможностей исторического познания, особенно характерные для поздних работ Тойнби, представляются не случайными.

Изложенное выше не дает оснований для однозначно-негативной оценки творчества английского мыслителя. Противоречивость его системы в значительной степени отражает реальные противоречия исторического познания, в особенности, если речь идет об исследовании основ исторического бытия и это исследование сочетается с необходимостью моральных оценок.

Заслуживает внимания свидетельство А. Марвика, отмечающего смягчения отношения к концепции Тойнби в среде молодых западных историков, что ярко контрастирует с жесткой критикой в адрес английского ученого со стороны их старших коллег в 40-е — начало 60-х годов [49]. На наш взгляд, этот интерес можно трактовать как один из показателей методологической переориентации западной историографии в целом, отказа значительной части ее представителей от преобладавших ранее релятивистских принципов, пагубных для истории [50]. Поэтому обращение к наследию мыслителя, деятельность которого (при всей неприемлемости для нас его основных методологических принципов) была направлена на разрешение коренных проблем исторического познания, обобщение и систематизацию исторического опыта, сохраняет свое значение для осмысления ведущих тенденций развития современной западной исторической мысли.

---

[46] Toynbee A. J. The New Opportunity for historian. Minneapolis, 1955, p. 14.
[47] Toynbee on Toynbee, p. 48.
[48] Ibid., p. 48, 68.
[49] Marwick A. The Nature of History, p. 109—110.
[50] Эту тенденцию применительно к английской исторической мысли фиксирует «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». (Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977, с. 516). См. также Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978, с. 7—9, 69—70; Шарифжанов И. И. Проблема объективности в современной англо-американской историографии и философии истории. — Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1974, вып. 9. А. Марвик пишет даже об «умирающей» концепции исторического релятивизма (Marwick O. The Nature of History, p. 178).

Н. И. СМОЛЕНСКИЙ

НЕМЕЦКИЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ИСТОРИЗМ XIX В. И БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРГ

Задача этой статьи в том, чтобы исследовать некоторые существенные черты проблемы историзма в буржуазной историографии ФРГ в связи с идейным наследием немецкого историзма XIX в. Мы подразумеваем под историзмом один из принципов немецкого буржуазного исторического мышления и исследуем содержание и соотношение соответствующих этому принципу основных исторических понятий. Такая постановка вопроса учитывает стремление историков ФРГ выделить в наследии историзма XIX в. те его категории, которые могут быть использованы ими сегодня [1].

Примерно до начала 60-х годов представления под обобщенным названием «немецкий историзм» или «историзм» были определяющими для логико-методологических основ западногерманской историографии. «Великим историком» [2], виднейшим представителем историзма не только в ФРГ, но и на Западе [3] считается Ранке. Без Ранке не обойтись, утверждает К.-Д. Эрдман [4]. Дройзена относят к числу основоположников нового исторического мышления [5], объявляют величайшим теоретическим умом среди немецких историков XIX в. В числе виднейших представителей историзма называют также Зибеля и Трейчке [6]. «Великий век исторической науки» [7] представляют в ФРГ прежде всего названные имена, хотя, конечно, не только они.

Отношение западногерманских историков к проблеме историзма нельзя понять, не учитывая ее решение Фридрихом Мейнеке [8]. Особен-

[1] Faber K-G. Ausprägungen des Historismus — Historische Zeitschrift (HZ), Bd. 228, 1979, H I, S. 3.

[2] Schieder Th Geschichte als Wissenschaft 2 Aufl Munchen—Wien, 1968, S 133

[3] Krieger L Elements of Early Historicism Experience, Theory and History in Ranke — In History and Theory Essays on Historicism Middeletown, 1975, p 1—2.

[4] Erdmann K-D Laudatio für Walter Peter Fuchs. — Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU), 1976, H I, S 1

[5] Hünermann P. Der Durchbruch geschichtliche Denkens in 19 Jahrhundert Johan Gustav Droysen, Wilhelm Dilthey, Graf Paul York von Wartenburg. Ihr Weg und ihre Weisung für die Theologie Freiburg—Basel—Wien, 1967, S 15; Mommsen W. J. Die Geschichtswissenschaft jenseits des Historismus Dusseldorf, 1975, S. 10; Nipperdey Th. Historismus und Historismuskritik heute. — In: Die Funktion der Geschiche in unserer Zeit. Stuttgart, 1975, S. 87.

[6] Faber K-G Zum Einsatz historischer Aussagen als politisches Argument — HZ, Bd 221, 1975, H 2, S. 267

[7] Schieder Th Erneuerung des Geschichtsbewußtseins —In Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. 2. Aufl München, 1970, S. 189, Mommsen W. J. Op. cit, S 6

[8] Meinecke F Die Entstehung des Historismus München, 1959, См. также: Troeltsch E. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen, 1922; Mannheim K. Historismus. — Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1924, Bd. 52, Hintze O. Troeltsch und die Probleme des Historismus — HZ, Bd. 135, 1926,

ностью этого решения было то, что Мейнеке рассматривал историзм как совокупность идеалистических по своему характеру взглядов на историю, выводившихся им из изучения всего западноевропейского, главным образом, немецкого философско-исторического мышления XVIII—XIX вв. В логике историзма определяющая роль отводилась им категориям «индивидуальное» и «развитие»[9], реализацию основных принципов историзма в конкретном исследовании событий Мейнеке находил у Ранке, работы которого он считал вершиной историзма. Развитая в период до второй мировой войны концепция историзма Мейнеке претерпела в последующих его работах определенные изменения, хотя ядро ее осталось прежним.

После Мейнеке буржуазные историки ФРГ не создали единого представления об историзме. О неоднозначности, противоречивости истолкования историзма писал В. Гофер[10]; для него историзм — «специфическое историческое мышление, возникшее в немецком идеализме»[11]. На разночтения в понимании историзма указывает В. Конце[12]. Историзм рассматривается то в качестве отношения современного человека к истории, в качестве исторического мышления, осознавшего факт своей собственной историчности[13], то под ним подразумевается великое духовное движение, в котором в XIX в. были основаны исторические науки в современном смысле слова[14]. С одной стороны, в нем усматривается логико-методологическая основа исторической науки и ее методов, с другой — утверждается необходимость обособить исторический метод от теоретических основ историзма[15]. Однако большинству авторов присуще убеждение в том, что историзм подразумевает индивидуализацию явлений в сочетании с признанием их развития, изменчивости. Начиная с историзма, писал В. Ю. Моммзен, представление о том, что историческая действительность подвержена неограниченным изменениям и состоит из бесконечного многообразия явлений, стало прочной составной частью современного сознания[16].

Различное понимание историзма является составной частью дискуссии о нем, начавшейся в ФРГ в 60-е годы и продолжающейся поныне. В центре дискуссии — проблема кризиса историзма, тесно связанная с идейно-методологическими поисками западногерманских историков. Под кризисом историзма подразумевается обычно не просто пересмотр соответствующих теоретических представлений об истории, сложившихся в XIX в. у указанных историков, а кризис современного исторического мышления ФРГ в той мере, в какой эти представления являются его составной и неотъемлемой частью. В этом смысле кризис историзма — проблема современного мышления, не его вчерашний день. Кризис исторической науки, пишет Р. Козеллек, связан с кризисом историзма в такой же мере, в какой она основана на историзме[17].

---

[9] См: Данилов А. И Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм — Новая и новейшая история, 1962, № 2, с. 55—56, Смоленский Н. И Л. Ранке и Ф Мейнеке. — Методологические и историографические вопросы исторической науки, Томск, 1967, вып. 5; Толокнова В. П «Историзм» Ф Мейнеке как разновидность идеалистической методологии истории — Вопросы истории, 1972, № 5

[10] Hofer W. Geschichtsschreibung und Weltanschauung. Betrachtungen zum Werk Friedrich Meineckes. München, 1950, S. 322

[11] Ibid, S 271.

[12] Conze W. Die deutsche Geschichtswissenschaft seit 1945 Bedingungen und Ergebnisse — HZ, Bd 1977, H 1, S. 21.

[13] Erdmann K. D Geschichte, Politik und Pädagogik. Aufsätze und Reden. Zum 60. Geburtstag Stuttgart, 1970, S. 9.

[14] Nipperdey Th. Historismus und Historismuskritik heute, S 82.

[15] Rüsen J. Rationalität und Geschichtlichkeit. — Philosophische Rundschau, 1974, H 1/2, S 25

[16] Mommsen W. J Op cit, S 5.

[17] Koselleck R. Wozu noch Historie? — HZ, Bd. 212, 1971, H. 1, S. 1.

Однако встречается и иное понимание проблемы. Р. Фиргаус признает наличие кризиса исторического сознания и интереса к истории, но не кризиса исторической науки, хотя и считает, что она не осталась незатронутой им [18]. Американский историк Д. Иггерс также утверждает, что наступил не кризис исторической науки как таковой, под вопрос поставлены лишь теоретические предпосылки и методы классической идеалистической традиции в историографии [19]. Г. Уайт датирует начало «кризиса историцизма» последним десятилетием XIX в. и находит его предвосхищение в труде Дройзена по методологии истории [20].

Тем не менее в настоящее время является преобладающим отождествление кризиса историзма с кризисом исторической науки. Сегодня, пишет Ю. Рюзен, поставлена под сомнение познавательная деятельность в сфере исторической науки [21].

Западногерманские ученые пишут о падении интереса к истории, об «усталости от истории», даже об отвращении к ней, о недовольстве скукой преподавания истории в средней и высшей школе [22], о недостаточной связи исторических исследований с общественной жизнью ФРГ, о кризисе исторического сознания [23], о растворении предмета истории как науки среди других наук [24], об антиисторизме в ее преподавании [25].

Союз историков ФРГ с тревогой воспринял попытки отказа от систематического изучения истории в учебных заведениях ряда земель страны. Возникающие отсюда опасности носят, заявлял В. Конце, прежде всего политический характер [26]. Образующийся вакуум может быть заполнен, утверждал он, псевдонаучными мифами и идеологическими представлениями, претендующими на абсолютность. Кроме того, изучение истории Германии стало бы монополией весьма интенсивно развивающейся исторической науки ГДР [27]. Конечно, не только в ФРГ раздаются жалобы по поводу распространенного скептицизма к изучению истории, неверия в пользу и смысл такого изучения. Д. Х. Фишер пишет о широко распространенном антиисторизме обыденного сознания как характерной черте переживаемой эпохи, об отрицательном отношении многих к истории как науке в связи с отрицанием пользы изучения прошлого, о неспособности историков оправдать необходимость изучения прошлого перед другими и даже перед самими собой [28].

Критическая оценка рядом западногерманских историков состояния своей науки имеет в виду прежде всего положение ее в обществе, ее социальную роль. Предполагается, что повышать эту роль следует

---

[18] Vierhaus R. Geschichtswissenschaft und Soziologie. — In: Geschichte heute. Hrsg. v. G. Schulz. Göttingen, 1973, S. 70.

[19] Loesdau A. Die Interpretation der Krise der bürgerlichen Geschichtsschreibung durch Georg G. Iggers. — Das Argument, 1972, Nr. 75, S. 10—11.

[20] White H. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore—London, 1973, p. 270.

[21] Rüsen J. Werturteilsstreit und Erkenntnisfortschritt. — In: Historische Objektivität. Göttingen, 1975, S. 78.

[22] Nipperdey Th. Über Relevanz. — In: Aus Theorie und Praxis der Geschichtswissenschaft. (West) Berlin—New York, 1972, S. 2, Die Zukunft der Vergangenheit. Vorwort Hrsg. v. G—K. Kaltenbrunner. Freiburg—Basel—Wien, 1975, S. 7.

[23] Bergler P. Geschichtsbewußtsein im Zeitalter der Weltrevolution. — In: Die Zukunft der Vergangenheit, S. 58. Nipperdey Th. Wozu noch Geschichte? S. 36.

[24] Koselleck R. Wozu noch Historie? S. 1, 3.

[25] Nipperdey Th. Über Relevanz, S. I; Mommsen H. Die Herausforderung durch die modernen Sozialwissenschaften. — In: Geschichtswissenschaft in Deutschland. Hrsg. v. B. Faulenbach. München, 1974, S. 139—140.

[26] Gonze W. Gesellschaftliche Aufgaben der Geschichtswissenschaft in der Gegenwart. Erklärung des Verbandes der Historiker Deutschlands. — GWU, 1973, H. 6, S. 356.

[27] Ibid., S. 355.

[28] Fischer D. H. Historians Fallacies. New York — Evanston—London, 1970, p. 307, 309.

и через совершенствование арсенала познавательных средств историка (методов, категорий), расширение рамок исследования за счет «социальной истории» и т. д. В этой связи обычно подвергается критике наследие историзма, в котором многими усматривается одна из важных причин кризиса исторической науки. Историки разных направлений пишут о необходимости переориентации исторической науки в связи с переосмыслением историзма или даже отказом от него. Р. Фиргаус объявляет историзм несостоятельным перед лицом индустриализации, прироста населения, роста массовых движений в современном мире. Он отстаивает мнение о том, что сегодня речь идет больше не об индивидуальных явлениях прошлого, а о всеобщих структурах социальной динамики, исходя из которых, можно получить ориентиры деятельности [29], отсюда делается вывод о необходимости сближения истории и социологии [30]. В связи с поворотом от политической истории к привлекающим все большее внимание социально-экономическим процессам, структурам и массовым феноменам, пишет Ю. Кокка, обнаружилось, что они с большим трудом поддаются анализу без новых средств познания [31]. Таким средством объявляется теория, на отношение к которой немецких историков историзм, как признается, оказал негативное влияние [32]. Для ряда авторов речь идет о модернизации историзма, обогащении его опытом современного исследования. Я стремлюсь, утверждал Т. Ниппердей, «прочесть» историзм заново [33], что, конечно, предполагает в той или иной мере его сохранение сегодня. Критика Ниппердея имеет в виду «сильные стороны» историзма с целью такого сохранения [34]. С критикой историзма активно выступают сторонники «социальной истории», но и для них эта критика предполагает в той или иной мере его сохранение. Более радикальной является критика историзма группой молодых историков, раскрывающих его консервативную политическую и идеологическую роль [35].

Вместе с тем все явственнее намечается отход от критики историзма. Характеристика современной исторической науки, определяемой ее положением «по ту сторону историзма», является, пишет В. Конце, в очень большой степени сомнительной. Историзм представляется отнюдь не отброшенным в теории и практике исторической науки [36]. Все больше оценок историзма свидетельствует о стремлении их авторов извлечь из него преимущественно положительный опыт. И Гейсс, возлагавший в начале 70-х годов вину на историзм за отставание западногерманской историографии от интернационального уровня [37] (стран Запада. — *Н. С.*), в последнее время весьма интенсивно использует наследие историзма в борьбе с марксизмом [38]. При всей незавершенности этого нового отношения к историзму следует отметить его важность. Оно показывает, что у западногерманских историков нет убедительной для них самих альтернативы историзму, причем ею не является и «социальная история». Многие стремятся, пишет У. Мулак, преодолеть историзм от имени социальной науки, которая сама склоняется к тому,

[29] Vierhaus R. Geschichtswissenschaft und Soziologie, S 73—74

[30] Ibid, S. 83.

[31] Kocka J. Theorien in der Sozial-und Gesellschaftsgeschichte. — Geschichte und Gesellschaft, 1975, H. 1, S. 10.

[32] Ibid, S 9

[33] Nipperdey Th Historismus und Historismuskritik heute, S 94—95.

[34] Ibid, S 95

[35] Geschichte und Ideologie. Kritische Analyse bundesdeutschen Geschichtsbücher. Hrsg. v R Kühnl, 1973, S. 268

[36] Conze W Die deutsche Geschichtswissenschaft seit 1945, S 21.

[37] Geiss J. Kritischer Rückblick auf F Meinecke. — Das Argument, 1972, Nr. 75, S 35

[38] Geiss J. Die Rolle der Persönlichkeit in der Geschichte: zwischen Überbewerten und Verdrängen. — In: Persönlichkeit und Struktur in der Geschichte. Düsseldorf, 1977, S. 12.

чтобы заимствовать по меньшей мере элементарные его принципы [39]. Ослабление отрицательного отношения к историзму связано в некоторой степени также с обозначившимися надеждами на то, что кризисные явления в исторической науке ФРГ начинают преодолеваться [40]. Нужно учитывать и определенный сдвиг вправо в общественно-политической жизни ФРГ в последние годы. Но что бы мы ни брали за основу при объяснении данного отношения к историзму — внутринаучные или общественно-политические факторы, очевидно, что с научной точки зрения эти тенденции в развитии буржуазной историографии ФРГ нельзя отнести к позитивным.

Поиски обновления логико-методологических основ западногерманской историографии связаны у различных ее представителей со стремлением сохранить историзм в той или иной мере не только в качестве исходного пункта, но и в качестве основы их современных теоретических поисков. Дискуссия об историзме уже потому не является поворотом коренного значения в развитии буржуазной историографии ФРГ, что в ходе ее никто из участников не ставил под сомнение правомерность идеализма как подлинной основы историзма. Это вовсе, конечно, не означает, что западногерманская историография основывается сейчас на историзме в неизменном его виде; она является частью современной буржуазной исторической науки с ее проблемами и методами, особенностями ее социальной роли в буржуазном обществе Однако ее связь с традициями историзма является более глубокой, чем думают те буржуазные историки ФРГ, которые пишут о кризисе историзма и о разрыве с ним. О близости теоретических позиций историзма и многих буржуазных историков ФРГ говорит оценка последними роли индивидуального в исторической действительности и в ее познании.

В дискуссии об историзме тезис об индивидуальности исторических явлений находится в центре внимания. Позиция части историков может быть охарактеризована как более или менее последовательное отрицание представления об истории как сфере только индивидуального; другая же часть в полной мере разделяет это представление.

Означает ли критика данного представления отказ от него, его преодоление? Речь идет скорее о стремлении сочетать индивидуализацию с генерализацией в той или иной ее форме — типологии, структурном анализе теории [41]. Это предполагает перенесение центра тяжести исторического исследования с индивидуального на структуры, коллективные феномены, или же это означает соответствующее переосмысление самого понятия «индивидуальное»: индивидуальное, пишет Т. Ниппердей, вполне является структурой [42]. Проблема теории может быть решена, с точки зрения Ю. Рюзена, с помощью критически обновленного и расширенного представления об историзме [43].

Стремление отдельных буржуазных историков ФРГ отгородиться от

---

[39] Muhlack U. Probleme einer erneuten Historik — HZ, Bd. 228, 1979, H. 2, S. 349.

[40] Kocka J. Gesellschaftliche Funktionen der Geschichtswissenschaft. — In: Wozu noch Geschichte? Munchen, 1977, S. 14—17.

[41] Conze W. Die deutsche Geschichtswissenschaft seit 1945, S. 16; Kocka J. Theorien in der Sozial- und Gesellschaftsgeschichte, S. 11; Ludz P. Ch., Rönsch H-D. Theoretische Probleme empirischer Geschichtsforschung — In: Soziologie und Sozialgeschichte. Opladen, 1972, S 162; Ludz P. Ch. Der Strukturbegriff in der marxistischen Geschichtsforschung. — Ibid, S. 440; Rumpler H. Offene Fragen einer Theorie der Geschichtswissenschaft — In. Denken uber Geschichte. Wien, 1974, S. 210, Schieder Th. Geschichte als Wissenschaft, S. 131, Vierhaus R. Geschichtswissenschaft und Soziologie, S. 79, Wehler H-U. Geschichte als historische Sozialwissenschaft. Frankfurt am Main, 1973, S. 13—14.

[42] Nipperdey Th Historismus und Historismuskritik heute, S. 92.

[43] Rüsen J. Fur eine erneuerte Historik. — In: Denken über Geschichte, S. 229.

присущей историзму индивидуализации явлений объясняется рядом причин. Это стремление говорит об определенном признании научной несостоятельности индивидуализирующего метода [44]. Оно направлено, далее, против марксистско-ленинской исторической науки. Историки ФРГ обращаются к анализу коллективных феноменов, социальных отношений, чтобы, по словам Шидера, «бить материализм его собственным оружием» [45]. Одной из задач, связанных с разработкой проблемы теории в исторической науке, Рюзен считает необходимость критики марксизма [46]. Наконец, в условиях послевоенной «интегрированной» Европы попытки модернизации историзма с помощью «структурной» или «социальной истории» рассматриваются в качестве одного из средств политического и идеологического сближения с Западом [47]. Этому соответствует стремление ряда западногерманских историков рассматривать историзм в качестве общей черты исторического мышления стран Запада [48], а не только Германии, и придать дискуссии об историзме интернациональное значение [49]. Факты аналогичного отношения к историзму имеются и на Западе [50].

Некоторая часть западногерманских историков, в том числе выступающих в целом за «модернизацию» историзма, разделяет тезис об индивидуальной природе явлений общественной жизни [51]. В индивидуализирующем методе Г. Риттер усматривал основу для объединения всех буржуазных историков против марксизма [52]. Западногерманские историки, писал Г. Моммзен, хотя и готовы воспринять новую исследовательскую технику в области социальной науки, в большинстве своем придерживаются классических постулатов историзма, особенно аксиомы индивидуального [53]. Влиянию индивидуализирующего метода подвержена не только часть западногерманских историков; последовательные сторонники его есть также на Западе [54]. Конечно, у современных буржуазных историков тезис об индивидуальности явлений общественной жизни не менее антинаучен, чем у представителей историзма; в свете противоборства марксистско-ленинской и буржуазной исторической науки он приобретает еще более реакционный смысл.

Призывы к изучению коллективных феноменов, структур не означают в западногерманской историографии выдвижение на первый план изучения подлинной творческой силы истории — деятельности народных масс. В этом смысле понятие структуры при своем внешне над-

---

[44] Schulze H Bürgerliche Geschichtsschreibung zwischen Historismus und Historischem Materialismus.— Das Argument, 1972 Nr 75, S. 128.

[45] Schieder Th. Grundfragen der neueren deutschen Geschichte — HZ, Bd 192, H 1, S 3.

[46] Rüsen J Für eine erneuerte Historik, S 230.

[47] Патрушев А. И. Традиции «немецкого историзма» в буржуазной историографии ФРГ. — Вопросы истории, 1975, № 10, с 90

[48] Lambrecht. Wertfreie Wissenschaft mit ideologischem Anspruch. — Das Argument, 1972, Nr 75, S 66

[49] Nipperdey Th. Historismus und Historismuskritik heute, S. 88

[50] Gilbert F. Rez: F. Meinecke. The Rise of a New Historical Outlook — In: History and Theory. Studiens in the Philosophy of History, vol XIII, 1974, N 1, p 64.

[51] Hedinger H-W. Subjektivität und Geschichtswissenschaft <West> Berlin, 1969, S 303 Hildebrand K. Geschichte oder «Gesellschaftsgeschichte» — HZ Bd 223, 1976, S. 338; Spieler K.-H. Untersuchungen zu Johan Gustav Droysens «Historik» <West> Berlin, 1970, S. 111.

[52] Ritter G. Leistungen, Probleme und Aufgaben der internationalen Geschichtsschreibung zur neueren Geschichte (16.—18 Jahrhundert) — «Relationi del X Congresso Internationale di Scienze Storiche». Vol VI Firenze. 1955, p 167. Ritter G. Gegenwärtige Lage und Zukunftsaufgaben deutscher Geschichtswissenschaft —HZ, Bd. 170, 1950, H. 1, S. 5; Idem. Wissenschaftliche Historie einst und jetzt.—HZ, Bd 202, 1966, H. 3, S 8

[53] Mommsen H. Op. cit, S 145.

[54] Дюпрон А. Язык и история. XIII Международный конгресс исторических наук М, 1970, с 28; Marrov H.-J. Über historische Erkenntnis. Freiburg—München, 1973, S. 185; Oakeshott M. Experience and Its Modes. Cambridge, 1966, p. 209.

классовом характере маскирует классово-буржуазный подход историков ФРГ к анализу действительности. С научной точки зрения вопрос заключается не в том, изучать или не изучать структуры, а в том, с каких социально-классовых позиций к такому изучению подходить. Конечно, положение о том, что «великие личности делают историю» во всем объеме его содержания, западногерманские историки не разделяют [55]. Но они рассматривают личность либо как главное орудие самовыражения определенных социальных и политических сил [56], либо даже в качестве творческой силы, создающей структуры или разрушающей их [57]. Понятие структуры не стало в ФРГ содержательной исторической категорией, ибо оно не подразумевает конкретные исторические условия, будучи применимым ко всем эпохам. Элементы весьма реалистической критики так называемой структурной истории мы находим у самих историков ФРГ. Кокка пишет, что этому понятию весьма недостает ясности и точности. Он же не признает структурный анализ универсальным методом исторической науки и выступает против отождествления социальной и структурной истории, хотя и считает, что упомянутый анализ расширяет познавательные возможности историка. Он недалек от истины в своем мнении о том, что разграничение структур и не-структур (событий) проблематично теоретически и в практике конкретного исследования [58]. И. Гейсс стремится ограничить рамки представления об определяющем значении структур в истории ссылкой на роль личности в ней. Позицию западногерманских историков по этому вопросу он считает реакцией на переоценку роли личности в немецком историзме XIX в. Но у самого Гейсса нетрудно различить стремление использовать любые взгляды, в том числе наследие историзма, для борьбы с материалистическим пониманием истории, в котором будто бы личность сведена к нулю перед лицом объективных законов истории [59]. Критику «структурной истории» мы рассматриваем как одно из свидетельств крепнущего позитивного отношения к историзму XIX в. среди историков ФРГ.

Дискуссия об историзме отражает в своей глубокой основе стремление историков ФРГ укрепить связи своей науки с буржуазным обществом. Это доказывает общественную, социально-классовую природу дискуссии о кризисе историзма. Речь идет о кризисе западногерманской историографии как одном из проявлений общего кризиса капитализма, хотя сами историки ФРГ в большинстве случаев рассматривают его как логическое следствие исторического метода с его односторонней ориентацией на политическую историю, индивидуализацией и отказом от обобщений и т. д.

Обосновывая тезис о практическо-политической, социальной значимости своей науки, они признают необходимость изучения прошлого для понимания современности. Соотношение прошлого и настоящего в буржуазной литературе понимается по-разному: одними авторами истоки нынешней динамики общественного развития усматриваются в

[55] Leggewie C Geschichte in Schul-und Sachwörterbüchern. — Das Argument, 1972, Nr. 75, S. 263; Hillgruber A Politische Geschichte in moderner Sicht. — HZ, Bd 216, 1973, H 3, S 536, Benz W., Muller M. Geschichtswissenschaft. Darmstadt, 1973, S 237.

[56] Bosl K. Geschichte und Soziologie. Grundfragen ihrer Begegnung. — In; Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa. München—Wien, 1964, S. 490, Geiss J. Kritischer Rückblick auf F. Meinecke, S. 36; Mommsen H. Op. cit., S. 141.

[57] Schieder Th. Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte — HZ, Bd. 195, 1962, S. 292—295; Schieder Th. Politische Ideengeschichte. — HZ, Bd. 212, 1971, H 3, S. 618.

[58] Kocka J. Sozialgeschichte. Göttingen, 1977, S. 71—78,82; Kocka J. Struktur und Persönlichkeit als methodologisches Problem der Geschichtswissenschaft. — In: Persönlichkeit und Struktur in der Geschichte, S. 153, 164—165, 167—168.

[59] Geiss J. Die Rolle der Persönlichkeit in der Geschichte..., S. 11, 12.

прошлом, другими — в современности. Английский буржуазный историк Д. Барраклоу считает, что требовать от прошлого ключ к современным проблемам — значит предъявлять истории (как науке. — *Н. С.*) чрезмерные требования; современность, с его точки зрения, не коренится в прошлом [60]. Настоящее господствует над прошлым, заявляет М. Оукшотт [61]. Буржуазные историки ФРГ — в этом сказывается и влияние традиций историзма — признают обусловленность современности прошлым. «Прошлое, — писал Р. Виттрам, — не перестает оказывать влияние, если мы к нему поворачиваемся спиной» [62]. Следствием этого является стремление подчеркнуть значение изучения прошлого для понимания современности, ориентации в ней [63]. Это стремление классово окрашено, ибо изучение прошлого, как пишет Т. Ниппердей, должно упрочивать «морально-политический порядок нашего общества» [64]. Историческое мышление, следовательно, предполагает апологетику буржуазных отношений, в чем оно не отличается от историзма XIX в. Но оно менее односторонне обращено в прошлое, в связи с чем историзм подвергается критике [65].

Эта критика обусловлена также тем, что буржуазные историки ФРГ не рассматривают историческое развитие как непрерывную цепь изменений от прошлого через настоящее к будущему. Понятие непрерывности развития потеряло для них то значение, которое оно имело для представителей историзма [66], более того, непрерывность нередко отрицается [67]. Т. Ниппердей доказывает наличие множественности континуитетов, каждый из которых констатируется исследователем в зависимости от его позиций в условиях современной ему действительности [68]. Таким образом, континуитет — это всего лишь субъективная точка зрения исследователя, причем, Ниппердей выступает против представления о направленности исторического развития. Вследствие этого современность, т. е. результат исторического развития, не может служить отправным пунктом объяснения прошлого [69]. Для Ниппердея исполнены глубокого смысла слова Ранке о ценности каждой эпохи независимо от того, что из нее выходит, о ее непосредственном отношении к богу. Тезис о множественности континуитетов несовместим с идеей единства исторического развития, что связано у Ниппердея с обоснованием главного для него положения: вопрос о будущем открыт [70].

И у буржуазных историков Запада встречается положение о том, что понятие континуитета недостаточно в особенности для объяснения современной эпохи. Утверждается, что вообще случайность, непредвиденное, новое, революционное нарушают непрерывность истории [71].

---

[60] Barraclough G. Geschichte in einer sich wandeln den Welt. Göttingen, 1957, S. 215—216.

[61] Oakeshott M. Op. cit, p. 109.

[62] Wittram R Anspruch und Fragwürdigkeit der Geschichte Göttingen, 1969, S. 100.

[63] Mommsen W. J. Die Geschichtswissenschaft jenseits des Historismus, S 35; Nipperdey Th. Über Relevanz, S. 10; Conze W. Gesellschaftliche Aufgaben., S. 355.

[64] Nipperdey Th. Über Relevanz, S 10.

[65] Kluxen K. Vorlesungen zur Geschichtstheorie. Paderborn, 1974, S 87, Anm 17, S. 194—195, List G Historische Theorie und nationale Geschichte zwischen Frühliberalismus und Reichsgründung. — In: Geschichtswissenschaft in Deutschland, S. 47; Wehler H-U. Soziologie und Geschichte. — In: Soziologie und Sozialgeschichte, S 61

[66] Schieder Th. Grundfragen.., S. 4.

[67] Nipperdey Th Historismus, . , S. 94.

[68] Nipperdey Th. 1933 und Kontinuität der deuschen Geschichte. — HZ, Bd. 227, 1978, H 1, S 108.

[69] Ibid, S. 110.

[70] Ibid, S. 111.

[71] Barraclough G. Op. cit., S. 9—10.

Понятие развития у современных буржуазных историков — при всем значении национальных различий, лежащих в основе их мышления, — является слепком с современного этапа развития буржуазного общества в целом. На их представления о развитии оказывает несомненное влияние современный мировой процесс, составной частью которого является возникшая в результате решительного разрыва с устоями буржуазного общества мировая система социализма. Наконец, играют свою роль экономическая нестабильность, кризисы и тому подобные явления, характеризующие современную капиталистическую действительность. Господство нацистской диктатуры, крах фашистской Германии во второй мировой войне являются, в частности, для буржуазных историков ФРГ проявлениями глубокого нарушения исторической преемственности, для многих из них названные явления — «непреодоленное прошлое» [72], не поддающееся включению в систему непрерывных исторических взаимосвязей. Все это объясняет, почему прошлое, традиция весьма часто не рассматриваются в буржуазной историографии ФРГ в качестве решающей силы, определяющей историческое развитие, а само развитие не оценивается как непрерывный процесс причинно-следственных связей и зависимостей. Имеет место скептическое либо отрицательное отношение к категории причинности [73], о чем говорят признания и тех историков, которые такое отношение к причинности не разделяют. Надо реабилитировать, призывает Т. Ниппердей, каузальный анализ [74]. Те же историки, которые не склонны отвергать причинную связь явлений или ограничивать ее сферу ссылками на своеобразно понимаемую свободную волю личности, случайность и т. д., заявляют, что причинность не носит характера закона [75], что понятие закона является в исторической науке «вспомогательным представлением» [76] или что объяснение не может осуществляться с помощью категории «закономерность», ибо события индивидуальны [77]. В таких случаях подразумевается, или выступает в явной форме, борьба с принципом материалистического детерминизма, включающим в себя представление о законах истории, в основе которых лежат наиболее глубокие, коренные и всеобщие причинно-следственные связи явлений.

Существенным элементом представлений об историческом развитии в буржуазной историографии ФРГ является распространенное отрицание возможности предвидения будущего [78]; такое отрицание в известной мере предопределяется изложенным отношением к детерминизму, но главное заключается в классовых позициях западногерманских исследователей. Классовый смысл здесь тот же, что и в утверждении, например, неопозитивиста К. Поппера: «не может быть научной теории исторического развития как основы для предсказания» [79].

Не все буржуазные историки ФРГ отвергают возможность и необходимость исторических прогнозов. Для некоторой их части повышение значимости исторической науки в современном обществе предполагает

---

[72] Unbewaltigte Vergangenheit. Berlin, 1971.

[73] Ritter G. Leistungen, Probleme und Aufgaben der internationalen Geschichtsschreibung zur neueren Geschichte, S 304; Koselleck R. Geschichte — In Geschichte—Ereignis und Erzählung München, 1973, S. 221; Faber K.-G Theorie der Geschichtswissenschaft München, 1972, S 77, Schieder Th Politisches Handeln aus historischen Bewußtsein. — HZ, Bd 220, 1975, H. 1, S 22—23, Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография М., 1977, с 54—56.

[74] Nipperdey Th. Historismus und Historismuskritik heute. S. 93.

[75] Vierhaus R. Geschichtswissenschaft und Soziologie, S. 79.

[76] Wittram R. Op. cit., S. 83.

[77] Ludz P Ch, Rönsch H-D Op. cit, S 167

[78] Koselleck R. Der neuzeitliche Revolutionsbegriff als geschichtliche Kategorie — Studium generale, 1969, N 8, S. 831; Mommsen W. J Geschichtswissenschaft jenseits des Historismus, S 30.

[79] Popper K. The Poverty of Historicism London, 1962, p X.

выработку ею необходимых рекомендаций применительно к потребностям этого общества не только в настоящем, но и на будущее. «Будущее» является категорией мышления, не способного раскрыть реальное направление исторического развития в целом и не преследующего подобной цели, хотя и претендующего на предвидение определенных частных его перспектив, тенденций [80]. Но и такого рода прогнозы классово ограничены. Будущее неопределенно, заявлял К.-Д. Эрдман, провозглашая в то же время, что в «индустриальном обществе», приводящем к сглаживанию социальных противоположностей, пролетариат не имеет будущего [81].

Соотношение между прошлым, настоящим и будущим не характеризуется большинством буржуазных историков ФРГ как поступательное развитие, прогресс [82]. Тезис о неопределенности будущего означает для них в той или иной мере невозможность ответить на вопрос о том, является ли развитие прогрессом или регрессом [83]. С точки зрения Фиргауса, «непрерывность», «прогресс», «застой», «регресс» являются лишь субъективными категориями, выражающими мировоззренческие, политические и иные позиции исследователя [84]. Такое отношение к идее прогресса согласуется с отрицанием представления о непрерывности исторического развития, с широко распространенным в буржуазной историографии неверием в смысл истории. В конечном же счете эти настроения предопределяются кризисом современного буржуазного общества, лишенного будущего. Отношение к идее прогресса в новейших исследованиях ФРГ в целом не изменилось по сравнению с ее оценкой в 50—60-е годы [85].

Общим для буржуазных историков ФРГ является признание ими того, что в основе истории как реального процесса развития лежит деятельность людей [86]. Без человеческих решений, пишет К. Клюксен, нет истории [87]. Признается также факт расхождения между намерениями и целями людей и результатами их действий [88], но этот факт не играет заметной теоретической роли в их взглядах. Главное заключается в противопоставлении отдельных разрозненных актов человеческой деятельности с неизбежно присущими им субъективными целями объективному историческому процессу, что, в свою очередь, приводит к отрыву истории, какой она выходит из-под пера исследователя, от реальной действительности.

Суть названного противопоставления заключается в том, чтобы показать, что единственной реальностью, обладающей значением и смыслом, является человеческая деятельность, взятая субъективно в качестве отдельных актов воли и действия. Что же касается истории в целом, то, хотя ее реальность не отвергается, она рассматривается в качестве некоего хаотического состояния, лишенного всеобщности единства, цели и смысла. Об истории в целом можно говорить лишь по-

[80] Acham K. Analytische Geschichtsphilosophie Freiburg—München, 1974, S 228—231; Kluxen K. Op. cit, S. 199; Erdmann K.-D. Die Zukunft als Kategorie der Geschichte — HZ, Bd. 198, 1964, S 53; Schieder Th Politisches Handeln , S 4.

[81] Erdmann K. D Die Zukunft als Kategorie der Geschichte, S. 52—53

[82] Schieder Th. Erneuerung des Geschichtsbewußtseins, S 197; Idem. Grundfragen der neueren deutschen Geschichte, S. 4.

[83] Jeismann K.-E, Kosthorst E. Geschichte und Gesellschaftslehre. — GWU, 1973, H 5, S 272; Nipperdey Th Historismus und Historismuskritik heute, S. 94.

[84] Vierhaus R Über die Gegenwärtigkeit der Geschichte und die Geschichtlichkeit der Gegenwart Göttingen, 1978, S. 15.

[85] См. Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография М, 1968, с 109—113.

[86] Faber K.-G. Theorie der Geschichtswissenschaft, S. 112; Nipperdey Th. Historismus und Historismuskritik heute, S. 92, Vierhaus R. Geschichtswissenschaft und Soziologie, S. 69.

[87] Kluxen K Vorlesungen , S 199.

[88] Hildebrand K. Op. cit, S 338, Koselleck R. Wozu noch Historie? S. 9; Seiffert H. Einführung in die Wissenschaftstheorie München, 1973, S. 46.

стольку, поскольку представление о ней обязано своим происхождением мышлению историка.

Эти взгляды преследуют в сущности одну главную цель — доказать невозможность единого общего научного представления об истории в целом, поэтому они направляются в первую очередь против материалистического ее понимания. Значение работ Г. Флейшера и А. Шмидта, в особенности характеризующихся подобной направленностью [89], Рюзен видит в том, что они освобождают понимание истории — посредством критики исторического материализма — от идеи о ее всеобщности и означают «реабилитацию человеческой субъективности» [90]. По отношению к самому материалистическому пониманию истории подобное «освобождение» является грубой его фальсификацией: в работах Маркса и Энгельса нет будто бы систематической теории общественного развития, речь идет лишь об отдельных фрагментарных положениях [91]. Утверждается далее, что движение предшествующей возникновению капитализма истории Маркс не связывал с потребностями развития производительных сил [92].

У буржуазных историков ФРГ стремление к синтезу, о чем свидетельствуют их многочисленные призывы к разработке теории, носит ограниченный характер, ибо они избегают постановки вопроса о теории, претендующей на объяснение истории в целом. А. Хильгрубер выступает против объяснения действительности на основе «тотальных схем» [93]. Общая теория исторического процесса несостоятельна, заявляет Х. Баумгартнер. Подобные теории опредмечивают, с его точки зрения, историю как целое в качестве реальности и представляют собой эрзац мировоззрения [94]. И другими буржуазными исследователями признаются лишь теоретические обобщения, ограниченные по своим масштабам [95]. Стремление историка к синтезу может выражаться в теоретических обобщениях различной степени глубины и широты содержания, но все они имеют своей основой общую теорию исторического развития; без нее постановка вопроса о теоретическом подходе к истории лишена смысла.

Из изложенного следует, что «история» для буржуазных ученых ФРГ — категория сознания, мышления, оторванная от реальной действительности, истории как объективного процесса: историей можно считать только то, что выходит из-под пера исследователя. При этом, конечно, предполагается правомерность и необходимость плюралистического подхода к действительности [96]. Попытки разрыва двуединого значения понятия история — действительность и ее познание, наука — не являются новыми: в начале 60-х годов о наличии «пропасти» между названными значениями данного понятия писал Г. Ротфельс [97].

Отмечая реальный факт обращения к истории с весьма различными идеологическими целями и связь данного понятия с соответствую-

---

[89] Fleischer H. Marxismus und Geschichte. Frankfurt am Main, 1969; Schmidt A. Geschichte und Struktur. Fragen einer marxistischen Historik. München, 1971

[90] Rüsen J. Rationalität und Geschichtlichkeit, S. 50.

[91] Fleischer H. Op cit, S. 77.

[92] Ibid, S. 79

[93] Hillgruber A. Politische Geschichte in moderner Sicht.—HZ, Bd 216, 1973, H 3, S 551.

[94] Baumgartner H. M. Narrative Struktur und Objektivität. — Historische Objektivität, S 65.

[95] Conze W Gesellschaftliche Aufgaben , S. 356, Conze W. Die Geschichtswissenschaft seit 1945, S. 22, Ludz P Ch, Rönsch H-D Op cit, S 162, Schieder Th Geschichte als Wissenschaft, S. 132; Wehler H-U. Soziologie und Geschichte, S 71—72

[96] Wehler H-U Soziologie und Geschichte, S 72.

[97] Rothfels H. Einleitung—In. Das Fischer-Lexikon Geschichte Frankfurt am Main, 1961, S. 9.

щими формами идеологии, некоторые исследователи стремятся освободить историческую науку от понятия «история как таковая» (т. е. действительность. — *Н. С.*) и даже считают это элементом ее критического обновления как научной дисциплины. «Чем более сомнительным,— пишет Козеллек, — становится «Geschichte schlechthin «(история как таковая), тем более утверждается историография (Historie) в качестве критической науки»[98]. Желая подчеркнуть условность понятия «история как таковая», Козеллек указывает, что метаисторической категорией, применимой для обозначения действительности в целом, оно становится лишь в новое время[99].

Данный прием используется в качестве одного из доказательств того, что история как действительность лишена объективного смысла и значения, представляет собой некое хаотическое состояние, которое упорядочивается лишь мышлением историка с помощью категорий, с которыми он подходит к ее истолкованию. К тому же еще и само понятие «история» как метаисторическая категория оказывается, так сказать, субъективным, т. е. обязанным своим происхождением определенному историческому периоду. В основе этого приема лежит столь типичный для взглядов западногерманских исследователей отрыв исторического понятия от действительности. Между тем содержание понятия «история», о котором пишет Козеллек, является результатом развития не только самого термина, но и развития объективного исторического процесса, со все большей очевидностью обнаруживавшего его единство. Об этом процессе К. Маркс писал: «Влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат»[100].

Во-вторых, логические формы, понятия не способны ни доказать, ни опровергнуть реальность существования тех или иных сторон, черт, признаков явлений, истории в целом, они могут их лишь отобразить. И если какие-то процессы не воссозданы в понятиях, то это ничего не говорит против факта их существования в прошлом. Действительность является историей не потому, что ее изучают, напротив, история как наука возможна благодаря тому, что есть объективный исторический процесс. Далее, когда западногерманский историк пишет, что лишь человеческий дух превращает прошлое в историю[101], то это вовсе не значит, что этот «дух» независим от реальной истории. Для буржуазных историков ФРГ история — категория сознания и прежде всего современного им общественного сознания. Масштабы исторического исследования они ищут в современности, подобно тому, как отдельные представители историзма XIX в. искали их преимущественно в предмете исследования в прошлом. Однако если прошлое и можно осовременить— путем отрыва субъективной логики от объективной, — то понять его из самого себя, т. е. в отрыве от последующего хода событий, включающего в себя современность, невозможно. Отмечая стремление представителей историзма, особенно, например, Ранке, понять события из самих себя[102], буржуазные ученые ФРГ, в сущности, не видят, что это стремление не является фактом, раскрывающим подлинную природу категорий их мышления, ибо оно неотделимо от современной этим историкам действительности.

Историческое мышление ФРГ тесно связано с традициями немецкого историзма XIX в. не только критически, но и позитивно. Без этой

---

[98] Koselleck R Wozu noch Historie? S. 9.

[99] Ibid, S 7, Koselleck R. Geschichte , S 221; Taubes J. Geschichtsphilosophie und Historik Bemerkungen zu Kosellecks Programm einer neuen Historik. — Ibid, S 492

[100] Маркс К, Энгельс Ф. Соч, т 12, с 736.

[101] Kluxen K. Vorlesungen.. S. 66.

[102] Ibid, S. 191; Seiffert H. Op. cit., S. 20.

связи нельзя понять проблему кризиса западногерманской историографии, который проявляется прежде всего со стороны кризиса ее социальной функции [103]. Но это, конечно, и кризис ее теоретических основ, в том числе тех, которые связаны с влиянием наследия историзма, его категорий. Современное состояние западногерманской историографии представляет собой картину поисков альтернативы историзму, которые свидетельствуют об отсутствии очевидного приемлемого варианта, причем, таковым не является и популярная среди историков ФРГ «социальная история». Она сама не может обойтись без историзма. Речь идет в сущности о том, чтобы «обновить», «модернизировать» его, сделать в этом виде составной частью современного мышления.

---

[103] См.: Могильницкий Б. Г. К характеристике современного этапа кризиса буржуазной историографии ФРГ. — Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980, вып. 14.

С. П. РАМАЗАНОВ

КАТЕГОРИЯ ЦЕННОСТИ В ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ Г. РИККЕРТА

Генрих Риккерт (1863—1936) является одним из основоположников баденской школы неокантианства. В этой школе и особенно в методологической концепции Риккерта нашло наиболее фундаментальное обоснование положение о коренной противоположности естествознания и истории. Риккертианская методология истории, базирующаяся, прежде всего, на отрицании исторических законов, оказала огромное влияние на развитие всей современной буржуазной историографии. Несмотря на попытку Риккерта создать объективный научный метод исследования прошлого, его взгляды самым тесным образом были связаны с развитием субъективизма и релятивизма в буржуазной философии истории XX в. Наибольшее воздействие в этом плане на развитие буржуазной методологии истории оказала теория ценностей в историческом познании, которая занимает центральное место в риккертианской методологической концепции. Отсюда понятно то значение, которое приобретает критика этой теории как для борьбы с современной буржуазной философией истории, так и для выявления ее истоков.

Начало марксистскому анализу методологических и философско-исторических взглядов Риккерта было положено статьями Г. В Плеханова и М. Н. Покровского [1], в которых раскрывались идеалистическая природа его воззрений и их классовая направленность. В дальнейшем осмыслении субъективно-идеалистической сущности, односторонности и реакционного характера концепции Риккерта большую роль сыграли работы В. Ф. Асмуса и А. И. Тюменева [2] В последнее время анализ методологических представлений Риккерта занял довольно большое место в советской историко-философской литературе [3], хотя до сих

[1] См · Плеханов Г. В. О книге Г Риккерта — Плеханов Г В Избр философск. произв в 5-ти т., т. 3 М, 1957; Покровский М Н. «Идеализм» и «законы истории» (о книге Риккерта «Границы естественнонаучного образования понятий»). — Покровский М Н. Историческая наука и борьба классов М -Л., 1933, вып 2.

[2] См Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм М.-Л , 1933, с 181—213; Тюменсв А. Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке — Историк-марксист, 1929, № 12.

[3] См Бакрадзе К. С. Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии — Бакрадзе К С. Избр философск труды в 4-х т, т 3 Тбилиси, 1973, с 217—297; Богомолов А С. Немецкая буржуазная философия после 1865 года М , 1967, с 45—60; Буржуазная философия кануна и начала империализма М, 1977, с 98—124, Вайнштейн О. Л Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л, 1979, с 32—36; Григорьян Б. Т. Неокантианство М, 1962; Кон И С Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли М, 1959, с 71—87.

пор, как уже отмечалось в нашей печати, «нет... солидной монографии с критикой концепции старой неокантианской школы»[4]. Что касается изучения теории ценностей, то на нее обращается внимание лишь в связи с критикой общефилософских воззрений Риккерта[5]; вопрос же о месте категории ценности в теории исторического познания Риккерта вообще специально не ставился в советской литературе. Между тем разработка этого кардинального пункта риккертианской гносеологической концепции представляется необходимой для осмысления всей совокупности методологических взглядов Риккерта; она имеет и немаловажное значение для позитивного решения проблемы ценности в исторической науке, которая в настоящее время привлекает возрастающее внимание советских философов и историков.

* * *

Конец XIX столетия ознаменовался кризисом позитивистской философии истории, которая на протяжении полувека являлась господствующим мировоззрением в западной буржуазной историографии[6]. Несмотря на ряд рациональных идей, связанных с утверждением прогрессивного закономерного характера исторического процесса и неограниченных возможностей научного познания, позитивистская философия истории к этому времени исчерпала свои прогрессивные потенции. Логика развития исторической науки выдвинула задачу осмысления специфики исторического познания. Позитивистская же философия в стремлении уподобить историю естественным наукам как своему образцу почти не интересовалась этим вопросом. Пренебрежительное отношение позитивистов к описательной истории, отдельным личностям, особенному и единичному не могло не вызвать справедливой критики со стороны историков и философов. Но буржуазная философия истории в силу своей классовой ограниченности не смогла подняться до высот диалектического осмысления логики исторического познания. В ее лоне критика позитивизма фактически свелась к одностороннему выдвижению на передний план истории деятельности великих личностей, отрицанию закономерной обусловленности исторического процесса и прогресса в истории. А такие методологические позиции на деле всегда приводили к историческому агностицизму.

Особенно яростным атакам позитивизм в рассматриваемое время подвергался в Германии[7]. Этому способствовала сама практика немецкой историографии. Как отмечает О. Л. Вайнштейн, интерес историков-позитивистов лежал в области истории учреждений, а не политической истории или истории культуры, в академических же кругах Германии абсолютное господство принадлежало школе Леопольда фон Ранке, в центре внимания которой была деятельность выдающихся личностей и их идеи[8].

Риккерт своей теорией ценностей попытался в противоположность позитивистскому пониманию сути истории обосновать своеобразие ис-

[4] См.: Нарочницкий А. Л. О преподавании историографии в высшей школе — Вопросы истории, 1973, № 6, с. 12.

[5] Из специальных работ, посвященных анализу теории ценностей Риккерта, можно назвать лишь статью Е. А. Рудельсона «Неокантианское учение о ценностях (Фрейбургская школа)» (См. сб. Проблема ценности в философии. М.-Л., 1966).

[6] Общую характеристику позитивистской философии истории и оценку ее значения для буржуазной историографии см.: Гутнова Е. В. Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки (по материалам медиевистики). — Средние века. М., 1964, вып. 25; Зонов В. Т. Основные принципы историко-социологической концепции «первого позитивизма» — Сб. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1974, вып. 9.

[7] См.: Вайнштейн О. Л. Указ. раб., с. 26—40.

[8] См.: Там же, с. 10, 26.

торического познания. Он резко выступил против антиисторизма позитивистской философии истории, не понимавшей, по его мнению, сущности исторической науки [9]. А направленность своего основного сочинения «Границы естественнонаучного образования понятий» [10] Риккерт видел в борьбе «против „естественнонаучного миросозерцания"» в истории [11].

Вместе с этим Риккерт не мог согласиться и с появившейся незадолго до него философско-исторической концепцией В. Дильтея [12], который для обоснования специфики исторического исследования провозгласил приемом познания прошлого метод интуитивного «вживания». Дильтей в явной форме вносил произвол в работу историка. Риккерт отклоняет метод «переживания» как ненаучный, соглашаясь отвести ему лишь место вспомогательного средства приобретения материала для исторического изложения [13]. Иррационализму «философии понимания» Риккерт противопоставлял «отнесение к ценностям» как рациональный научный метод [14].

Категория ценности пронизывает всю философию Риккерта, являясь ее логическим фундаментом и играя роль связующего звена его методологических построений. Посредством этой категории он пытается осмыслить весь комплекс философско-исторических проблем — понятие ценности подводит основание под его классификацию наук, с его помощью Риккерт объясняет интерес историка к индивидуальным событиям прошлого, решает вопрос о прогрессе в истории и возможности достижения объективной истины в исторической науке. Заслуга Риккерта заключается в том, что постановкой вопроса о ценностном подходе к истории он вплотную подошел к осмыслению важнейшего момента, определяющего специфику исторического познания и, используя категорию ценности, впервые в западной философии предпринял попытку рационально обосновать своеобразие исторической науки. Но идеалистическая и метафизическая ограниченность его воззрений привела Риккерта к абсолютизации понятия ценности и помешала ему отразить место ценностного отношения к прошлому с подлинно научных позиций.

Хотя позитивизм и «философия жизни» (первый в большей степени, вторая — в меньшей) вызывали критику Риккерта, подлинным его врагом являлось мировоззрение марксизма, вне отношения к которому невозможно понять ни зарождение и сущность неокантианства, ни теорию ценностей в историческом познании Риккерта. Хотя Риккерт объявил свою методологическую концепцию беспартийной [15], фактически она и по содержанию, и по форме направлена против марксистской философии. Он пытается представить дело так, что оспаривает материалистическое понимание истории «не из политических, но из чисто логических соображений» [16]. Но, обвиняя мировоззрение рабочего класса в антинаучном подходе и объявляя его лишь политической «точкой зре-

---

[9] См Риккерт Г Философия истории Спб, 1908, с 11—12.

[10] См Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки Спб, 1903

[11] См там же, с 13

[12] Характеристику философско-исторической концепции Дильтея см · Кон И. С. Вильгельм Дильтей и его «Критика исторического разума» — Сб Критика новейшей буржуазной историографии Л, 1967.

[13] См: Риккерт Г. О понятии философии. — Логос. М., 1910, кн 1, с. 49; Он же Науки о природе и науки о культуре Спб, 1911, с. 102.

[14] Совершенно неправомерно объявлять Г. Риккерта «приверженцем» «философии понимания», как это делает Н М Дорошенко. (См Дорошенко Н М «Понимание» и его роль в историческом познании — Сб Роль научных принципов и понятий в социальном исследовании Л, 1976, с 86

[15] См Риккерт Г. Философия истории, с. XIV.

[16] См там же.

ния ценности»[17], Риккерт тем самым предпринимал попытку отстоять идеологию буржуазии. Как отмечал еще Г. В. Плеханов, «отвергая историческую теорию Маркса, Риккерт не находит нужным узнать ее», а его непонимание исторического материализма вызвано, с точки зрения Плеханова, «не какими-нибудь личными причинами», но «предрассудками, свойственными целому классу; именно о риккертианском неприятии исторического материализма можно сказать, что оно обусловлено «совершенно ненаучными политическими соображениями» — боязнью «специфических социал-демократических стремлений»[18].

В качестве противовеса марксизму Риккерт предпринимает попытку возродить формально-логический субъективизм Канта и его идею о коренном различии между науками по их методу[19]. Схватывая реальность существования двух типов наук, которая на самом деле обусловлена спецификой объекта социальной действительности (активная деятельность человека), Риккерт искаженно отображает ее. Он исходит из положения, что характер науки можно понять только «тогда, когда опознана ее цель»[20], и из различия в задачах, которое с его точки зрения имеет место в естествознании и истории, противопоставляет эти науки.

По мнению Риккерта, естественные науки стремятся к постижению законов и обобщению[21]. Но «искание законов в этом смысле, — считает он, — никоим образом не может служить последней целью эмпирической исторической науки. Историк, делая это, перестает тем самым быть историком, он уже не хочет исторического изображения своего объекта»[22]. Интерес историка, по Риккерту, сосредоточивается на воспроизведении действительности в ее единичности и индивидуальности[23]. Таким образом, метафизически противопоставляя единичное общему и отрицая понятие исторического закона как якобы абсурдное[24], Риккерт стремится вытеснить материалистическое понимание истории «ценностным подходом» к историческим явлениям.

Считая «принципиально неразрешимой задачей» воспроизведение действительности во всей ее индивидуальности и «со всеми ее подробностями»[25], Риккерт справедливо указывает, что «науки, если только методы их не произвольны, нуждаются в... принципе выбора, пользуясь которым, они могли бы в данном им материале отделять существенное от несущественного»[26]. Но, отрицая наличие в истории существенных закономерных связей и отношений, он провозглашает критерием выбора существенного в исторической науке понятие «культурной ценности». Риккерт пишет: «И история, подобно естествознанию, подводит особое под «общее». Но тем не менее это, конечно, ничуть не затрагивает противоположности генерализирующего метода естествознания и индивидуализирующего метода истории. Не общий естественный закон или общее понятие, для которого все особое есть лишь один частный случай наряду со множеством других, а культурная ценность есть «общее»

---

[17] См: Риккерт Г. Философия истории, с. XIV; Он же. Науки о природе и науки о культуре, с. 159—162

[18] См Плеханов Г В Указ раб, с 509—510

[19] Знаменем всей баденской школы неокантианства стала кантовская «Критика практического разума». (См: Кант И. Собр. соч. в 6-ти т., т. 4, ч. 1 М., 1965).

[20] Риккерт Г. Два пути теории познания. — Сб Новые идеи в философии, Спб, 1913, № 7, с 1.

[21] См: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, с 76—77.

[22] Риккерт Г Философия истории, с 77

[23] См: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, с 90—98.

[24] См: Риккерт Г. Философия истории, с. 77.

[25] См: Риккерт Г Науки о природе и науки о культуре, с 65—66.

[26] Там же, с. 70—71.

истории; культурная же ценность необходимо связана с единичным и индивидуальным, в котором она постепенно развивается» [27].

«Точка зрения ценности», по Риккерту, позволяет найти и резкую границу между двумя родами объектов научного познания — природой и культурой. «Во всех явлениях культуры, считает Риккерт, мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком... Явления природы мыслятся... вне связи с ценностями» [28]. Таким образом, начиная обоснование различия естествознания и истории, как и его учитель В Виндельбанд [29], первоначально из разницы в методах этих наук, Риккерт, используя понятие ценности, закрепляет их противоположность утверждением о разнородности объектов исследования. По Риккерту, дело «наук о природе» — обнаружение законов, в задачу же «наук о культуре», к которым в первую очередь принадлежит история, входит отнесение своих объектов к ценностям [30]. Если позитивизм в своей системе располагал науки от наиболее общих (математика) к наиболее частным (социология) в порядке их координации, то Риккерт разрывает естествознание и историю [31].

Однако своим острием риккертианская классификация наук, основанная на понятии ценности, была направлена прежде всего на отрицание объективного характера закономерности общественного развития, исследование которой марксистская методология считает предметом исторической науки. Такое понимание предмета позволяет историкам-марксистам применять весь комплекс научных средств для постижения прошлого. Представление об истории как о совокупности индивидуальных процессов и единичных фактов помешало Риккерту в конечном счете адекватно отразить сущность исторического метода.

Риккерт считает, что только отнесение к ценности придает истории научный характер, так как «простое установление фактов не есть еще само по себе наука» [32]. «Фактически ни один историк не интересовался бы теми однократными и индивидуальными процессами, которые называются Возрождением или романтическою школою, — пишет он, — если бы эти процессы благодаря их индивидуальности не находились в отношении к политическим, эстетическим или другим общим ценностям. ...Итак, собственно говоря, утверждая, что всякий объект, составляющий предмет истории, должен быть относим к некоторой ценности, мы лишь придаем весьма тривиальной истине, гласящей, что все то, что излагает история, интересно, характерно, важно, или имеет значение, логически пригодное выражение» [33].

Если в естествознании ценностный подход является, с точки зрения Риккерта, всего только «психологической предпосылкой» исследования, то в истории, по его мнению, понятие ценности связано с самой «логической сущностью» науки [34]. «Свою историю, т. е. свое единичное становление, — если все существующее рассматривать независимо от его значения и вне какого бы то ни было отношения к ценности, — отмечает Риккерт, — имеет всякая вещь в мире... Поэтому

---

[27] Там же, с 141.

[28] Там же, с 53.

[29] См Актовую речь Виндельбанда «История и естествознание», произнесенную им при вступлении в должность ректора Страсбургского университета 1 мая 1894 г. (Виндельбанд В. Прелюдии Философские статьи и речи Спб, 1904, с 320—324)

[30] См: Риккерт Г Науки о природе и науки о культуре, с 142—143

[31] См: Кедров Б М Классификация наук М, 1965, т 2, с. 60—61

[32] См: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, с. 178—179, 182

[33] Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий, с 315—316

[34] См · Риккерт Г. Философия истории, с. 49—52.

один уже тот факт, что мы желаем и можем писать историю только о людях, показывает, что мы при этом руководимся ценностями, без которых не может быть вообще исторической науки. Что ценности обыкновенно не замечаются, — продолжал он, — это объясняется исключительно тем, что основывающееся на культурных ценностях выделение существенного из несущественного большей частью совершается уже авторами, дающими историку его материал»[35]. Лишь метод отнесения к ценности позволяет, по Риккерту, «представить исторические явления как стадии ряда развития», только он, с его точки зрения, дает историку возможность говорить об определенных «эпохах» и «периодах» истории[36].

Марксистско-ленинская методология, признавая наличие ценностного отношения в истории, в конечном счете подчиняет его анализу объективных причинных связей исторического процесса[37]. Риккерт же, объявляя ценностный подход главным и единственным методом исторической науки, обусловливает им поиск причин в истории. Он утверждает, «что методологический принцип выбора существенного в истории также и в вопросе о причинных связях зависит исключительно от ценностей, поскольку в истории принимаются во внимание лишь индивидуальные причины, которые именно во всем своем своеобразии оказались значительными для реализирования культурных благ»[38].

Но вполне отдавая себе отчет в том, что такое истолкование исторического метода должно привести к субъективизму, Риккерт для преодоления произвола в исторических исследованиях заявляет о необходимости «резко отличать практическую оценку от чисто теоретического отнесения к ценности»[39]. Оценка, с его точки зрения, имеет место тогда, когда ценность связывается с психическим актом субъекта[40]. В связи с их субъективной природой, считает Риккерт, «индивидуализирующая история, так же как и естествознание, может и должна избегать оценок, нарушающих ее научный характер»[41]. С позиций ценностного подхода, по Риккерту, «исторически важным и значительным считается не только то, что способствует, но даже и то, что мешает реализированию культурных благ. Только то, что индифферентно по отношению к ценности, исключается как несущественное»[42]. Он пишет: «Историк, как таковой, не может решить, принесла ли французская революция пользу Франции или Европе или повредила им. Но ни один историк не будет сомневаться в том, что собранные под этим именем события были значительны и важны для культурного развития Франции и Европы, и что они поэтому, как существенные, должны быть упомянуты в европейской истории. Короче говоря, оценивать — значит высказывать похвалу или порицание. Относить к ценности — ни то, ни другое»[43].

Такое противопоставление метода отнесения к ценности оценкам в истории и стремление изгнать оценочные суждения из исторической практики никоим образом нельзя считать правомерным. Фактически это признает и сам Риккерт, допуская «для установления факта и для

---

[35] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, с. 126.

[36] См. Риккерт Г. Философия истории, с. 119; Он же. Науки о природе и науки о культуре, с. 136.

[37] См. Чагин Б. А. Проблема ценности и оценки в свете трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. — Сб. Проблема ценности в философии, с. 10.

[38] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, с. 135. Критику концепции «индивидуальной причинности» Риккерта см.: Петров Ю. В. Причинность в исторической науке. Томск, 1972, с. 68—72.

[39] Риккерт Г. Философия истории, с. 55.

[40] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, с. 50—60, 129.

[41] Там же, с. 134.

[42] Там же, с. 130—131.

[43] Там же, с. 131.

чисто теоретической характеристики события» оценки человеческих действий типа «доброе», «мужественное», «преступное», подразумевая под ними «лишь то, что источники заставляют признать, что перед нами поступок, который все называют преступлением» [44].

В действительности оценочные суждения органически присущи истории, ибо элиминация оценок из исторической науки наносит непоправимый ущерб ее социальным функциям, особенно воспитательной, и противоречит самой природе исторического познания.

В. И. Ленин, высмеивая Михайловского за его утверждение, что марксисту как представителю учения, гордого своей неумолимой объективностью, якобы «не полагается сердиться», писал: «Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается?» Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.» [45]. Ленин ставит вопрос так: либо, вскрывая классовые противоречия, определить свою точку зрения, либо «сбиться на точку зрения апологета этих фактов» [46]. Со своими рассуждениями о роли оценки в историческом исследовании Риккерт фактически и занимает позицию апологета прошлого, впрочем точно так же, как и его кумир Ранке [47].

Методология истории марксизма, раскрывая объективные тенденции исторического процесса, открыто становится на точку зрения рабочего класса — передового класса общества. Своим важнейшим методологическим принципом исторического анализа марксизм-ленинизм провозглашает принцип коммунистической партийности [48]. С высоты этого принципа историческая наука оказывается правомочной судить о событиях прошлого и их роли в общественно-историческом процессе. Риккерт же, используя ценностный подход и противопоставляя его исторической оценке, отвергает понятие прогресса в истории как субъективное. Он утверждает, что историк не должен «решать, что является прогрессом и что регрессом культуры, ибо, решая этот вопрос, он от теоретического отнесения к ценности перешел бы к практической оценке явлений. Его собственные культурные идеалы совсем не должны иметь решающего значения при обработке им своего материала» [49].

Чьими же идеалами должен в таком случае руководствоваться историк? По мнению Риккерта, он «не относит своих объектов к любым произвольным ценностям, но предполагает, что те лица, к которым он обращается со своим историческим изложением, признают в общем за ценности... ценности религии, государства, права, нравственности, искусства, науки, с точки зрения которых исторически изображенное представляется существенным... Благодаря этой всеобщности культурных ценностей, — заключает Риккерт, — и уничтожается произвол истори-

---

[44] См.: Риккерт Г. Философия истории, с. 61—62.

[45] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 547—548.

[46] Там же, т. 1, с. 418.

[47] Критику так называемого «объективного метода» Ранке см.: Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974, с. 80—93.

[48] Подробнее о роли принципа коммунистической партийности в историческом познании см.: Могильницкий Б. Г. Принцип партийности в историческом познании. — Сб. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1974, вып. 10, с. 11—16.

[49] Риккерт Г. Философия истории, с. 68—69.

ческого образования понятий; на ней, следовательно, покоится его «объективность» [50]. В другом месте Риккерт утверждает: «Оценка явлений культуры производится не с произвольной, а с общей точки зрения, так как «объективность» истории достижима лишь с помощью общеобязательности тех культурных ценностей, которые образуют руководящий принцип ее способа образования понятий» [51]. Но такое понимание пути достижения «объективной» истины в историческом познании есть конвенционализм и агностицизм, к тому же сугубо реакционный по содержанию. Выдаваемые за всеобщие, ценности (прежде всего религия и государство) — суть ценности самого Риккерта и идеалы немецкой идеалистической историографии того времени.

Основываясь на этих идеалах, буржуазные историки Германии выдвигали на передний план сферу политической истории и превозносили деятельность «великих» людей, в первую очередь правителей церкви и государства. Собственно и у Риккерта «в высшей степени первостепенным историческим индивидуумом» с точки зрения отнесения к ценности оказывается фигура Фридриха-Вильгельма I [52]. С позиций отношения к своим «всеобщим ценностям» Риккерт делит все народы на «исторические» и «неисторические», «дикие», «некультурные» [53], что объективно открывало прямую дорогу к построению расистских и шовинистических теорий.

Г. В. Плеханов, анализируя взгляды Риккерта, отмечал: «Неоспоримо, что каждый историк сортирует свой научный материал — отделяет существенное от несущественного — с точки зрения известной ценности. Весь вопрос в том, *какова природа этой ценности*» [54]. Риккерт для доказательства объективности ценностей как критерия выбора существенного в истории объявляет их независимыми от субъекта познания, «трансцендентными», «самодовлеющими», «сверхисторическими», «безусловными», «безвременными» сущностями [55]. Но вместе с этим он противопоставляет ценности и действительному бытию, утверждая, что ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. «Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности» [56].

Но, помещая «царство ценностей» «по ту сторону субъекта и объекта» [57], невозможно понять подлинную природу этой категории. Для раскрытия объективного содержания понятия ценности, подчеркивал О. Г. Дробницкий, «требуется не простое описание ценностных феноменов, а анализ социальной культуры, *теория деятельности*» [58]. Именно исходя из реальных потребностей человека (которые в конечном счете обусловлены уровнем практической деятельности) ориентироваться в действительности и получать с этой целью информацию о значении объекта для бытия субъекта, диалектический материализм обосновывает объективную природу ценности [59]. А под ценностями марксистско-ленинская философия понимает не какие-то абстрактные абсолютные сущности, а явления действительности в материальной и идеальной форме, которые имеют положительное значение для личности, социальной группы или общества в целом. При этом безусловной, выс-

---

[50] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, с. 139—140.
[51] Риккерт Г. Естествоведение и культуроведение. Спб., 1903, с. 33.
[52] См. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий, с. 402.
[53] См. там же, с. 484—485.
[54] Плеханов Г. В. Указ. раб., с. 515.
[55] Риккерт Г. Философия истории, с. 141—142; Он же. Два пути теории познания, с. 55, 60.
[56] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, с. 128—129.
[57] Риккерт Г. О понятии философии, с. 33.
[58] Дробницкий О. Г. Проблема ценности и марксистская философия. — Вопросы философии, 1966, № 7, с. 43.
[59] См. Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974, с. 53, 63.

шей ценностью исторический материализм считает счастье трудящегося человека [60].

Субъективизм Риккерта выразился в том, что он на место реальных ценностей поставил идеалистическую идею долженствования. Эпиграфом к своим рассуждениям о природе ценности Риккерт берет слова Г. Лотце: «Я все еще убежден, что я иду правильным путем, когда я ищу в том, что должно быть, основание того, что есть» [61]. В качестве же абсолютной ценности для Риккерта выступает «сознающая долг автономная воля, хотящая того, что обязательно для нее» [62]. Эта абсолютная ценность, по его мнению, придает смысл человеческой истории и логически предшествует всякому акту познания [63]. При этом «воля, хотящая того, что для нее обязательно», отождествляется им с волей нравственной [64].

Такое понимание абсолютной ценности, с точки зрения Риккерта, открывает путь к построению системы ценностей, которая, в свою очередь, и «позволит применить индивидуализирующий метод» [65]. Правда, он указывает, что ценности данной системы должны иметь формальный характер [66], выделяя четыре вида культурных ценностей — логические, эстетические, социально-этические и религиозные [67], но на практике эти «формальные ценности» наполняются у него вполне конкретным содержанием.

По Риккерту, этический долг обязателен для всякого человека. Но наибольшую часть своих обязанностей, рассуждает он, человек способен выполнять лишь как член определенной нации, а не как некий абстрактный индивид. «То целое, к которому принадлежит отдельное лицо, всегда получает значение лишь благодаря своей индивидуальности, — пишет Риккерт, — и поэтому быть прежде всего членом нации есть этический долг... Как у единичного лица, так и у всякого народа, — продолжает он, — ... всегда есть индивидуальная задача, которой не может быть ни у какого другого народа, и поэтому в мире можно совершить что-либо лишь путем выработки национального своеобразия» [68]. Отсюда этическими ценностями, по мнению Риккерта, являются нация и национальное государство, которому, с его точки зрения, историография должна «отводить в своем изложении центральное место» [69].

Риккерт признает абсолютную ценность этической воли конкретного человека. Однако, объявляя ценности трансцендентными по отношению к человеческому сознанию, он утверждает, что результат нашей деятельности не зависит от нас. Но поскольку, с точки зрения Риккерта, «прямо-таки неизбежно допустить, что безусловно должные поступки имеют и должный результат, то абсолютный идеал святой воли обращается для нас в святую силу, выполняющую то, что невозможно для нас, т. е. осуществляющую посредством наших поступков безусловно всеобщие ценности. Итак, — заключает он, — сознание нашего бессилия относительно того, что долженствует быть, требует от нас и объективно благой или святой действующей реальности... Эта реаль-

---

[60] См. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969, с. 224.

[61] См.: Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий, с. 502.

[62] Там же, с. 580.

[63] Там же, с. 579, 584.

[64] См. там же, с. 590—591.

[65] Риккерт Г. Философия истории, с. 120.

[66] См. там же, с. 135.

[67] См. Риккерт Г. Ценности жизни и культурные ценности — Логос, кн. I—II. М., 1921—1923, с. 34.

[68] Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий, с. 598—599.

[69] См. там же, с. 598.

ность абсолютно недоступна нашему научному пониманию»[70]. Так, идеалы нации и национального государства для большей прочности подкрепляются Риккертом ценностью религиозной веры, которая в конечном счете провозглашается им стоящей выше всякой науки[71].

Таким образом, в действительности ценности Риккерта оказываются выражением идей буржуазного национализма и иррационализма, что в конечном итоге подрывает и ту основу, на которой строился его рациональный метод.

Концепция Риккерта противоречива, что сказалось как в его отказе по сути дела от выдвинутого им же принципа всеобщей объективности истории, так и в его неспособности последовательно реализовать в своих философских построениях метод рационализма.

Это противоречие является отражением реальных противоречий самого буржуазного общества накануне решающих классовых битв пролетариата. В. Ф. Асмус писал: «Не отрицая трагичности социальных противоречий, Риккерт обращается к своим современникам с проповедью, смысл которой состоит в том, что никакая социальная активность никогда не в состоянии будет преодолеть изначальный антагонизм социального бытия ни в историческом настоящем, ни в историческом будущем, но только в надысторическом мире трансцендентных ценностей, в иерархии, завершаемой ценностями религиозной веры»[72]. Пытаясь снизить нарастающую социальную активность трудящихся, идеологи капитализма стремились противопоставить марксистскому учению о классовой борьбе идеалы национального единства и долга перед буржуазным государством и церковью. Такую направленность объективно имеет и риккертианское учение о ценностях.

Неприятие Риккертом логики реального исторического развития диктует ему стремление отрешить науку историю от осмысления коренных теоретических проблем этого развития и запретить ей оценку перспектив общественно-исторического процесса, ведущего к победе идеалов пролетариата. Такая социальная подоплека лежит в основе противопоставления Риккертом философии истории, которая и должна, по его мнению, заняться обоснованием системы ценностей и, таким образом, выработать критерий отбора существенного в историческом познании — исторической науке. Он считает, что «эмпирическая история ни в коем случае не может стать систематической наукой», поскольку для этого, с его точки зрения, уже нужно обладать системой культурных ценностей, а построение такой системы не входит в компетенцию исторической науки; к тому же, по Риккерту, само „«историческое чувство» непременно должно будет противиться не только историческим законам, но и всякой систематике вообще"[73]. Риккерт утверждает, что «в противоположность истории философия всегда стремится к систематизированию», и хотя он признает связь философии истории с историографической практикой, но считает, что из нее она черпает «лишь материал, который она обрабатывает своего рода систематическим образом»[74]. «Философия, — пишет Риккерт, — конечно, не растворяется в истории. Напротив, она должна своей систематикой уничтожить все чисто историческое»[75].

Но вместе с этим противопоставление философии истории исторической науке и само учение о ценности имеют у Риккерта и иную направленность. Он, несомненно, чувствовал назревавший кризис немецкого буржуазного идеалистического историзма и посредством этих

---

[70] Там же, с 610
[71] См там же, с. 613.
[72] Асмус В. Ф. Указ. раб., с. 212.
[73] Риккерт Г. Философия истории, с. 117.
[74] Там же, с 118.
[75] Риккерт Г О понятии философии, с. 41—42.

идей пытался преодолеть его. Найденное им противоречие между историческим и философским мышлением Риккерт объявляет «весьма плодотворным и желательным», поскольку именно этот антагонизм, с его точки зрения, позволяет философии бороться с историзмом [76]. «Философия, — пишет Риккерт, — ...решительно должна отклонить историзм как мировоззрение. Историзм этот, столь много о себе думающий, представляет из себя в сущности одну из форм релятивизма и скептицизма; при последовательности в мышлении он необходимо должен привести к полнейшему нигилизму... В противоположность к историзму философия истории покидает исторический метод чисто теоретического отнесения к ценности, заменяя его критической оценкой. Лучше всего мы уясним себе это на примере понятия прогресса, в философии истории опять вступающего в свои права» [77]. В определенной степени и попытка «доказать абсолютность неких трансцендентных вневременных надысторических ценностей», как отмечает крупный современный буржуазный исследователь проблемы ценности в истории А. Стерн, связана у Риккерта со стремлением «избежать присущих историзму» [78] «релятивизма» и «нигилизма». В связи с этим представляется необоснованным утверждение В. И. Салова, что риккертианское понимание истории составляет «подлинную основу» немецкого буржуазного историзма [79].

Однако теория ценностей в историческом познании Г. Риккерта не преодолела кризис немецкого буржуазного идеалистического историзма, а сама явилась одним из его выражений. Риккерту не удалось поставить преграду историческому релятивизму, поскольку он не мог подвести под свои «абсолютные ценности» объективного основания. А его постулат о формальном характере этих ценностей уже допускал, по сути дела, субъективизм в трактовке их содержания.

Риккерт пытался подчинить историческую науку антиисторической философии истории, которой только и предоставлялось право судить о прошлом с позиций ценностей абсолютного долженствования. Таким образом, выступая против антиисторизма позитивистской философии, он и сам становился на антиисторическую платформу.

Вместе с тем риккертианское учение о ценностях отражало и общий кризис буржуазной философии периода империализма. Сущность этого кризиса заключалась в неспособности идеологов капитализма противопоставить научной теории исторического материализма сколько-нибудь приемлемую рациональную альтернативу. Риккертианская методологическая концепция объективно отрицала за историей не только ее научный характер, но и ее способность удовлетворять насущные запросы общества. Субъективно-идеалистические позиции Риккерта не позволили ему решить важнейшую проблему теории исторического познания и адекватно отразить место ценностного подхода в исторической науке.

---

[76] См. Риккерт Г. Философия истории, с. 13.

[77] Там же, с. 122—123.

[78] См.: Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. Mouton & Co.-'S-Gravenhage, 1962, p. 137.

[79] См.: Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977, с. 52.

Е. С. КИРСАНОВА

В. И. ГЕРЬЕ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Русский буржуазный историк В. И. Герье (1837—1919 гг.) известен сегодня для историографов главным образом как педагог, воспитавший целую плеяду ученых-медиевистов (Кареев, Виноградов, Корелин, Виппер) [1]. Как ученого его заслоняют крупные фигуры близких ему по воззрениям историков так называемого «государственного направления»— С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина. В их произведениях были впервые сформулированы принципы исторического обоснования русского буржуазного консерватизма, и поэтому взгляды этих историков обычно служат предметом анализа при характеристике правого крыла русской исторической мысли во второй половине XIX — начале XX вв [2].

Сам Герье считал себя лишь продолжателем автора «Российской истории» и до конца жизни относился к нему с неизменным поклонением. В решении многих вопросов, касающихся русской истории (например, о происхождении самодержавия и его роли в жизни русского народа), Герье был, безусловно, вторичен и по отношению к Б. Н. Чичерину.

Вместе с тем представляется, что обращение к особенностям исторического мировоззрения этого историка могло бы дополнить картину развития русской консервативной буржуазной историографии некоторыми новыми деталями. Дело в том, что ученик Соловьева и сподвижник Чичерина В. И. Герье не был простым популяризатором их взглядов. Во многих случаях он стремился дать свое собственное обоснование принципов государственного направления в историографии. Так, его концепция исторического прогресса представляет собой довольно сложный синтез идей, в котором исходные положения традиционной идеалистической историографии тесно переплетаются с поправками, внесенными под влиянием новых исторических теорий. Изучая его творчество, мы столкнемся, в частности, с воздействием на русскую консервативную мысль представителей немецкой национально-политической историографии, многие выводы которой были явно симпатичны Герье [3].

Отличие от Соловьева и Чичерина проявлялось и в том, что научный интерес Герье был направлен не на русскую, а на всеобщую историю. Как специалист в этой области он, пожалуй, превосходил своего учителя Соловьева и единомышленника Чичерина. Не случайно, нуждаясь в аргументах из истории генезиса западноевропейского феодализма для обоснования своей концепции общинного землевладения, Чиче-

[1] Имеется лишь несколько историографических работ, в которых рассматриваются отдельные аспекты исторических взглядов В. И. Герье (См Очерки истории исторической науки в СССР М, 1963, т. 3, с. 437—440; Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М, 1974, с 213—259; Гутнова Е В. Историография средних веков М, 1974, с 261—263; Сафронов Б Г Историческое мировоззрение Р. Ю Виппера и его время М, 1976; с. 76—97)

[2] См, например Китаев В А От фронды к охранительству М, 1972.

[3] Со взглядами Ранке, Дройзена и Зибеля Герье близко познакомился во время научной командировки в Германию в 1863—1965 гг. Об ярком впечатлении, произведенном на него лекциями и семинарами этих историков, Герье рассказывает в неопубликованных воспоминаниях, написанных незадолго до смерти (См. Государственная библиотека им. В И. Ленина, отдел рукописей (далее ГБЛОР), ф. 70, карт. 32, ед. хр. 1, л. 46—53)

рин привлек Герье к соавторству при написании разбора книги князя Васильчикова [4].

Отметим и то обстоятельство, что после смерти Чичерина в 1904 г. именно Герье, по существу, взял на себя роль идейного лидера правого крыла русской исторической мысли. Поэтому произведения заключительного периода его творчества являются важным источником при изучении трансформации исторического сознания консервативных слоев буржуазной интеллигенции под влиянием первой русской революции и последующих за ней событий.

Наконец, надо сказать, что никто из близких по взглядам к Герье историков не уделял столь большого внимания методологическим проблемам исторического познания. В эпоху острых методологических споров о путях исторической науки он попытался доказать, что методы, которыми традиционно пользовалась консервативная историография, начиная с Соловьева, более всего обеспечивают прогресс исторического познания. Вопросы о целях исторической науки, ее возможности в достижении объективной истины неизменно присутствовали в лекционных курсах, монографиях и статьях Герье.

Среди этих проблем можно выделить одну, которая более всего волновала историка и к которой он на протяжении своего творчества неоднократно возвращался. Речь идет о проблеме отношения между историей и политикой. Решая ее, Герье высказал немало оригинальных соображений. Причем они не носят характера случайных высказываний. Вводный курс во всеобщую историю, прочитанный Герье в Московском университете в 1865 г., практически весь посвящен вопросам связи истории и политики [5]. Им же он отводит значительную часть лекций непосредственно в курсах о средних веках и новом времени [6], а также касается их в ряде статей и монографий [7]. Таким образом, перед нами продуманная методологическая концепция, постоянно пропагандируемая перед слушателями и читателями. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть ее с учетом общей структуры исторического и политического мировоззрения ученого.

Герье был одним из первых историков, сближавших задачи истории исторической науки и ее методологии. «Знакомство с историей науки, — писал он, — необходимо для установления верного научного метода. Только тот, кому известны различные пути, по которым развивалась его наука, различные методы, которые в ней преследовались, и различные цели и задачи, которые в ней применялись, может вполне сознательно определить свое отношение к ней и выяснить себе ее цель» [8].

Поэтому, как и все гносеологические вопросы истории, проблема отношения исторической науки к политике рассматривалась им с учетом опыта прошлой историографической практики. Независимо от того, анализировались ли им взгляды конкретного историка или разбиралась позиция целой научной школы, он всегда пытался «...проследить влияние, которое имели политические теории и потребности различных эпох на историографию и суждения историков о прошедших событиях» [9].

Изучая прошлое исторической науки, Герье не находил ни одного историка, свободного от политических симпатий и антипатий. Даже по-

---

[4] См Герье В. И, Чичерин Б. Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение М, 1878

[5] См Герье В И Очерк развития исторической науки М, 1865.

[6] См. Герье В И Лекции по истории средних веков (ГБЛОР, ф. 70, карт. 6, ед хр 3); Он же. Новая история (лекции 1876/77 уч. г.).

[7] См Герье В. И Ипполит Тэн как историк Франции. — Вестник Европы. 1878, № 4—5; Он же Идея народовластия и французская революция 1789 г. М, 1904 и др

[8] Герье В. И. Очерк .., с 5.

[9] ГБЛОР, ф. 70, карт. 6, ед хр 3, л. 51.

зитивистская историография, заявляющая о своей абсолютной научности и беспартийности, по мнению Герье, не является таковой. Историко-религиозные взгляды Бокля — продукт его протестантского индивидуализма [10]. Приверженность же основоположника позитивизма Конта к иерархической организации, воплощенной в католической церкви, толкала его к утверждению, что католицизм поощрял умственное движение в эпоху средневековья и совершенно не вмешивался в светские дела [11].

В другом случае, приводит пример историк, любовь к централизации и диктатуре побудили Конта к прославлению деятельности якобинцев, в которых он видел провозвестников «позитивного порядка» [12]. И. Тэн давал якобинской диктатуре, напротив, нелестную оценку, но и здесь, считает Герье, не в меньшей степени сказались личные симпатии историка [13].

В лекциях по истории средневековья Герье наглядно аргументирует тезис о зависимости решения исторического вопроса от политической позиции исследователей, разбирая споры вокруг германо-романской проблемы. Он пишет: «Каждая из теорий естественно старалась искать в истории оправдание своим притязаниям» [14]. Изыскания Буленвилье, по его мнению, явились попыткой доказать «...что абсолютизация фр<анцузской> монархии — явление относительно новое и потому незаконное». Исследование Мабли — «политический роман», родившийся в атмосфере «сильного стремления к полит<ической> свободе, к огр<аничению> кор<олевской> власти». Публицисты XVII в., выступавшие от имени третьего сословия «...старались ... заклеймить вековое господство аристократии позором насильст<венного> захвата и незаконности» [15]. «Из оппозиции против аристократии,— пишет Герье, — фр<анцузский> народ стал гордиться своим происхождением от галло-римлян, и знаменем фр<анцузской> историографии сделалось надолго превознесение галло-римского элемента и умаление или даже отрицание франкского, т. е. германского влияния» [16].

Генерализируя все конкретные примеры связи исторических теорий с политическими концепциями современности, Герье делает вывод: «Каждой эпохе в жизни человечества свойствен особый взгляд на историю, каждая эпоха приступала к изучению истории с особенными задачами и вопросами... каждая эпоха удовлетворялась различными ответами» [17]. Так не только было, но так и будет. «К ней (истории. — *Е. К.*) всегда будут обращаться разные пол<итические> и рел<игиозные> партии для того, чтобы найти опору своим стремлениям» [18].

Герье понимал, что для последнего вывода нужна не только апелляция к прошлому исторической науки, но и аргументы теоретического порядка. Это было тем более важно, что вокруг данного вопроса во второй половине XIX в. разгорелись ожесточенные споры. Философы-позитивисты и вдохновленная ими часть историков призывали к реформе исторического знания, одним из центральных моментов которой провозглашалась политическая беспартийность ученого. Представителям традиционной историографии пришлось принять этот вызов и обратиться к гносеологическому анализу специфики исторического познания.

---

[10] Герье В. И. Очерк ., с. 1,10.

[11] Герье В И Огюст Конт и его значение в исторической науке. — Вопросы философии и психологии, 1898, № 44, с. 589.

[12] Там же, с 601.

[13] Герье В. И. И. Тэн и его значение в исторической науке. — Вестник Европы, 1890, № 2, с. 461

[14] ГБЛОР, ф. 70, карт. 6, ед хр 3, л. 55.

[15] Там же, лл. 55, 62.

[16] Там же, л. 62.

[17] Герье В. И. Очерк , с 6.

[18] ГБЛОР, ф 70, карт. 6, ед. хр. 3, л. 51.

Субъективная пристрастность историка при изучении прошлого, по мнению Герье, не является следствием его личных качеств, а есть результат объективных свойств его науки. В отличие от естественных наук, познающих процессы, протекающие вне человеческого общества и независимо от него, история является самопознанием. «Ботаник или физиолог, — пишет Герье, — могут быть равнодушными к исследуемому предмету... История имеет дело с мыслившими и чувствовавшими субъектами, которые руководствовались известными побуждениями и следовали за известными идеалами. Историк поэтому не может отрешиться от всего человеческого и не должен забыть о своих принципах и идеалах» [19].

Но своеобразие предмета, по его мнению, служит лишь условием, делающим возможной связь истории и политики. Главная же причина этой связи заключается в социальной роли исторической науки. Смысл ее существования заключается в том, чтобы определенным образом воздействовать на сознание людей и на их способ действий. Поэтому историческое исследование, нейтральное по отношению к идеологии и политике, является попросту бесполезным. Общество, оплачивающее труд историка, «...имеет в виду определенную практическую цель. Намерение доказать правоту известного взгляда в области исторической науки... равносильно желанию, чтобы этот научный взгляд послужил к оправданию известных фактов или теорий, оправданием известной политической программы» [20].

Историческое сознание, с точки зрения Герье, обладает чрезвычайно действенным характером [21]. Поэтому обращение политических теорий к прошлому удесятеряет их силу. В свою очередь, успех исторических выводов непосредственно зависит от степени произведенного впечатления на людей. Ведь «...история представляет собой наиболее воспитательную из наук, то есть наиболее способную содействовать воспитанию человека и общества» [22].

Убеждение ученого в громадной идеологической и социальной значимости исторического знания было настолько велико, что многие крупные общественные сдвиги связывались им с влиянием определенных направлений в историографии. Например, произведения историков национально-политического направления составляли в его глазах один из существенных факторов политической консолидации Германии [23].

Таким образом, внутренние интересы общества требуют, по мысли Герье, не уменьшения связи истории с современностью, а, напротив, более тесного взаимодействия между ними. Необходимо, в частности, расширять аудиторию тех, кто нуждается в «уроках истории». «До сих пор,— сожалеет Герье,— большинство исторических произведений писалось как бы в назидание правительств». Между тем историческая наука в равной степени «...должна содействовать развитию самопознания общества, способствовать ему понимать свои задачи и обязанности, естественные пределы своей деятельности и последствия своих ошибок и увлечений» [24].

Приведенные мысли Герье не следует понимать так, будто он относился с равным пониманием к любым попыткам использовать исторический опыт в интересах современности. Здесь надо отметить одну весьма важную деталь в его методологической концепции. Суть дела

---

[19] Герье В. И. Тэн и его значение, с. 477.

[20] Герье В. И. Национальная историография в Германии. — Исторический вестник, 1880, № 1, с. 573.

[21] «Не менее сильно, чем сами события, — пишет Герье, — влияют иногда на ход истории те представления, которые складываются о них в обществе». (Герье В. И. И. Тэн и его значение, с. 94).

[22] Герье В. И. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915, с. 3.

[23] Герье В. И. Национальная историография..., с. 568.

[24] Там же, с. 593.

в том, что, по мнению ученого, проведение в сознание общества определенных политических взглядов является важной, но не единственной и даже не главной задачей исторической науки. При ее выполнении историк, будучи активным по отношению к общественному сознанию, пассивен по отношению к политике, поскольку он пропагандирует уже готовые идеологические принципы. Взаимодействие истории и политики становится подлинно плодотворным лишь тогда, когда история начинает оказывать влияние на формирование и развитие политических программ общества. Если история является партийной, то политика, в свою очередь, должна опираться на суждения историков. Таково убеждение Герье. Все негативные (с его точки зрения) явления в политике и историографии сводятся им к одному общему основанию: историки популяризовали политические идеалы, основанные на антиисторических умозрительных представлениях, вместо того, чтобы бороться с «политическим рационализмом» и вносить в политику момент историзма [25].

В результате, замечает Герье, совершенно стиралась грань между историей и публицистикой. Исторические произведения превращались в «разновидность тенденциозных романов». «Настоящее, — пишет он,— совершенно взяло верх над прошлым; свет, проливаемый прошлым, перестал освещать ... настоящее, и, наоборот, настоящее стало окрашивать в свой свет прошлое» [26]. Так, по его мнению, быть не должно. История должна служить политике советами и рекомендациями и пропагандировать лишь такую идеологию, в выработке которой историки сами принимали участие.

Отсюда, естественно, вытекает, что для рационального взаимодействия истории и современности необходимо, чтобы историческая наука подчинялась идеологии не полностью, а являлась самостоятельным видом общественного сознания, преследующим свои собственные цели. И Герье делает такой вывод, утверждая, что положительное влияние на политические идеалы общества оказывает лишь «научная история», раскрывающая объективную истину о прошлом. «Она (история. — *Е. К.*), — пишет Герье, — требует от исследователей не меньшей любви к истине, чем другие науки. Историческая объективность, на самом деле, есть не что иное, как предпочтение чисто научного интереса всем другим» [27].

Таким образом, мы видим, что в теоретическом плане Герье обнаружил очень важное звено в решении проблемы отношения между историей и политикой. Ему удалось (в теории) совместить то, что обычно противопоставляется в буржуазной литературе, — научность и партийность исторического познания.

Сам по себе девиз: не мнимая беспартийность, а партийность, опирающаяся на научное осмысление исторического опыта, — звучит актуально и в наши дни, являясь важным методологическим принципом марксистской философии истории [28]. Но конкретное наполнение этого теоретико-познавательного положения может быть различным. Бывает разная партийность и противоположные точки зрения на «научность» истории. Поэтому для правильной оценки взглядов Герье на соотношение истории и политики чрезвычайно важно иметь в виду его политические убеждения и его позицию в отношении научности исторического знания и путей ее достижения. Начнем со второго вопроса, поскольку

---

[25] Герье В. И. Огюст Конт , с. 853

[26] Герье В. И. Народник во французской историографии Жизнь и сочинения Мишле — Вестник Европы. 1896, № 3, с. 128

[27] Герье В. И. И Тэн и его значение ., с. 473

[28] См. Иванов В. В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973; Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978, с. 122—186 и др.

сам Герье считал свою приверженность к определенным политическим ценностям производной от «правильного рассмотрения хода истории».

Первое необходимое условие для превращения истории в науку, по его мнению, состоит «...в серьезном изучении и критической разработке памятников... истории»[29]. Нибур является «первым историком в современном смысле слова» именно потому, что у него «...первый раз выяснилась мысль, что задача историка ...—изыскание научной истины»[30]. Постепенный прогресс исторического познания, осуществлявшийся даже в рамках пропаганды неисторичной «рационалистической» идеологии, заключался во все большем уважении к историческому источнику и полученному с его помощью историческому факту. В этом смысле, считает Герье, произведения Монтескье стоят выше, чем книги Буленвилье и аббата Дюбо, а работы Гизо и Тьерри разительно отличаются от сочинений XVIII столетия, в которых « ..одетые в волчьи шкуры воины Хлодвига толкуют о равновесии властей в государстве»[31].

Герье понимал, что историческое знание не состоит из изолированных фактов, выявленных с помощью источников. «Проверка и критика исторического материала, — пишет он, — составляют только первую часть его (историка — *Е. К.*) труда, так сказать, аналитическую, остается еще синтетическая. Нужно собрать разбросанный материал, слить разнообразные впечатления и создать из них целое»[32]. Поэтому должен быть еще один критерий научности исторического исследования. По мнению ученого, таковым является «историзм».

Герье всегда подчеркивал свою принадлежность к сторонникам «генетического» («органического», «исторического») взгляда на процесс развития общества. Сравнивая объекты исторического познания с организмами, находящимися в постоянном развитии, он считал необходимым при анализе любого исторического явления «выявлять его историю», «...дать отчет о причинах, обусловивших характер его развития»[33]. Не в «описании того, что есть, а в изучении, как оно сложилось», видел задачу своей науки Герье.

Здесь он был несомненно прав, поскольку генетические связи действительно являются главным предметом внимания историка. Взятое вне контекста исторического развития явление прошлого нельзя правильно объяснить и оценить. Оторванное от связей со своим предшествующим и последующим состоянием, оно будет выглядеть случайностью, исследование которой может дать моральный и эстетический эффект, но не научное знание, проливающее свет на целостный процесс развития и на современность как результат прошлого развития. «Извлекать из истории политические уроки можно только при условии, если исторические события не случайны», — справедливо замечал Герье[34].

Марксистская теория исторического познания стоит на позициях последовательного историзма, призывая ученых рассматривать свой предмет в развитии и во внутренней взаимосвязи. Но признание обусловленности исторических состояний друг другом еще не гарантирует успеха при их реконструкции. Каждое явление истории потенциально обладает большим количеством свойств и отношений, и при описании его развития всегда есть риск зафиксировать эволюцию лишь второстепенных признаков вместо того, чтобы раскрыть существенные стороны процесса. Это тем более возможно, что существенные признаки явления, как правило, не даны историку в эмпирической очевидности. Установление сущности развивающихся явлений происходит в результате

---

[29] ГБЛОР, ф 70, карт 6, ед хр. 3, л. 57.
[30] Герье В И Очерк. , с 83.
[31] ГБЛОР, ф. 70, карт 6, ед хр 3, л. 57.
[32] Герье В И Очерк ., с 113.
[33] Герье В И С М. Соловьев — Исторический вестник, 1880, № 1, с 86.
[34] Герье В. И. Философия истории..., с. 36.

соотнесения их с познанным историческим законом [35]. Поэтому подлинно научный историзм исходит из признания не просто развития, но развития закономерного. Исторический материализм нацеливает исследователей на обнаружение повторяющегося в смене исторически неповторимых состояний общества, ибо только таким путем можно установить закономерность в его развитии.

Герье придерживался радикально иной точки зрения. Правда, он утверждал, что исторические явления и даже эпохи вытекают одна из другой «с известной законностью» [36]. Но едва ли правомерно на этом основании делать вывод, что он видел цель исторической науки в познании законов развития общества, как считает Б. Г. Сафронов [37]. Дело в том, что в концепции Герье понятия «законность», «закономерность» выступают синонимами обусловленности. Каждое индивидуальное событие в его глазах закономерно не в силу существования объективного закона, а в силу того, что имеет «разумную причину» в другом событии, столь же индивидуальном. Каждое событие порождает новое или, по крайней мере, имеет на него непосредственное влияние, и в этом смысле все происходившее в истории носит закономерный характер. Обусловленность исторических событий, о которой имеет право говорить историк, является «...только выводом из ближайшего или пристального наблюдения за их постепенным ходом» [38].

В законе как таковом историк, по мнению Герье, не нуждается. Отсюда его резкое неприятие позитивистской, а позже марксистской теории исторического процесса и исторического познания. Объяснение через закон казалось ему чудовищно антиисторичным, достижимым лишь «...под условием больших урезок и частых умолчаний» [39]. Свой же метод рекламировался им как свободный от теоретического пристрастия способ проникнуть в историю как царство индивидуальных причин.

Для ученого-марксиста вполне очевидно, что как бы исследователь ни отмежевывался от теории, она, пусть не в явном виде, все равно будет определять интерпретацию исторического материала. Не имея теоретических предпосылок, невозможно осуществить даже синтез эмпирических фактов, создать генетическое описание процесса. Герье это понимал. Синтез фактов, по его словам, всегда предполагает активное вмешательство историка в свой предмет, акцентирование одних его свойств и абстрагирование от других [40]. Казалось бы, из этого тезиса последует и признание роли исторической теории, из которой явно или неявно всегда исходит историк. Но Герье такого вывода не делает. С его точки зрения, изучая прошлое, ученый соединяет факты, исходя не из теории, а из своих субъективных и эстетических побуждений. «С этой своей стороны (со стороны синтеза. — *Е. К.*), — пишет Герье, — она (история. — *Е. К.*) всегда будет допускать субъективное творчество... Здесь остается только одно: довести субъективность до полного и всецелого развития» [41].

Здесь у читателя Герье естественно возникает недоумение. Как же так? С одной стороны, история должна быть наукой и только в этом качестве может быть полезной для политики. А с другой стороны, в своей синтетической части она есть чисто субъективная интерпретация. За что же Герье упрекал предшествующую историографию, если не за полное подчинение истории политике? Почему же сам он проповедует тот же релятивизм, да еще призывает довести его «до полного и все-

[35] См: Никитин Е. П Объяснение — функция науки. М., 1970, с. 15.
[36] См.: Герье В. И С М Соловьев ., с 88.
[37] Сафронов Б. Г. Указ. раб, с. 95.
[38] Герье В. И П. Н. Кудрявцев в его литературно-исторических трудах. — Вестник Европы, 1887, № 9, с. 169
[39] Герье В И. Огюст Конт , с 565
[40] Герье В И Очерк .., с. 112—113 и др
[41] Там же, с. 113.

целого развития»? Но не будем спешить с выводами. Релятивистом Герье себя не считал.

При некоторых условиях, полагал он, субъективизм историка дает в результате вполне объективное знание и «кладет на его произведения печать бессмертия»[42]. Это происходит тогда, когда историю пишет «глубоко нравственная и художественно развитая личность», «многосторонняя и чуткая ко всем благородным потребностям человечества»[43].

В данном утверждении кроется ключ к пониманию тезиса Герье о научности истории и ее одновременной субъективности. Противоречие между отрицанием научной теории и неприятием агностицизма он разрешает с позиции объективного идеализма, призывая на помощь веру в абсолютную вневременную природу нравственных идеалов человечества. Последние, с его точки зрения, раскрываются в этической стороне религий и философии. Эти две формы общественного сознания сближались историком и трактовались как два способа исторического воплощения нравственной природы человечества[44].

Каждая религиозная и философская (особенно философско-историческая) система содержит, по его мнению, элемент абсолютной нравственности, постепенное осознание которой составляет главное содержание исторического процесса. Поэтому историк обязан быть в курсе религиозных и философских исканий. Он «...не может ограничиться работой над историческим материалом; он должен присоединить к этому работу над самим собой, тщательное воспитание самого себя»[45]. От того, насколько историку удастся превратить трансцендентные нравственные ценности в момент своего субъективного сознания, зависит успех исторического синтеза.

Теперь становится более понятным и смысл концепции Герье о взаимодействии между историей и политикой. Наука, подчеркивал он, ссылаясь на Кальвина, обязана быть доброй и поддерживать «основания общественной жизни». «И если, — продолжает Герье, — история уступает другим дисциплинам в степени научности, то она далеко превосходит их степенью нравственного влияния на человечество и на общество»[46].

Таковы главные моменты воззрений Герье на политическую роль исторического знания. Как мы видим, в его понимании оно должно направить политику на стезю вечных этических истин. Последние одновременно являются гарантией объективности исторических выводов, предостережением историка от конъюнктурных и «рациональных» пристрастий. Историзм и нравственность объявляются тождественными.

Оценивая с марксистской точки зрения подобные взгляды, отметим, прежде всего, несостоятельность центрального тезиса о вневременной природе моральных идеалов. В действительности нравственное сознание столь же исторично, как и другие формы отражения общественного бытия. Существовавшие в прошлом представления людей о добре и зле, о справедливости, об «естественных» взаимоотношениях между людьми были опосредованы не «абсолютным» эталоном, а социальными условиями жизни того времени. Нравственность во все эпохи была опосредована идеологией и составляла ее существенный эле-

---

[42] Герье В. И. Новое общество истории при Московском университете — Вестник Европы, 1895, № 4, с. 445.

[43] Герье В. И. Очерк..., с. 144.

[44] «Ты можешь возразить, — писал Герье Д. А. Капнисту в 1863 г., — что я не отличаю религию от философских систем. Я действительно не нахожу между ними той бездны, о которой постоянно твердят богословы и ученые». (ГБЛОР, ф. 70, карт. 32, ед. хр. 18, л. 7).

[45] Герье В. И. Очерк..., с. 113.

[46] Герье В. И. Новое общество..., с. 445.

мент. Поэтому интерпретация истории с «нравственных позиций», разумеется, не гарантирует ее объективности. Апелляция к «вечной нравственности» есть, в конечном счете, не что иное, как попытка поставить партийность своей позиции вне научной критики.

На примере творчества Герье справедливость данного утверждения просматривается вполне очевидно. Как мы видели, он отрицал «естественные исторические законы» и «теоретическую односторонность». Но сплошь и рядом в его работах содержатся концептуальные суждения о постепенном характере исторического развития, о решающей роли идей, о государстве как творце социального прогресса и т. п. В чем же видел историк оправдание такой непоследовательности? Только в том, что эти положения в его глазах вполне соответствуют «вечным стремлениям человеческого сердца», а потому не могут подлежать сомнению.

Идеалистически трактуемая нравственность, а не научные соображения выступают у него в роли критерия истины даже при решении вопроса об исторической причинности, которая, как уже отмечалось, признавалась им с оговоркой, отрицающей объективную закономерность исторического процесса. «Отрицание свободы воли, — пишет Герье, — приводит к нравственному умалению, ослаблению человечества, лишает человека ответственности за свои поступки; с другой стороны, если безусловно принимать этот принцип, то это будет отрицанием детерминизма, что равнозначно отрицанию закона причинности, а без этого закона человечество не может обойтись» [47].

Точно так же выводятся Герье другие постулаты его исторической концепции. По своему содержанию она представляет собой идеалистическую теорию общественного развития, многие моменты которой перекликаются с принципами немецкого идеалистического историзма. Вера в объективный разум, «раскрывающий себя в мире», кладется в основание теории исторического прогресса. История трактуется как все большее осознание нравственного призвания человечества, а «стремление к совершенству, которое не может быть достигнуто», по словам Герье, «есть причина прогресса» [48].

Подчеркивается, что путь каждого народа в постижении нравственных истин индивидуален и имеет корни в предшествующей истории [49]. Подобно Савиньи и Эйхгорну, труды которых квалифицировались как «гордость исторической науки» [50], Герье полагал, что в национальной истории реализуются особенности народного духа, «народные инстинкты». Правда, Герье стремился демистифицировать эти понятия, утверждая, что национальная самобытность не столько творец истории, сколько ее продукт. «Народный дух, — пишет он, — можно познать только aposteriori, на основании исторических фактов, в которых он проявлялся, и наше определение народного духа всегда будет, таким образом, только более или менее удачным обобщением частных данных» [51].

Что же касается тезиса исторической школы права о невмешательстве государства в развитие народного самосознания, то здесь Герье придерживался скорее противоположного мнения. По-видимому, не без влияния немецкой национально-политической историографии он

---

[47] Герье В. И. Лекции по новой истории , с. 293.

[48] Герье В. И. С. М. Соловьев., с. 82

[49] Герье противопоставлял категории «общество» понятие «человечество» как целое, состоящее из неповторимых индивидуальностей Необходимость всеобщей истории доказывалась им под этим углом зрения. «Судьба русского народа, — писал Герье, — только часть другого великого организма, также единого, живущего общей жизнью своих частей». (Герье В. И., С. М. Соловьев, с. 96).

[50] См.: Герье В. И. Очерк ., с. 24.

[51] Герье В. И. И. Тэн и его значение .., с. 480.

настаивал на решающей роли государства в жизни нации [52]. История, по его словам, во много раз ускоряла свой ход, когда «правительство и народ были одинаково проникнуты одной великой идеей [53]. И, напротив, когда государство забывало о своем «культурном» призвании, а общество не видело в нем оплота для достижения своих исторических целей, развитие нации приобретало болезненный характер. Цель исторической науки как раз и заключается в предотвращении последней нежелательной ситуации. История, по определению Герье, является «всенародной школой», покоящейся на идеализме [54].

Такова схема, призванная, по убеждению ее создателя, одновременно выразить «историческую истину» и «стремления человеческого сердца». Что касается истины, то антинаучность обветшалых идеалистических доктрин, взятых под защиту историком, была видна даже его ученикам, пытавшимся (правда, неудачно) преодолеть идеализм с помощью позитивистской теории «множественности факторов». Если же говорить о «вечных нравственных истинах», то в этой схеме налицо их истолкование с определенных классово-политических позиций. Условием существования и развития человечества провозглашается государство и сложившиеся под его эгидой социальные институты.

Нетрудно убедиться, что мы имеем дело с точкой зрения политического консерватора, причем даже не сторонника «консервативной республики», как некогда утверждал А. Н. Савин [55].

Политические убеждения Герье находятся в русле идеологии правого крыла русской буржуазной интеллигенции. Вопреки существующему в литературе мнению [56], он, по крайней мере, субъективно, не был откровенным апологетом современного ему положения дел в России. Герье отрицательно относился к процветавшим в стране формам полуфеодальной эксплуатации, приводившей к обнищанию широких слоев населения, осуждал тупой полицейский произвол во всех сферах общественной жизни, подавляющий любые стремления к самостоятельной мысли. Эти явления противоречили его нравственному чувству [57]. Но надежда на их устранение связывалась им исключительно с самодержавием, которое, по его мнению, следовало направить на путь постепенных реформ.

Идеал Герье — просвещенный абсолютизм в духе Петра Первого, который «...открыл своим подданным истинное значение государства как школы для народа, школы, в которой народ учится... гражданской обязанности и гражданской деятельности» [58]. Исходя из этого идеала, он резко отрицательно относился, в частности, к идее парламентарной монархии [59].

Надо сказать, что вплоть до 1905 г. даже конституционная монархия не вызывала в нем сочувствия, поскольку она якобы противоречила «государственному инстинкту русского народа» [60]. Когда революция вырвала у самодержавия в виде уступки Государственную думу, он задним числом признал целесообразность народного представительства.

---

[52] Анализ отношения представителей немецкой национально-политической историографии к исторической школе права см.: Смоленский Н. И. Принцип историзма в национально-политической историографии Германии XIX в. — В кн: Средние века. М, 1978, вып 42, с 231—232

[53] Герье В. И. Национальная историография..., с. 592.

[54] Герье В. И. Философия истории..., с. 3.

[55] ГБЛОР, ф. 263, к. 30, ед. хр. 24, л. 11.

[56] См.: Очерки истории исторической науки , с. 438.

[57] Об этом говорят некоторые из поступков Герье. Он известен как организатор первых в России Высших женских курсов. Как гласный московской городской думы он выступал за сокращение рабочего дня для рабочих и служащих, гарантию воскресного отдыха и проведение ряда мероприятий «культурного» направления

[58] Герье В. И О конституции и парламентаризме в России М, 1906, с 18.

[59] Герье В И. Понятие о власти и о народе в наказах 1789 г. М., 1884, с. 6.

[60] Герье В. И. С. М. Соловьев..., с. 80.

«Ему (правительству. — *Е. К.*), — вздыхает историк, — давно бы следовало брать своих советников не только из рядов высшей бюрократии и придворных сфер, но и из людей, облеченных доверием общества»[61]. Но это его признание, по всей вероятности, не было следствием появившегося желания ограничить прерогативы царской власти. Государственную думу он рассматривал как средство «советами» направить «сильную власть» на путь «разумных» преобразований, «средство... приспособить правительственную деятельность к культурным потребностям нашего времени и современного человека»[62].

Вполне естественно поэтому восторженное отношение Герье к столыпинской диктатуре. В ней воплотилась давнишняя его мечта о самодержавии, насаждающем реформу сверху, и обществе, всецело поддерживающем инициативу власти. Герье игнорировал тот факт, что царское правительство пошло на завершение крестьянской реформы отнюдь не «по велению разума», а под давлением народных масс, что раболепная дума совсем не являлась выразителем воли общества.

Конкретно-исторические произведения Герье тесно связаны с его общеисторической позицией, а через нее — и с политическими убеждениями. Правда, было бы упрощением выводить из политического консерватизма историка все его взгляды на изучаемые проблемы. Герье был чрезвычайно эрудированным ученым, хорошо осведомленным в области новейших достижений исторической науки.

К примеру, его лекции по истории генезиса западноевропейского феодализма, прочитанные в начале 70-х годов прошлого столетия, составляли определенный шаг вперед в развитии отечественной медиевистики. Они отличались широким привлечением юридических источников, пристальным вниманием к развитию форм земельной собственности в эпоху раннего средневековья, критическим отношением к ряду устаревших теорий генезиса феодализма[63].

Но и эти лекции имеют политическую направленность. Реконструируя процесс возникновения феодальных отношений, их развития и упадка, Герье подспудно укрепляет центральный тезис своей методологической доктрины. Ведь в его изображении не объективные законы привели к появлению в европейских странах современных социально-политических институтов, а длинная цепь причинно-следственных связей, многие элементы которой несли в себе момент творчества свободной воли. А если так, то России не надо равняться на общественные формы, являющиеся продуктом чужого исторического развития. «Когда заходит речь о перенесении какого-либо иностранного учреждения, — говорит Герье, — необходимо прежде всего изучить характер его и условия, сделавшие его таковым. Наш век требует исторического метода»[64].

Особенно недопустимо, с точки зрения Герье, подражать европейским странам в области государственного устройства. Если «ходом своей истории Франция предназначена быть республикой», а Англия — парламентской монархией, то исторический удел России — самодержавие. «В Европе, — пишет Герье, — нет такого сильного правительства, как русского... сильного потому, что в нем долго исключительно сосредоточивалась вся жизнь громадной исторической нации»[65].

Не принимая в расчет очевидные факты, свидетельствующие о принципиальной общности путей становления русского и западноевро-

[61] Герье В. И. О конституции ., с 7.

[62] Там же

[63] Например, Герье подверг критике теорию дружинного быта у древних германцев (Савиньи, Эйхгорн), утверждение о существовании у них частной собственности на землю (Мёзер) и т. д. (См. ГБЛОР, ф 70, карт. 6, ед. хр 3, лл. 25—46).

[64] Герье В. И. Свет и тени университетского быта. — Вестник Европы. 1876. № 2, с 647.

[65] Там же, с. 633.

пейских государств, историк утверждает, что самодержавие выросло не па почве социальных противоречий (как западноевропейские монархии), а, напротив, в результате добровольной консолидации всех сословий вокруг монарха. Русская история трактуется им как история «единого народа», который стоял и всегда «будет стоять за государство, несмотря на его суровые формы, и покорно нести тяжкое тягло» [66].

В такой интерпретации самодержавие приобретает черты надклассового органа, выполняющего лишь «культурную» миссию. Оно, по словам Герье, не встречая противодействия со стороны центробежных политических сил, боролось только «с природой, невежеством и апатией», «могло по своему усмотрению создавать и распускать сословия, преобразовывать церковь, менять систему воспитания». «Оттого,— продолжает Герье, — его призвание в стране другое (чем в Западной Европе. — *Е. К.*) и... оно всегда более или менее сознавало свою великую культурную задачу» [67]. Это утверждение служило главным историческим аргументом для сугубо политического вывода: «Политический прогресс должен иметь в России национальный характер, и ... русский народ должен осуществлять свой исторический завет в союзе с царской властью, а не упразднением ее» [68].

Всех своих политических противников Герье, естественно, упрекает в «историческом невежестве». Особым нападкам подвергается с его стороны социализм. «Приверженцы этого направления, — утверждает он, — мечтают об искусственной организации общества, с принудительным порядком вещей, причем приносят в жертву идее равенства интересы образования и культуры» [69]. Этот выпад против социалистической идеологии вполне объясним, поскольку в глазах историка последняя отрицала все сложившиеся в ходе истории социально-политические институты.

Важное место в методологической концепции Герье занимает защита права историка не ограничиваться исследованием далекого прошлого, а подвергать историческому анализу проблемы современности. Этот принцип последовательно проводился им в историографической практике. В 1906—1912 гг. он издал несколько «исторических», как он считал, брошюр по следам событий первой русской революции [70].

Оценивая эту сторону творчества Герье, отметим, что само по себе его желание включить современность в предмет исторического познания вполне оправданно. Поскольку настоящее является моментом исторического процесса, направленного от прошлого к будущему, оно принадлежит истории. Специальные исторические дисциплины, формирующиеся вокруг изучения современного среза развития общества (конкретная социология, политология и др.), достигают подлинной научности лишь при условии, если они рассматривают свои объекты исторически, т. е. с учетом исторических закономерностей.

Вместе с тем исторический подход к современному обществу связан с некоторыми специфическими трудностями. Современность в от-

[66] Герье В. И С. М. Соловьев, с 80

[67] Герье В И Свет и тени. , с. 693.

[68] Герье В И О конституции., с 4

[69] Герье В И. Университеты и народ в Англии — Вестник Европы, 1896, № 2, с. 465 Либералы кадетского направления также подвергаются со стороны Герье критике за «неисторические» политические желания Они, сетует Герье, хотели, «. чтобы Империя, созданная вековым абсолютизмом, сразу бухнулась в чистейший английский парламентаризм, да еще опирающийся на союз с трудовиками и социал-демократами» (Герье В И Первая русская Государственная дума: политические воззрения и тактика ее членов М, 1906, с. 66).

[70] См следующие работы В И. Герье· Чего хочет конституционно-демократическая партия? М, 1906; Первая русская Государственная дума. политические воззрения и тактика ее членов М., 1906; Вторая Государственная дума. М, 1907; Значение третьей Думы в истории России М, 1912.

личие от исторических событий не завершена. Она уходит в будущее, которое историку не известно. Поэтому адекватно объяснить и оценить ее труднее, чем явления отдаленного от ученого времени. Надо иметь в виду, что недавние события, как правило, в большей степени волнуют ум и сердце современников. Они имели свою точку зрения на случившееся еще до того, как оно стало предметом исторического изучения. Поэтому часто научное исследование здесь выливается в попытку доказать новыми средствами правоту первоначальных впечатлений и представлений, корни которых лежат в идеологических и психологических установках ученого как члена определенной социальной группы.

С подобным явлением мы сталкиваемся, изучая творчество Герье. Его произведения, претендующие на обобщение исторического опыта 1905—1907 гг., по существу, не отличаются от статей рядовых публицистов из лагеря октябристской партии [71].

Говоря о причинах революционных событий, он совершенно игнорирует экономическое положение трудящихся и их политическое бесправие. Бегло упоминается лишь «тяжелое настроение народа, вызванное войной и неудачей» [72]. Главным же виновником выступлений против самодержавия объявляется «необузданное своеволие» различных слоев общества, искусно подогретое «заграничными революционерами». «Все, кто только мог, — со злой иронией констатирует Герье, — прибегали к насилиям и протягивали руки к власти, не уважая ни закона, ни чужих прав Служащие земства и городского самоуправления захотели сами распоряжаться этими учреждениями, учащиеся — училищами, а союзы всевозможных союзов — распоряжаться государством» [73].

Политика царского правительства рисуется консервативным историком в самых панегирических тонах. Дело доходит до того, что Герье отрицает причинную связь между революцией и октябрьским манифестом. «Правительство, — утверждает он, — само пришло к убеждению в необходимости ввести в государственный механизм новый орган, составленный из представителей народа, по его избранию» [74].

Освещая деятельность трех Государственных дум, Герье совершенно абстрагируется от анализа социальных сил, стоявших за позициями думских фракций. В его изображении все оппозиционные речи выражали только «манию величия ораторов», замысливших в силу антиисторических убеждений повторить события европейских революций. Социал-демократы, трудовики, кадеты произвольно объединялись им в один политический лагерь, поскольку все они оказались «неблагодарными» по отношению к «монарху, осуществившему давнишнее желание русского либерализма». «Французы, — возмущался он, — по крайней мере, в начале своей революции не знали предела своему восторгу, хотя Людовик XVI лишь восстановил давнишнее национальное учреждение, созвав вновь Генеральные штаты» [75].

Подвергая резкой критике своих политических противников, Герье не скупился на похвалы тех, кто «откликнулся на призыв правительства к сотрудничеству». По его словам, именно октябристское большинство третьей думы «...указало своим преемникам тот путь, идя по которому, и они будут содействовать развитию русского законодательства и подвинут дело культурного успеха в России» [76].

---

[71] В 1904 г Герье под давлением оппозиционно настроенного студенчества, бойкотировавшего его лекции, был вынужден оставить пост профессора Московского университета. Уйдя в отставку, он активно включился в политическую борьбу на стороне консервативных сил В 1906 г. он вступил в ряды октябристской партии, а в 1907 г. был назначен царем членом Государственного Совета.

[72] Герье В И. Первая русская Государственная дума , с. 116

[73] Там же

[74] Герье В. И Значение третьей Думы..., с. 5

[75] Герье В И. Первая русская Государственная дума. ., с 13

[76] Герье В. И. Значение третьей Думы..., с. 19.

Говорить о научном значении подобных изысканий Герье в области современной истории не приходится. Но для оценки его методологической концепции они важны, поскольку в их свете глубокая связь консервативных идеалов историка и пропагандируемого им «историзма» становится еще более очевидной. Ведь сам историк считал свои работы о революции вполне объективными и написанными с позиции «исторического метода».

Итак, мы видели, что В. И. Герье в своем творчестве стремился сознательно поставить историческую науку на службу современности и прежде всего политике. На этот счет в его методологических воззрениях имеется несколько рациональных моментов. Заслуживают внимания его замечания о связи исторических концепций с господствующими идеологическими течениями эпохи, о необходимости обратного воздействия исторического знания на политическую деятельность, о научности как главном критерии социальной и политической значимости исторического сознания. В то же время практическая реализация этих принципов очень часто давала в результате исторические выводы, далекие от науки. Герье не удалось воплотить в жизнь сформулированный им тезис о тождестве политической и научной функции истории.

И это не случайно. Такое тождество достижимо только в том случае, когда общественные идеалы не противоречат объективной логике исторического процесса, когда ценностные установки ученого побуждают его к изучению закономерностей общественного развития. Консервативные идеалы Герье были плохим стимулом для создания подлинно научных построений. Отсюда его отрицание объективных законов, скептицизм в отношении исторической теории, стремление превратить в исходную точку исторического синтеза идеалистически трактуемую нравственность.

В данной интерпретации мысль об истории как беспристрастном арбитре при решении политических вопросов, разумеется, была заблуждением, причем довольно опасным. Утверждая, что своими корнями его историческая концепция уходит в область вечных нравственных истин, Герье затушевывал ее подлинные основания, лежащие в идеологии. Реакционный политический идеал толкал к реакционной исторической схеме, а та, в свою очередь, поддерживала политические иллюзии.

Не случайно, что на протяжении почти шестидесяти лет творчества мировоззрение Герье существенно не эволюционировало. Даже крах царизма и установление диктатуры пролетариата, совершившиеся вопреки всем предположениям историка, не поколебали его уверенности в «научности» своих исторических построений. В 1919 г. он печально констатирует, что «величайшая и могущественная монархия для всех неожиданно рассыпалась, как кочевая орда», и тут же находит причину этого явления — нежелание русского общества учиться истории, «которая одна только способна доставить нам на основании опыта в прошлом неотъемлемые доказательства, как фактические, так и теоретические» [77].

Таким образом, творчество Герье показывает, что отдельные формально верные теоретико-познавательные выводы могут быть сформулированы и в рамках довольно реакционной методологической системы. Но тот же пример убеждает, что использование подобных выводов в реакционных целях не может принести пользы ни науке, ни политике.

---

[77] ГБЛОР, ф 70, карт. 33, ед хр. 12, лл. 1—2.

Е. И. КИРИЛЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И. Г. ДРОЙЗЕНА

И. Г. Дройзен принадлежит к числу виднейших представителей немецкого идеалистического историзма XIX в. В развитии исторической традиции в немецкой буржуазной историографии прошлого века выделяют три стадии, первая из которых связана с именем Ранке, вторая — с деятельностью малогерманской школы историков, а третья, хронологически совпадающая с периодом, когда «железом и кровью» было достигнуто разрешение проблемы национального единства Германии, отнесена к творчеству историков-неоранкеанцев [1].

Малогерманская школа в историографии — среди наиболее влиятельных представителей ее называют Л. Хойсера (1818—1867), М. Дункера (1811—1886), А. Шмидта (1812—1887), Г. Баумгартена (1825—1893), Б. Эрдмансдерфера (1833—1901), И. Г. Дройзена (1808—1884), Г. Зибеля (1817—1895) и Г. Трейчке (1834—1896) [2], оформившаяся в переломный момент исторического развития Германии, когда решалась отвечающая требованиям буржуазного развития страны задача достижения национального единства, явилась выразительницей идеологии классового компромисса немецкой буржуазии с дворянством и прусской короной [3].

В этой связи историко-теоретические взгляды И. Г. Дройзена — «самого значительного мыслителя прусской школы» [4] — представляют собой сочетание элементов старолиберального идейного наследия с выводами и практикой, которые складывались в условиях, когда речь шла уже не о том, «правильна или неправильна та или другая теория, а о том, полезна она для капитала или вредна...» [5]. Это обусловило проблематику научно-теоретических исследований И. Г. Дройзена, определило особое внимание ученого к вопросам теории исторического познания, что делает весьма актуальными его выводы для современных дискуссий, идущих среди западногерманских исследователей [6]: в ситуации

[1] Iggers G. G. Deutsche Geschichtswissenschaft. München, 1971; Rüsen J. Iohann Gustav Droysen. In Deutsche Historiker. Göttingen, 1973; Viikari M. Die Krise der «historistischen» Geschichtsschreibung und die Geschichtsmethodologie Karl Lamprechts. Helsinki, 1977.

[2] Schleier H. Die kleindeutsche Schule (Droysen, Sybel, Treitschke), In: Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft, Bd. 1, Berlin, 1963, S. 271.

[3] См.: Ibid, S. 275.

[4] List G. Historische Theorie und nationale Geschichte zwischen Frühluberalismus und Reichsgründung In: Geschichtswissenschaft in Deutschland. Traditionelle Positionen und gegenwärtige Aufgaben. München, 1974, S. 44.

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17.

[6] См., например: Schleier H. Theorie der Geschichte-Theorie der Geschichtswissenschaft Berlin, 1975; S. 17, Vierhaus R. Was ist Geschichte? In: Probleme der Geschichtswissenschaft. Düsseldorf, 1973; Rüsen J. Politische Denken und Geschichtswissenschaft bei J. G. Droysen. — In: Politische Ideologien und nationalstaatliche Ordnung Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München — Wien, 1968; ders., Johann Gustav Droysen.

кризиса исторической науки буржуазные методологи пытаются преодолеть его на пути исследования «не специфически социологических», но «теоретико-познавательных, методологических и методических проблем» [7].

В настоящей статье предпринимается попытка систематического освещения взглядов И. Г. Дройзена о возможностях исторического познания. Правомерность такой постановки вопроса определяется не только его значением для изучения теоретико-методологических представлений ученого, равно как и идейного наследия немецкого идеалистического историзма в целом, но и для более глубокого понимания определенных тенденций в развитии современной западногерманской буржуазной историографии с присущим ей стремлением преодолеть характерный для нее «дефицит теории» путем обращения к теоретическому наследию немецкого историзма, в частности, к исторической теории И. Г. Дройзена [8].

В работах советских исследователей, отмечающих в общем субъективистский характер теории познания И. Г. Дройзена, открывающей «широкий простор для крайнего релятивизма в исторической науке» [9], тем не менее присутствует некоторая противоречивость в оценке гносеологических взглядов И. Г. Дройзена. С одной стороны, отмечается, что «теория исторического познания И. Г. Дройзена даже в рамках немецкой идеалистической историографии 50—60-х годов XIX в. выделялась своим отсталым характером... Работы Дройзена еще в меньшей степени, чем работы Зибеля, содержали позитивные научные результаты» [10]. С другой стороны, оценка теории исторического познания И. Г. Дройзена как субъективистской, полагает другой советский ученый, «не должна закрывать от нас то, что во многих отношениях Дройзен понимал взаимосвязь историографии и современности гораздо глубже, чем многие его современники, а также и более поздние историки» [11]. Отмечается, что И. Г. Дройзен «релятивистски относится к объективному содержанию источников» [12]. Но, с другой стороны, характеризуется как важный в теоретическом отношении вывод немецкого ученого о несовпадении фактов объективной исторической действительности и «исторических фактов» [13].

Объективная основа неоднозначности оценок заключена в определенной противоречивости взглядов самого И. Г. Дройзена, изложенных в его главной историко-теоретической работе «Лекции по энциклопедии и методологии истории» [14]. Он писал: «Сущность науки в том, что она ищет и получает истину... В непрерывности и возрастании исторический мир имеет свою цель и свою истину, и наша эмпирия работает над тем, чтобы... все более и более подтвердить эмпирически эту непрерывность и показать отдельные члены в цепи этого поступательно-

---

[7] Schleier H Theorie der Geschichte-Theorie der Geschichtswissenschaft, S. 18.

[8] См, например: Rüsen J. Johann Gustav Droysen, S. 129.

[9] Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958, с 54 См также. Смоленский Н И. История и современность в немецком буржуазном историзме XIX в — Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1972, вып 7—8; Гавриличев В. А Об идейно-методологических принципах немецкой буржуазной историографии 50—60-х годов XIX в — Методологические и историографические вопросы исторической науки Томск, 1967, вып 5, с. 282

[10] Гавриличев В. А. Указ раб., с. 283.

[11] Смоленский Н И Указ раб, с 156.

[12] Гавриличев В. А Указ раб, с. 283.

[13] См Смоленский Н И Указ раб., с 157.

[14] Droysen J G Historik. Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte 2 Aufl München — Berlin, 1943. При жизни И. Г. Дройзена несколько раз публиковался краткий конспект этого лекционного курса, который, начиная с 1857 г, регулярно читался им вначале в Иенском, затем в Берлинском университетах В полном виде «Лекции» увидели свет лишь в 1937 г.

го движения...» [15]. Но одновременно у него подчеркивается: историческая наука «столь же мало объективна, как и та, которая обращена к природе» [16].

И. Г. Дройзен показывает, что историческое познание с необходимостью опосредовано влиянием своего времени: «Каждое настоящее имеет потребность заново реконструировать свое ставшее бытие, свое прошлое, то есть воспринять то, что есть и стало, в свете достигнутого познания, как бы исходя из более высокой точки зрения, с более широким горизонтом» [17]. Но одновременно он указывает: «Все возрастающая опасность и трудность исторического восприятия заключена в том, что мы непроизвольно приносим с собой воззрения и предпосылки нашей собственной современности и опосредуем этим наше понимание прошлого...» [18].

И. Г. Дройзен говорит о необходимости преодоления произвола в научном исследовании [19]. Но одновременно, по его мнению, исторические связи, представляемые в историческом исследовании, произвольны: «Линии, конструируемые нами... в системы поводов, целей, условий и т. д.... существуют, собственно ... лишь в нашем восприятии, в нашем понимании их (предметов)» [20].

Методическая работа над историческими материалами должна обеспечить, указывает И. Г. Дройзен, возможно более полное представление о прошлом: «Мы постигаем существенную часть бывшего некогда процесса, если мы можем... показать на основе материала условия, которыми был определен процесс, или которые влияли на него»; «мы интерпретируем еще существующие материалы, чтобы исследовать из их объяснения и толкования... то, что в них можно еще узнать о фактах, о которых они дают свидетельство» [21]. Но при этом подчеркивается: «Очевидно: воспроизведение фактов прошлого, самих прошлых времен не может быть целью нашего метода — и еще меньше: быть его результатом» [22].

Отмеченные противоречия могут быть поняты с учетом особенностей гносеологических представлений ученого. В целом теория познания И. Г. Дройзена может быть охарактеризована как рецепция некоторых традиционных в немецкой идеалистической философии истории выводов в русле общей тенденции в развитии философской ситуации второй половины XIX в. в Германии, когда складываются предпосылки для возникновения неокантианства. Поэтому в теории познания И. Г. Дройзена можно выделить сосуществование двух подходов, обусловивших некоторую противоречивость основных гносеологических выводов. С одной стороны, в ней существен онтологический аспект; основой историко-теоретических рассмотрений остается понимание содержания реально-исторических процессов в противоположность поиску формальных критериев научности, учет реальных данных действительности, опыта практики. С другой — в процессе познания определенная роль отводится трансцендентальному началу, учитывается самоосуществление, проявление особых свойств «разума вообще».

Не объективный дух в гегелевском смысле является главным действующим лицом в движении истории и историческом рассмотрении. Для И. Г. Дройзена исторический мир — это прежде всего человеческий мир: «...волевые акты ... действия, страсти людей имеют в исторической сфере то же значение, как в природе — клетка, которая ле-

[15] Droysen J. G Historik, S 27, 29.
[16] Ibid, S 187.
[17] Ibid, S 83
[18] Ibid, S 156.
[19] См: ibid, S. 155—156.
[20] Ibid., S 62
[21] Ibid., S. 152, 163.
[22] Ibid., S 26.

жит в основе всех органических образований и развитий»[23]. Тем не менее историческое прошлое воспринимается им сквозь призму идеалистического тезиса о субстанциальном единстве мира.

Давая систематическую характеристику исторического процесса, И. Г. Дройзен говорит о нравственных идеях, среди которых выделяет естественные, идеальные, практические[24]. Развитие идеи выражается в ее последовательном осуществлении: «посредством этих идей мы понимаем — человеческим способом — недостаточность отдельных осуществлений: мы чувствуем и признаем, что выражение этой идеи в каждом отдельном явлении не адекватно и не окончательно, но что лишь в непрерывном стремлении — каждый раз снова достичь своего осуществления — получается приблизительное общее выражение идеи»[25].

Идея, реализуясь в различных проявлениях исторической жизни, воплощает в себе их сущность: выявление отношения между реальностью и ее сущностью составляет задачу познания: «...истина выражает отношение между бытием и идеей»[26]. Отношение реальности и сущности раскрывается И. Г. Дройзеном через отношение правильное — истинное: «фотографическое подобие чисто внешне и моментально; оно правильно, но не истинно, ибо дает лишь этот момент, лишь один из многих, которые дополняются и исправляются»...[27] Существенно также в этой связи понимание ученым отношения целого и части, предшествующего и последующего в цепи движения[28].

Отношение между бытием и идеей, по И. Г. Дройзену, носит, по-видимому, объективный характер. Оно подтверждается в практике («истина бытия в мысли, истина мысли в бытии имеет свой контроль»)[29]; осознание его служит средством практической ориентации: духовное осмысление истории человечества культивирует в людях общечеловеческое начало, которое «не означает слепого и пассивного участия в различных сферах нравственного мира... Лишь тот участвует в них в полной мере, кто осознал, что они, существующие ныне, не неизменны, но переживают становление в истории...»[30].

Но процесс познания может быть только схематично запечатлен в выявлении отношения между бытием и идеей, ибо это отношение всегда рассматривается, по И. Г. Дройзену, в рамках априорных понятий, имманентных человеческому сознанию. Преувеличенное подчеркивание роли сознания в процессе познания усиливается принятием — в качестве «основы всякой эмпирии»[31] — теории «физиологического идеализма», согласно которой «ощущение — не копия в нашей душе того, что на нее воздействовало, но знак, который орган чувств телеграфирует вверх, в мозг, сигнал о происшедшем воздействии»[32]. Система знаков, возникающая в результате соприкосновения субъекта познания с внешним миром, упорядочивается в рамках присущих сознанию категорий. Во внешнем мире «существует лишь бесконечная рассеянность и движение, так или иначе дифференцированные колебания, которые наши органы чувств воспринимают в качестве цвета, тепла, звука, веса — лишь как моментальный случай движения; воспринимаемые впечатления органов чувств, как цвет, тепло, звук, тяжесть, пространство и время — регистрирует только наш дух...» Центральными среди присущих

---

[23] Ibid, S. 97.
[24] Ibid, S. 180—181; 202—268.
[25] Ibid, S. 181. См также высказывания И Г. Дройзена о высших и конечных целях человеческой истории (Ibid, S. 357).
[26] Ibid, S. 126.
[27] Ibid, S 61
[28] См.: ibid., S. 12, 25.
[29] Ibid., S 27.
[30] Ibid, S 301.
[31] Ibid, S. 8.
[32] Ibid., S 6.

сознанию понятий являются понятия пространства и времени, которые «охватывают самые широкие альтернативы» и при этом «оказываются соотносительными в том плане, что для них в их или-или попадает все, о чем мы, воспринимая, ощущаем известие» [33].

Явления вне нас могут рассматриваться во временном или пространственном отношениях, «в зависимости от того, — подчеркивает И. Г. Дройзен, — как момент времени или пространства выявит их в качестве преобладающих». Совокупность явлений, рассматриваемая с учетом выявления в их изменении постоянного, остающегося, когда момент времени представляется вторичным, а «всеобщее представление пространства достигает своего прерывного содержания», воспринимается как природа [34]. Рассмотрение явлений во временном отношении, когда существенным становится «постоянное становление новых индивидуальных образований», есть историческое рассмотрение [35].

С выделением основных компонентов процесса познания можно определить содержание понятия истины у И. Г. Дройзена, которое заключается в выявлении отношения между реальностью и ее идеей в рамках соответствующих категорий. Так, отмечает ученый, одно и то же дерево будет по-разному воспринято художником, ботаником, лесником. Но при всем различии исходных точек зрения «истинно каждое из этих восприятий, поскольку истина выражает отношение между бытием и идеей» [36].

Два следующих положения выступают в качестве основания для субъективных выводов из гносеологических представлений И. Г. Дройзена. Во-первых, подчеркивает он, истина выявляется только на уровне понятийного познания, она не определяется независимо об субъекта познания: «Конечно, не те вещи, которые существуют вне нас, суть истина, но и не те, которые мы чувственно воспринимаем. Ибо чувственное ощущение самоосуществляется в той части нашей природы, которая существует в хаосе обмена веществ. Благодаря лишь тому, что Я, высвобождаясь из ... частного, ограниченного обмена и колебаний, мысля и познавая, воспринимает себя как новое начало, начинается становление истины, то есть осознание того, что в чередовании вещей есть длящееся, определяющее, не внешнее» [37].

Во-вторых, коль скоро истина заключается в выявлении отношения между бытием и идеей с определенных позиций, то, следовательно, действительное, реальное существование объекта познания, сам объект познания как таковой не является первоочередным предметом исследования [38].

В соответствии с отмеченными общими посылками теория исторического познания И. Г. Дройзена может быть охарактеризована следующим образом. Историческая наука стремится к познанию истины [39]. Поиск научно-исторической истины связан с выявлением отношения между исторической реальностью и ее идеей в рамках категории «время».

Историческая реальность в качестве объекта исторического рассмотрения предстает прежде всего как продукт творческой деятельности человека, как поле обнаружения двуединой человеческой сущности: «Человеческий дух и человеческие руки оставляют следы. Формируя, отпечатывая, оставляет человек в каждом внешнем проявлении выражение своей собственной сути...» [40].

[33] Ibid, S. 8
[34] См.: ibid., S. 11.
[35] Ibid, S. 12.
[36] Ibid, S. 126.
[37] Ibid, S. 231.
[38] См.: ibid, S. 26, 283.
[39] См.: ibid., S. 27.
[40] Ibid, S. 325.

Человеческий мир И. Г. Дройзен определяет как нравственный мир: «Сущность нравственного мира есть воля и желание, которые индивидуальны и, таким образом, свободны; должно быть постоянное стремление к совершенству, постоянное поступательное движение; и этот закон остается в силе, если даже воля и желание пренебрегают этим законом и нарушают его» [41]. В силу присущего человеческому миру стремления к самоусилению, самоподъему, когда «существен момент времени как дающий меру», «мы воспринимаем эту очередность относительно этого момента», движение этого нравственного мира как историю [42]. Рассмотрение человеческого, т. е. нравственного мира во временном отношении обеспечивает рассмотрение истории в ее непрерывности, неповторимости, последовательности уникальных явлений.

Таким образом, И. Г. Дройзен формулирует искомое отношение между реальным бытием исторического мира и его идеей, позволяющей характеризовать его как человеческий, т. е. нравственный, мир, который пребывает в состоянии постоянного самоусиления, поступательного движения; при этом рассмотрение этого мира осуществляется в рамках непрерывности его изменений. «В этой непрерывности и возрастании, — подчеркивает немецкий ученый, — исторический мир имеет свою идею и свою истину» [43].

Но выявление истины в исторической науке в плане постижения движения человеческого мира во временном отношении — это лишь общее положение, теоретическая предпосылка, необходимая для конкретно-исторического рассмотрения [44]. Для И. Г. Дройзена история — это эмпирическая и точная наука: «Она эмпирическая потому, что материал в ее исследовании — сущее и данное; она точная потому, что добывает свои результаты в правильных силлогизмах, а не выводит их из гипотетических начал...» [45].

Особенность исторической эмпирии заключена в том, что она имеет дело не просто с фактами прошлого. И. Г. Дройзен четко фиксирует разницу между фактом исторической действительности и фактом исторической науки: «Объективные факты вовсе не существуют для нашего исследования в реальности. То, что некогда объективно прошло, есть совсем другое, нежели то, что называют историческим фактом» [46]. В этой связи всегда существенным для исторической эмпирии остается вопрос: «сколь правильным, то есть соответственным происшедшему, является и может быть восприятие в данном случае?» [47].

Поскольку все, что свидетельствует о прошлом и находится в распоряжении историка, есть свидетельство о давно прошедших временах, притом свидетельство, испытавшее, возможно, воздействие субъективных интерпретаций, которое могло привести к искаженному воспроизведению реальности, постольку в качестве важнейшей теоретической задачи исторической науки И. Г. Дройзен определяет задачу «открыть из природы исторической эмпирии методы нашей науки» [48].

С этой целью И. Г. Дройзен предлагает методику исторического исследования, где сформулированы приемы и правила, определены этапы работы с тем, что является материалом для историка, выделив в качестве такового остатки (они «порождены лишь благодаря челове-

---

[41] Ibid, S. 13.
[42] Ibid., S 326
[43] Ibid, S 29.
[44] См: ibid, S. 27—30.
[45] Ibid, S 151.
[46] Ibid, S 133 Отмеченный аспект рассмотрения проблемы «исторического факта» актуален и в современной марксистской литературе. (См. об этом: Могильницкий Б Г О природе исторического познания. Томск, 1978, с. 109—112).
[47] Ibid, S 134.
[48] Droysen J G Antrittsrede in der Berliner Akademie 1867. In: Droysen J. G. Historik, S. 428.

ческой воле и человеческим рукам посредством волевых актов»), источники (то есть «восприятия, которые являются не зеркальным отражением, но восприятиями того, о чем свидетельствовали зрение и слух») [49], памятники (средство фиксации представлений прошлых поколений о каком-либо событии; этот вид занимает промежуточное положение между остатками и источниками, выражая своеобразие обоих видов) [50]. И. Г. Дройзен определяет три стадии методической работы: эвристику (постановка проблемы и анализ материала, имеющего к ней отношение [51]); критику (верификация найденного материала; определение его отношения к происшедшему), интерпретацию («суть интерпретации — увидеть в прошлых событиях действительность во всей полноте обусловленности...» [52]).

Среди приемов, используемых И. Г. Дройзеном для различных этапов методической обработки исторического материала, могут быть выделены «диакритический метод», предписывающий учет всех необходимых изменений, возникающих во временном существовании материала [53]; сравнительный метод, которым он пользуется, например, для интерпретации исторического факта «гибели крестьянского сословия в Англии»: недостаток необходимых материалов из английской истории восполняется путем привлечения данных из немецкой истории аграрных отношений [54]; гипотетический метод — «тоже сравнительный способ, но в скрытом виде», и др. [55]. Как раз критика и интерпретация обеспечивают тот «логический механизм понимания», который И. Г. Дройзен отличает от протекающего интуитивно «акта понимания»; следовательно, понимание в определенной степени — методическое действие истории как эмпирической науки [56].

Но эмпирический материал всегда не полон, и исследователь «должен прежде всего попытаться прояснить, в какой степени его материал не полон... Проницательность в выделении пробелов — условие надежности исследования» [57]. Это признание ограниченности эмпирической базы исторических исследований усиливается у И. Г. Дройзена введением в качестве «основы всякой эмпирии» положений «физиологического идеализма». При этом определение отношения между объектами и соответствующими знаками как отношения изоморфизма [58], универсальный для всякого познания характер знаковой системы [59], а также введение из герменевтической методологии понятия конгениальности как выражения общности и единства всех человеческих сущностей [60] — все это в принципе не препятствует возможности достижения адекватного знания.

Однако методическое действие, направленное на реконструкцию прошлого, помимо того, что оно невозможно в абсолютном смысле ввиду ограниченности данных, не является самоцелью исторического исследования: И. Г. Дройзен критикует школу Ранке как раз за то, что она «в критике находит целый метод исторической науки» [61]. Если понимать под правильностью в историческом исследовании «внешнее подобие», то, по мнению И. Г. Дройзена, историческая наука «далека от

---

[49] Droysen J. G. Historik, S. 98.
[50] См. ibid, S. 38.
[51] См. ibid, S 35—36.
[52] Ibid, S 339.
[53] См.: ibid, S. 114.
[54] См: ibid, S. 159—160
[55] Ibid, S 162.
[56] См ibid, S. 34.
[57] Ibid, S. 145.
[58] См.: ibid, S. 7
[59] См.: ibid., S. 23.
[60] См.: ibid, S. 24.
[61] Ibid, S. 95; См также: Смоленский Н. И. Указ. раб., с. 149.

того, чтобы иметь своим условием или задачей абсолютную правильность», так как правильность подходит к истинности лишь определенным образом, близко — до определенной степени»[62]. Именно «духовное представление о том, что произошло; прошлое в соответствии с его значением, его связью, его истиной» есть история[63].

Поскольку истина для И. Г. Дройзена определяется как постижение субъективным сознанием отношения между бытием и идеей, то, следовательно, не сама историческая реальность, но выявление ее истины, идеи — с определенной точки зрения — составляет предмет исследования. Таким образом, дополнение реальных характеристик эмпирической работы (выявленное различие между фактом прошлого и фактом исторической науки; признание невозможности достижения абсолютного подобия реконструированной ситуации с соответствующей действительностью) абстрактно определенным выводом о сущности истины, обеспечивающим субъективацию процесса познания, в соединении с полемической подчеркнутостью критики в отношении «всегда повторяемых фраз об объективности изображения, о том, что нужно фактам позволять самим говорить...»[64] — все это определило отношение И. Г. Дройзена к понятию «объективное» в исторической науке[69].

Определяющим для теории исторического познания И. Г. Дройзена является то, что его понимание истины в обращении к эмпирическому рассмотрению предполагает субъективизм в познании. Признание особой роли понятийного подхода оборачивается — на уровне эмпирического рассмотрения — признанием произвола точек зрения исследователя как основы организации эмпирического материала.

У И. Г. Дройзена можно выделить широкий спектр высказываний об относительности исторического знания с приведением различных оснований для доказательства этого положения.

Познание прошлого, как и всякое познание, исторично, поэтому оно относительно[66]. Объективным условием относительности исторического знания является опосредование позиции каждого исследователя условиями своего времени. И. Г. Дройзен открыто заявлял, что историк необходимо должен выступать представителем своего народа, государства; позиция историка должна быть партийной[67]. Сам ученый реализовал свое требование в утверждении необходимого характера связи историографии и современности, что явилось теоретической основой малогерманского историзма. Ярким выражением воплощения этого положения в исторической практике явились конкретно-исторические исследования самого И. Г. Дройзена, представляющие собою, по существу, целенаправленную попытку развернутого обоснования исторической необходимости малогерманского пути объединения Германии[68]. Г. И. Дройзен говорит о необходимости воспринимать «факты» с различных точек зрения: «из тысячи образующихся ежедневно восприятий» одни содержатся в газетах, другие существуют, растут, искажаются в качестве слухов, молвы; третьи находят свое место в письмах, дневниках, служебных документах. Рассмотренное с учетом самых разнообразных восприятий, событие предстает перед исследователем «как бы стереоскопически»[69]. Другое условие «стереоскопического» видения предмета — исследование его с двух точек зрения: «мы воспринимаем его как ставшее и проясняем себе его становление. И, с другой сторо-

[62] Ibid, S 61, 126, 129.
[63] Ibid, S 137.
[64] Ibid, S 273
[65] См ibid, S 133, 135, 139, 141, 148, 187.
[66] См ibid, S 19
[67] См ibid, S 287—288
[68] См в особенности Droysen J. G Geschichte der preussischen Politik, 14, Bde, Berlin, 1855—1886.
[69] Droysen J. G. Historik, S. 135, 139.

ны, это его становление и ставшее бытие мы развиваем для себя лишь из сущего...» [70]. Точка зрения исследователя может быть заключена в самих событиях, и тогда перед ним возникает задача организовать материал в такой «связи, которая выражает их сущность и идею». Так, Геродот и Фукидид поняли идею своего времени и сумели запечатлеть в ней современные им события [71].

Понимание идеи «исторической современности» может быть достигнуто «из себя», из понимания конкретных для каждого исторического периода импульсов, ограниченных в своем действии во временных отношениях: «идея церковной реформации, как ее высказал Лютер; национальная идея, которая впервые политически объединила эллинов во времена Фемистокла; идея государства, которую впервые попытался осуществить во всей остроте и чистоте Ришелье, — это движущие в свою эпоху моменты», которые учитывает историческая интерпретация [72].

Но идея «исторической современности» в отдельных случаях может быть определена лишь в более общей исторической связи: исследуя эллинистическую эпоху, «мы приходим к точке зрения, которая не могла сложиться у современников тех событий... Для нас течение последующих трех столетий вплоть до великого поворотного пункта начинающегося христианства дает как бы ключ к задаче, мы узнаем здесь точку, в которой сходятся все линии развития, начиная с похода Александра». Не только динамичное содержание событий, но и их историческое значение может выступить основой организации эмпирического материала. Так, значение Рима позволяет соответствующим образом упорядочить материал его предшествующей истории: «таково право исторического рассмотрения — воспринимать факты в свете того значения, которое они получают через свои последствия» [73].

Обилие многих точек зрения делает правомочной любую из них: «безразлично, Гердер или Мюллер, Лео или Ранке дали пример изображения мировой истории. Ибо существенно здесь то, что всегда по-новому в этой идее всемирного единства истории и в этом духе неустанно осуществляющегося нравственного миропорядка рассматривается прошлое...» [74]. Но допустить все точки зрения означает не признать подлинной ценности ни одной из них, ибо все они предлагают субъективированную картину прошлого. Это вынужден признать и И. Г. Дройзен [75]. Логическим следствием такого подхода является заключение о неизбежном субъективизме исследователя: в процессе познания «происходит перевод происходящего, становление вещей на язык мысли... При этом сами предметы не остаются такими, как они существуют в своем внешнем бытии, ибо они, благодаря тому, что мы их воспринимаем, выстраиваются в линии ... связи, в системы поводов, целей, условий и т. д., которые существуют, собственно, не в них, но лишь в нашем восприятии, в нашем понимании их...» [76].

Субъективистская направленность позиции И. Г. Дройзена в отношении вопроса о возможностях исторического познания находит, таким образом, выражение в следующих положениях:

1. Возникающая на уровне чувственного познания система знаков у субъекта познания не является отражением действительности, хотя и существует определенное соответствие между знаками и реальностью, причем изменение последней обусловливает введение — при участии

[70] Ibid, S. 151.
[71] См: ibid., S. 141.
[72] Ibid, S. 185.
[73] Ibid, S. 91.
[74] Ibid, S 307.
[75] См: ibid., S. 140—141.
[76] Ibid., S 62.

органов чувств — определенных изменений в системе знаков.

2. Историческое рассмотрение есть лишь способ рассмотрения внешнего мира наряду с естественнонаучным: «мы знаем, что все, находящееся в пространстве, одновременно находится и во времени и наоборот; что, таким образом, вещи распределяются в сферах природы и истории не объективно вне нас; что пространство и время есть лишь самые всеобщие категории, в соответствии с которыми мы можем разложить сумму всех явлений» [77].

3. Предложенный способ исторического рассмотрения является одним из возможных способов интерпретации прошлого. Он предпочтителен, поскольку «наиболее просто и исчерпывающе» объясняет происшедшее [78].

4. Не может быть поставлен вопрос об объективном воспроизведении прошлого: историческое понимание «есть нечто совсем другое, чем установление объективных фактов или внешней реальности того, что некогда в свое время находилось в тысячекратно иных связях, нежели те, которые исторически доступны нам» [79].

5. В силу этого «самое основательное исследование может воссоздать лишь фрагментарную видимость прошлого... история и наше знание о ней отличаются как небо и земля» [80].

Субъективистский характер гносеологических выводов историка находит выражение в использовании — в качестве основы исторического исследования — метода понимания. Теоретическая разработка И. Г. Дройзеном содержания этого центрального в методологии историзма понятия как осуществления в процессе познания логических и интуитивных актов [81] рассматривается в западногерманской историографии как значительный вклад ученого в развитие исторической традиции [82].

Особенности гносеологических представлений И. Г. Дройзена могут быть рассмотрены в связи с той ситуацией, которая сложилась в немецкой исторической науке второй половины XIX в. Г. Шнедельбах определяет ее как «ситуацию всеобщего историко-философского скептицизма» [83]. В условиях, когда объективно-идеалистическая традиция метафизического толка в немецкой исторической науке оказалась не в состоянии представить удовлетворительную теорию исторического процесса, когда в связи с поиском новых подходов в решении теоретических проблем исторической науки актуальными становятся методические искания, осуществляемые в русле развивающейся традиции историзма, приверженность идеализму, проявляющаяся в новой ситуации не столько на онтологическом, сколько гносеологическом уровне, оборачивается появлением элементов субъективизма в теории познания. Понятие «идея» как выражение сущности явления, процесса (труда, государства и т. д.) предпосылает момент придания самостоятельной значимости идеальному в познании: «...истинна та мысль, которой соответствует бытиё, и истинно бытие, которому соответствует мысль» [84].

Негативное воздействие разрушения метафизической традиции в немецкой философии истории проявилось для И. Г. Дройзена также в том, что в ситуации, когда традиционное идеалистическое решение ос-

---

[77] Ibid, S 11
[78] Ibid, S 271
[79] Ibid, S 34
[80] Ibid, S 316
[81] См.: ibid, S. 21—26.
[82] См: Historisches Wörterbuch der Philosophie, Bd 3. Basel—Stuttgart, 1974, S 1066
[83] См: Schnädelbach H. Geschichtsphilosophie nach Hegel. Die Probleme des Historismus. Freiburg—München, 1974, S 19.
[84] Droysen J. G Historik, S. 12.

новных мировоззренческих проблем (проблемы смысла, перспектив цели человеческого существования) оказывалось не бесспорным, ученый допускал «агностицизм от эмпирии», содержание которого может быть выражено в схеме: движение есть все, начало и конечная цель не существенны. Так, рассматривая вопрос о возможности использования генетического подхода для объяснения явлений прошлого, И. Г. Дройзен приводит в качестве примера рассуждение о невозможности найти семя, из которого выросло дерево: «нельзя найти доказательств, что среди многих семян именно это явилось источником роста дерева. Но если хотят найти истоки, то не находят и этого первого семени, так как его нет... Лишь в этом мощном росте стало зерно деревом, лишь в дереве достигло оно своей действительности, своей полной истины» [85]. С учетом этого может быть понято сосуществование у И. Г. Дройзена рассуждений об определении всеобщего и необходимого в истории, поиске научно-исторической истины, выявлении будущих перспектив исторического движения и заявлений о том, что в силу своего эмпирического характера историческое исследование «довольствуется тем, чтобы обозревать частицу из той безмерной продолжительности, которая предшествовала нашему времени, и не знать о будущем...» [86].

В качестве предпосылки субъективизма дройзеновской теории познания выступает понимание ученым субъективно-объектной природы исторического познания. Субъективизм И. Г. Дройзена специфичен тем, что он одновременно включал в себя попытку преодолеть опасность крайней субъективности в историческом познании [87]. Отчетливо осознавая, фиксируя наличие объективно неизбежных субъективных элементов в познании, И. Г. Дройзен в то же время предпринимает попытку нейтрализовать их негативное воздействие. Ученый говорит о необходимости осмысления сущности истории как науки, которая до сих пор «не ясна, не бесспорна, не определена самой себе», о необходимости разработки методических средств исторического познания: «Нужно найти методы, чтобы... субъективизм и непосредственное восприятие получили объективный критерий и контроль; так как это и только это может быть смыслом исторической объективности» [88]. Специфику исторической науки И. Г. Дройзен видит в том, что, «будучи эмпирической, она должна пытаться быть по возможности точной, а точна она в той мере, в какой она для отдельной задачи, отдельного вопроса, который она... ставит, извлекает из критически верифицированного материала свои результаты в возможно надежных заключениях» [89]. На этом пути история сможет превратиться в науку, сущность которой заключена в стремлении найти истину [90].

«Непоследовательный» характер субъективизма И. Г. Дройзена во многом был определен его общетеоретическими представлениями. Говоря о «Лекциях» ученого, Ф. Мейнеке отмечал: «Немецкий идеализм великой эпохи, который Дройзен — ученик Гегеля — непосредственно воспринял в своей юности, бросил здесь еще раз светлый луч в сферу науки...» [91]. Вера в восходящее, поступательное развитие исторического бытия, исторический оптимизм образуют тот фон, на котором излагаются рассуждения И. Г. Дройзена об истории.

В системе общеисторических представлений ученого можно выделить ряд моментов, обеспечивающих возможность достижения адек-

[85] Ibid., S 150.
[86] Ibid, S 269
[87] См. Meinecke F. Vom geschichtlichen Sinn und vom Sinn der Geschichte. Stuttgart, 1951, S 45.
[88] Droysen J G Antrittsrede in der Berliner Akademie, 1867, S. 428.
[89] Droysen J G Historik, S. 185.
[90] См ibid, S. 27.
[91] Meinecke F. Autobiographische Schriften. In: F. Meinecke. Werke Bd. VIII, Stuttgart, 1969, S. 52.

ватного исторического знания. Во-первых, в его онтологических представлениях существенный элемент составляют теологические мотивы. («Из истории учимся мы понимать бога. И лишь в боге можем мы понять историю» [92]). Это создает основу для выведения объективных характеристик исторического прошлого [93]. Во-вторых, И. Г. Дройзен сохранил систематическое представление об истории [94], при этом разграничение изложенного в методике «формального действия» и содержательного способа рассмотрения исторического материала он признает допустимым только в теории [95]. В-третьих, И. Г. Дройзен воспринял традиционную для немецкой философии истории идею о развитии «образования, «humanitas» в истории [96]. Человек, человеческие образования выступают для него центром рассмотрения: «история есть знание человечества о самом себе, его самосознание». Исторический мир в своих явлениях представляет собой материализацию человеческой сущности: «в родственном нам по духу виде внешних обнаружений... заключена возможность понимания» [97]. Это образует основу для целостной картины представлений о прошлом, целостного видения мира: «...современная нам эпоха, как и каждая эпоха до нас, исходя из суммированных результатов предшествующего..., устремленная вперед с намерением, которое определяет ее деятельность, входит в ближайшее будущее, чтобы увидеть осуществленным свое намерение...» [98].

Помимо общетеоретических предпосылок специфика субъективизма И. Г. Дройзена определена тем, что он прежде всего был историком-практиком [99]. В силу этого история для него — прежде всего эмпирическая наука. Не случайно, по И. Г. Дройзену, не только бытие находит подтверждение в идее, но и идея — в бытии. На теоретическом уровне положения об особой роли практики в познании формулируется у него следующим образом: «И если Кант в своей критике чистого разума, в своей теории познания пришел к выводу, что мыслящий дух не достигает вещи в себе, ее достоверности, а в критике практического разума, напротив, доказывает, что наша свободная воля обусловлена безоговорочной достоверностью и действительностью познания и подтверждена в идее долга, — то это, так сказать, историческое содержание нашего Я, которое устраняет это кажущееся противоречие» [100].

При всей неоднозначности гносеологических взглядов И. Г. Дройзена их реальная значимость может быть определена в связи с историографической практикой ученого. В своем 14-томном исследовании «История прусской политики» автор показывает становление в немецкой истории идеи государства и роль в этом процессе Пруссии, «сущности и состоянию» которой «принадлежит» призвание к целостности; в этом она «имеет свое оправдание и свою силу» [101]. Сформулированная таким образом задача обусловила откровенно произвольный характер интерпретации прошлого, всецело подчиненной цели исторического обоснования пресловутой «прусской легенды». Не случайно уже ученики И. Г. Дройзена подвергли критике его субъективно-идеалистический

---

[92] Droysen J. G. Historik, S. 330.

[93] См: Смоленский Н. И. Л. Ранке и Ф. Мейнеке — Методологические и историографические вопросы исторической науки Томск, 1967, вып. 5.

[94] См.: гл. «Систематика» в «Лекциях»: Droysen J. G. Historik, S. 188—272.

[95] См: ibid., S. 189—190.

[96] См: ibid, S. 16.

[97] Ibid., S. 328.

[98] Ibid, S 30.

[99] Наиболее значительные исторические работы И. Г. Дройзена: История эллинизма в 3-х томах, Лекции по истории освободительных войн в 2-х томах, История прусской политики в 14-ти томах

[100] Droysen J G Historik, S. 19.

[101] Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik, Bd. 1, S. 4.

метод [102]; после 1871 г. современники ученого констатировали, что «Дройзен уже устарел»... [103] Субъективизм дройзеновской историографии послужил основанием для отнесения начала субъективистской традиции в немецкой буржуазной исторической науке к творчеству именно этого ученого [104].

В современной западногерманской литературе «История прусской политики» оценивается как поучительный образец политической историографии, как произведение, поражающее затраченным для его создания духовным усилием, но обнаруживающее «почти трагическое... заблуждение...» [105]. Критикуя субъективно-идеалистический принцип рассмотрения прошлого, представленный в историографии И. Г. Дройзена, современные западногерманские историки, однако, обнаруживают живой интерес к историко-теоретическому наследию ученого, демонстрируя избирательный подход в отношении его научного творчества. И. Г. Дройзен актуален в связи с обоснованием научной значимости принципов историзма, в связи с необходимостью для буржуазной историографии ФРГ модификации своего методологического аппарата в поисках выхода из поразившего ее кризиса [106]. Современные западногерманские исследователи пытаются использовать некоторые историко-теоретические выводы И. Г. Дройзена для решения собственных проблем. Но научное мировоззрение целостно. И субъективистская в сущности методология ученого не станет менее субъективистской от выборочного использования ее принципов.

---

[102] См. Hintze O. J. G. Droysen. In: Allgemeine deutsche Biographie, Bd. 48, Leipzig, 1904, S 106

[103] См: Hü nermann P. Der Durchbruch geschichtlichen Denkens im 19. Jahrhundert. Freiburg—Basel—Wien, 1967, S. 51.

[104] См.: Смоленский Н. И. История и современность в немецком буржуазном историзме XIX в, с. 161; Sywottek A. Geschichtswissenschaft in der Legitimationskrise, Bonn—Bad Godesberg, 1974, S. 26.

[105] Schieder Th. J. G. Droysen — In: Neue deutsche Biographie, Bd. 4. Berlin, 1959, S 136.

[106] См.: Mommsen H Einführung—In· Geschichtswissenschaft in Deutschland, München, 1974; Schieder Th. Unterschiede zwischen historischer und sozialwissenschaftlicher Methode. — In: Geschichte und Soziologie, Köln, 1972; Schnädelbach H Op. cit.; Vierhaus R Op. cit.; Rüsen J. Op. cit. .

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

О ГЕНЕЗИСЕ НЕМЕЦКОГО ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО ИСТОРИЗМА
(к постановке вопроса)

Немецкий идеалистический историзм принадлежит к числу историографических проблем, вызывающих длительный и устойчивый исследовательский интерес. Различные аспекты его истории стали предметом обстоятельного рассмотрения в трудах В. Ф. Асмуса, В. Бертольда, О. Л. Вайнштейна, Б. Г. Вебера, В. А. Гавриличева, А. В. Гулыги, А. И. Данилова, И. С. Кона, Ю. Кучинского, А. И. Патрушева, В. И. Салова, Н. И. Смоленского, Г. Шляйера и других советских и немецких авторов-марксистов. Капитальные исследования по этой проблематике созданы в буржуазной литературе[1].

Имея, однако, за собою обширную историографию, проблема немецкого идеалистического историзма отнюдь не может сегодня считаться исчерпанной. И дело не только в том, что вопреки широковещательным заявлениям в недавнем прошлом о том, что западногерманская буржуазная историография находится «по ту сторону историзма», стала «постистористской», в настоящее время идеалистический историзм отнюдь не является пройденным этапом в ее развитии. Более того, наметилась очевидная тенденция его своеобразной реабилитации[2], что делает настоятельно необходимой марксистскую критику его основных принципов.

Важно подчеркнуть, что сами эти принципы не имеют однозначной трактовки в литературе. Вследствие этого понятие «немецкий идеалистический историзм» продолжает оставаться достаточно расплывчатым и аморфным, включая в себя подчас взаимоисключающие теоретические представления. Отмечая эту теоретическую неразбериху, западногерманский исследователь Т. Ниппердей оказывается вынужденным признать, что в итоге современной дискуссии, ведущейся в историографии ФРГ, «является неясным, что собственно такое историзм». Поясняя свою мысль, он с большой долей истины пишет о том, что различные авторы в это понятие вкладывают различное, подчас диаметрально противоположное содержание. Одни рассматривают историзм как методологию исторического исследования, другие — как метафизически обоснованное мировоззрение с политическими выводами. Для одних он

---

[1] Обширную библиографию вопроса приводит западногерманский философ Г. Шнедельбах. (См.: Schnädelbach H. Geschichtsphilosophie nach Hegel. Die Probleme des Historismus. Freiburg—München, 1974).

[2] Характеристику отношения современной западногерманской буржуазной историографии к немецкому идеалистическому историзму см. в публикуемой в настоящем сборнике статье Н. И. Смоленского «Немецкий идеалистический историзм XIX в. и буржуазная историография ФРГ».

ориентирован на статус-кво, так как обращен в прошлое и служит его оправданием, другие усматривают в нем учение, утвердившее представление об изменяемости мира в качестве неотъемлемого составного компонента нашего взгляда на жизнь. Одним его критикам он представляется по своей гносеологической природе иррационально-субъективистским учением, другим — объективистским и т. п. [3].

Т. Ниппердей, разумеется, характеризует буржуазную историографию вопроса. Но и в советской литературе существует достаточно широкий спектр мнений относительно природы и происхождения немецкого идеалистического историзма. Если, например, для А. И. Данилова концепция немецкого историзма явилась «обобщением основных положений, характерных для ранкеанской и неоранкеанской школ немецкой историографии, с одной стороны, неокантианской теории исторического познания Риккерта—Вебера и иррационалистической «философии жизни» Дильтея — с другой» [4], то В. И. Салов постулирует значительно более узкое понимание его природы. «При всей своей невероятной многоликости немецкий историзм, — утверждает он, — удивительно однотонен и однотипен. Его подлинную основу составляет риккертианское понимание истории, согласно которому индивидуальное и особенное представляет главную черту исторического процесса, а идея неповторимого, однократного и своеобразно индивидуального — святую святых исторического мировосприятия» [5].

С другой стороны, в противоположность представлению об однотонности и однотипности немецкого идеалистического историзма О. Л. Вайнштейн, рассматривая разновидности буржуазного историзма, указывает на ряд разновидностей или видов немецкого историзма. Он говорит, правда, без детального анализа, о романтическом историзме, идеалистическом историзме Ранке и ранкеанцев и т. д. [6].

Таким образом, в советской историографии не только отсутствует сколько-нибудь систематическое исследование основных вех истории немецкого идеалистического историзма, но и наличествует определенное разномыслие в трактовке некоторых относящихся к ней существенных вопросов [7]. Несмотря на серьезные успехи, достигнутые в изучении этой проблемы немецкими историками-марксистами, и в историографии ГДР пока нет монографических исследований, всесторонне освещающих немецкий идеалистический историзм и как теорию исторического познания, и как идеологическую систему, сыгравшую немаловажную роль в складывании и развитии идеологии немецкого империализма.

Между тем необходимость такого исследования очевидна. Можно выделить, по крайней мере, два тесно между собой связанных аспекта, определяющих настоятельную актуальность такого исследования. Во-первых, судьбы немецкого идеалистического историзма представляют

---

[3] Nipperdey Th. Historismus und Historismuskritik heute — In: Die Funktion der Geschichte in unserer Zeit Stuttgart, 1975, S. 83.

[4] Данилов А. И. Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм — Новая и новейшая история, 1962, № 2, с 58.

[5] Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М, 1977, с. 52.

[6] См Вайнштейн О Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979, с. 71—74. О разновидностях немецкого буржуазного историзма XIX в говорит также Н И. Смоленский, противопоставляя, в частности, историзм национально-политической историографии историзму Гегеля. (См.: Смоленский Н. И Принцип историзма в национально-политической историографии Германии XIX в — Средние века М, 1978, вып. 42, с 239).

[7] Это разномыслие усугубляется отсутствием единого мнения по такому, казалось бы, элементарному вопросу, как время возникновения немецкого идеалистического историзма. Парадоксальным образом В. П. Толокнов относит его к концу прошлого века. (См Толокнов В П. «Историзм» как методологическая концепция в немецкой буржуазной исторической мысли. — Вопросы методологии истории и историографии. Томск, 1974, вып. 3, с. 57).

немаловажный интерес для общих суждений о характере взаимоотношения истории и современности, их взаимовлиянии. Во-вторых, его изучение составляет необходимый исходный пункт для выявления ведущих закономерностей развития немецкой буржуазной историографии XIX—XX вв. «Проблема идеалистического историзма, — справедливо подчеркивает историк из ГДР Г. Шляйер, — имеет центральное значение для развития буржуазных немецких теорий истории с начала XIX в. до современности»[8]. Тем самым она выдвигается в качестве центральной в работе над воссозданием общей картины немецкой буржуазной исторической мысли двух последних столетий.

Необходимую предпосылку ее решения составляет исторический подход к ней. Немецкий идеалистический историзм представляет собой сложное и внутренне противоречивое историографическое явление, неоднозначно выступавшее на разных этапах своего развития, что предполагает необходимость его изучения в строгих исторических рамках. Как и всякое другое явление, оно может быть научно осмыслено только при условии неуклонного соблюдения принципа историзма в подходе к нему. Но именно это требование далеко не всегда соблюдается, откуда, в частности, и вытекает сама возможность одновременного сосуществования диаметрально противоположных взглядов на немецкий идеалистический историзм в буржуазной литературе.

Отсюда же происходит и известная односторонность в оценке немецкого идеалистического историзма, встречающаяся в марксистской литературе. Нередко он безоговорочно характеризуется как реакционный и по своим идейно-теоретическим принципам, и по их реализации в историографической практике[9]. Такая характеристика основывается преимущественно на той его модификации, которая окончательно сложилась во второй половине прошлого столетия, но едва ли может быть без тех или иных ограничений распространена на всю его историю, ибо в таком случае останутся непонятными известные достижения немецкой исторической науки XIX в. и в области конкретно-исторического исследования, и в сфере теоретического обобщения исторической эмпирии.

Строго историчный подход к немецкому идеалистическому историзму необходимо должен учитывать как наличие в его рамках различных историографических течений и школ с подчас существенно разными исследовательскими принципами, так и в особенности его длительную эволюцию, в определенном смысле незавершенную и поныне. Важнейшим звеном этой эволюции является генезис историзма, разностороннее изучение которого имеет первостепенное значение для прояснения всей проблемы. Выяснить социально-политические условия и предпосылки его возникновения, четко определить идейные и общенаучные течения, оказавшие влияние на его формирование, означает во многом понять сложную и противоречивую природу немецкого идеалистического историзма, равно как и общие закономерности его развития.

В литературе вопроса прочно утвердилось представление о немецком идеалистическом историзме как реакции на идеи Просвещения и Великой Французской буржуазной революции конца XVIII в. Немецкий историзм, лаконично резюмирует общераспространенные взгляды на сей счет один из крупнейших современных специалистов в этой об-

---

[8] Schleier H. DDR—Forschungen über die Geschichte der bürgerlichen Geschichtswissenschaft. — Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1979, N 3, S. 366

[9] См: Историография новой и новейшей истории отран Европы и Америки М., 1977, с. 194 Определение «реакционный» присутствует в оценке всех разновидностей немецкого буржуазного историзма XIX в в цитированной книге О Л. Вайнштейна (см с. 71, 73).

ласти Д. Иггерс, «есть немецкая реакция против определенных форм просветительской мысли, особенно доктрины естественного права» [10]. Рассматривая далее переход от Просвещения к историзму в интеллектуальном развитии Германии на рубеже XVIII и XIX вв., он называет «наиболее важным фактором» в этом процессе «влияние на германский дух» революционных событий во Франции, а затем реакции против идеологии революции [11]. По существу, с аналогичных позиций к проблеме возникновения историзма подходит и автор новейшей работы, посвященной этой проблеме, видный западногерманский теоретик К.-Г. Фабер [12].

Это представление, конечно, имеет под собой известное основание. Хорошо, например, известно, что такое влиятельное течение немецкой исторической мысли начала прошлого столетия, как историческая школа права, было вызвано к жизни настоятельной для реакционных сил Германии потребностью развенчать грозные для них идеи Французской революции, доказать их мнимое несоответствие подлинному ходу истории [13]. Не менее очевидна антиреволюционная направленность научной деятельности и всего мировоззрения корифея немецкого идеалистического историзма, являющегося, по общему признанию, его вершиной, Л. Ранке [14].

Однако при всем значении идейного наследия исторической школы права (более широко—реакционного романтизма) или ранкеанства в формировании немецкого идеалистического историзма, они, естественно, не исчерпывают ни его содержание, ни, тем более, генезис. У его истоков стояли и другие течения общественной и научной мысли, базирующиеся на существенно иных идейно-теоретических основаниях. Достаточно назвать, даже ограничиваясь сферой немецкой мысли, имена Лейбница и Гердера, Гете и Гегеля, чтобы убедиться, насколько широким и неоднозначным был круг идейных влияний, отразившихся на возникновении историзма, и как важно поэтому отрешиться от всякого одностороннего подхода к данному вопросу.

Справедливости ради следует признать, что эти и близкие им по идейному звучанию имена нередко фигурируют в буржуазной историографии вопроса. Более того, Гердер и Гете подчас возводятся даже в ранг основоположников немецкого историзма. Однако при этом их идейно-теоретические представления подвергаются такой радикальной обработке, которая до неузнаваемости изменяет действительный облик этих мыслителей.

Показательный пример тому — историографическая концепция Ф. Мейнеке. Созданная в 1936 г. [15], она до настоящего времени остается наиболее грандиозной попыткой систематического освещения гене-

---

[10] Iggers G. G. The German Conception of History. Middletown, Connecticut, 1968, p 30.

[11] Ibid, p 40.

[12] См. Faber K.-G. Ausprägungen des Historismus. — Historische Zeitschrift, 1979, Bd. 228, H. 1.

[13] Марксистскую критику исторической школы права см. Косминский Е. А. Историография средних веков. М, 1963, с. 291—313; Heuer U.-J. Karl Friedrich Eichhorn und die historische Rechtschule. — In: Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft. Bd. 1, 1963.

[14] Сошлемся на одну из последних работ о Л Ранке, принадлежащую перу профессора Чикагского университета Л. Кригера, в которой убедительно раскрывается решающее влияние революционного опыта на развитие историко-теоретических представлений этого столпа немецкого идеалистического историзма. Как показывает автор, враждебность к революции определила саму направленность теоретико-методологических поисков Ранке, обусловив, в частности, идейный смысл его теории исторической индивидуальности. (См.: Krieger L. Elements of Ealy Historicism: Experience, Theory and History in Ranke.— In; Essays on Historicism.— History and Theory, 1975, v. XIV, N 4. Beiheft 14).

[15] См: Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. — Werke, Bd. III. München, 1959.

зиса историзма как общеевропейского явления, одной из величайших революций в духовной жизни Запада, кульминационным пунктом которой стало духовное движение в Германии XVIII — первой половины XIX вв.

Нельзя не отдать должное Ф. Мейнеке. Возникшая почти полвека назад его концепция и сегодня поражает своей масштабностью. Под его пером немецкий историзм выступает закономерным результатом всего духовного развития Запада, начиная с античности, высшим выражением континуитета этого развития. Обращает на себя внимание большое место, отводимое в этой концепции просветительской философии истории. Немецкий ученый указывает на «подготовившие историзм усилия просветительского движения» [16], посвящая этому последнему значительную часть своей книги. В ней нашли обстоятельное освещение историко-философские представления крупнейших французских, английских и немецких просветителей. При этом тщательно прослеживая ростки нового исторического подхода к явлениям общественной жизни у просветителей, даже у Вольтера, подчеркивание «антиисторизма» которого стало общим местом в буржуазной историографии вопроса, Ф. Мейнеке ставит своей задачей «наглядно показать постепенное преобразование просветительского мышления в историческое» [17].

Было бы, однако, ошибочным полагать на этом основании, что Ф. Мейнеке подошел к пониманию подлинного характера взаимоотношения между просветительской идеологией и историзмом. Этому препятствовал уже крайний идеализм всей его концепции. Принципиально отказываясь от рассмотрения социально-политических и идеологических предпосылок возникновения как просветительской философии, так и историзма, намеренно игнорируя социальную природу и направленность этих учений, Ф. Мейнеке сводит существо проблемы к процессам, протекавшим в душевной жизни людей. Усматривая существенное содержание вызванной историзмом революции в духовной жизни Запада в развитии исторического смысла, он прямо подчеркивал: «Кто хочет прояснить его возникновение и развитие, должен искать его питательную почву в душевной жизни людей» [18]. Историзм, по его убеждению, возникает в душах гениальных людей в результате взаимодействия крупнейших духовных течений, существовавших на Западе со времен античности [19].

В их числе особенно большое место отводится платонизму и неоплатонизму как важнейшему источнику историзма, стимулировавшему внимание к внутренней жизни человека. Этот поворот к душевным переживаниям людей, согласно Ф. Мейнеке, совершался в процессе преодоления идейного наследия Просвещения, что и определяет его интерес к нему. По собственному признанию ученого, задача, которую он перед собой ставил, «заключалась в том, чтобы показать, как исторический мир освободился из окостенения, в котором он оказался благодаря естественному праву, прагматизму и интеллектуализму Просвещения» [20].

Последовательная реализация этой задачи определила направленность всей концепции Ф. Мейнеке. Признавая, что «просветительская историография подготовила почву для историзма» [21], он тем не менее обращает главные свои усилия на обоснование положения о диаметральной противоположности их исходных позиций. Особенно неприми-

---

[16] Ibid, S. 580.
[17] Ibid, S 116.
[18] Ibid, S 445.
[19] См · ibid, S 7.
[20] Ibid., S 580.
[21] Meinecke F. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte. — Werke. Bd IV, Stuttgart, 1959, S. 224.

римо ополчаясь против теории естественного права, истоки которой прослеживаются им вплоть до античности, Ф. Мейнеке показывает возникновение историзма как преодоление просветительского наследия. При этом до неузнаваемости подвергается трансформации облик мыслителей, на которых сосредоточивается внимание ученого.

В особенности это относится к немецким мыслителям. Практически Ф. Мейнеке ограничивает в своей концепции просветительское движение сферой англо-французской мысли. Что же касается немецкого просветительского движения XVIII в., то оно рассматривается под углом зрения его освобождения, хотя и не всегда последовательного, от «оков просветительского догматизма» и усвоения исторического взгляда на мир и человека. В этой связи он выделяет две группы немецких мыслителей, «из которых одна, по крайней мере, рассматриваемая в целом, подготовила историзм только косвенно, благодаря стимулированию немецкой духовной жизни вообще, в то время как другая его непосредственно создавала как ранний историзм с бо́льшим или меньшим остатком старого образа мышления»[22]. Первая группа представлена именами Лессинга, Винкельмана, Шиллера и Канта; вторая — Мезера, Гердера и Гете.

Именно эта вторая группа, в особенности Гердер и Гете, привлекают пристальное внимание Ф. Мейнеке, образуя своеобразный смысловой центр всей его концепции. Тем более показательно, с какой позиции рассматриваются эти корифеи немецкой общественной мысли, целиком укладывающиеся в книге в русло антипросветительской реакции в духовной жизни Германии XVIII в.

В известной мере такая позиция может быть оправдана в отношении Мезера, во многом выступавшего предшественником реакционного романтизма в исторической науке[23]. Иное дело, Гердер и Гете. Величайшие представители немецкой культуры, они при всей противоречивости своих взглядов выражали прогрессивные идеалы времени, в наибольшей степени воплощенные тогда в просветительской идеологии. Отлучать их от Просвещения — значит извращать не только подлинный облик этих мыслителей, но и всю картину духовной жизни Германии XVIII в.

Между тем все пространное изложение Ф. Мейнеке философско-исторических взглядов Гердера и Гете имеет целью доказать их антипросветительский характер. Даже будучи вынужденным признавать значительное влияние просветительских идей на формирование и развитие их исторического мировоззрения, он тем не менее бездоказательно усматривает главное содержание их идейной эволюции в преодолении такого влияния.

Именно так рассматриваются в книге философско-исторические взгляды Гердера. Ф. Мейнеке не может не считаться с прямыми просветительскими высказываниями Гердера, с его сочувственными оценками крупнейших представителей просветительской исторической мысли, включая Вольтера. Тем не менее он утверждает, что все усилия Гердера были направлены на борьбу с Просвещением[24].

Это утверждение обосновывается всем строем изложения взглядов Гердера. Вопреки действительному положению вещей для их характеристики и оценки на первый план выдвигается его книга «Еще одна философия истории для воспитания человечества» (1774, отразившая один из преходящих этапов сложного пути эволюции философско-исто-

[22] Meinecke F. Die Entstehung des Historismus, S. 287.

[23] См. Косминский Е. А. Историография средних веков, с. 263—272. Впрочем, в советской литературе существует и другая точка зрения, сближающая взгляды Ю. Мезера с просветительскими (См.: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967, с. 67—68).

[24] См. Meinecke F. Die Entstehung des Historismus, S. 442.

рических воззрений немецкого мыслителя, эта книга неправомерно объявляется «высшим синтезом его исторического мышления, которого он когда-либо достигал»[25]. Вместе с тем знаменитые «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791), являющиеся наиболее глубоким и полным обобщением всего творчества Гердера[26], рассматриваются Ф. Мейнеке как выражение нисходящей линии в его эволюции, своеобразным показателем болезненного состояния его мышления.

Такая позиция Ф. Мейнеке, разумеется, не случайна. В первой из названных книг явственно звучит критика просветительских идей, в том числе идеи прогресса, в то время как вторая написана с отчетливо выраженных просветительских позиций. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о причинах и характере антипросветительских настроений в «Еще одной философии истории...», отметим только, что по своей направленности они отнюдь не были тождественны позднейшей критике просветительской философии истории со стороны реакционного романтизма и, самое главное, являлись кратковременным моментом в теоретико-методологических исканиях Гердера. Ф. Мейнеке же абсолютизирует этот момент, выпячивая мнимую антипросветительскую направленность всего его учения.

Этой же цели служит утверждение Ф. Мейнеке, будто «основой исторического понимания» Гердера был «платоновский-неоплатоновский образ мира»[27], который последовательно противополагается просветительскому пониманию человека и общества. Со всем этим органически сплетается последовательный отказ рассматривать социально-политические аспекты философско-исторических воззрений Гердера. В итоге перед читателем предстает убежденный противник просветительской идеологии, закладывавший в борьбе с ней основы противоположного ей исторического образа мышления, классик раннего антипросветительского историзма, правда, с одним, притом, с точки зрения Ф. Мейнеке, весьма существенным недостатком—непониманием действительной роли государства и нации в истории[28].

С аналогичных позиций рассматривается творчество Гете, которое расценивается как вершина в развитии раннего историзма[29]. Здесь мы встречаем и определение просветительского движения как во многих отношениях исходного пункта для гетевского мышления, который «нельзя недооценивать»[30], и детализированное рассмотрение усилий по преодолению просветительского миропонимания, и признание сохранения известных последствий этого последнего, что вместе с непониманием действительного значения политической истории провозглашается единственной серьезной разграничительной линией, отделяющей Гете от «мира идей вполне развитого историзма»[31].

Ф. Мейнеке настойчиво подчеркивает якобы присущий Гете иррационализм мышления. Он говорит о «неоплатоновско-мистическом мироощущении» великого немецкого поэта[32], его обращении к «глубочайшим, почти нечеловеческим слоям чувственной жизни», к «таинственной области демонического», непостижимой рассудком и разумом[33], и т. п. Таким образом, усматривая в Гете подлинного создателя историзма как совокупности принципов интерпретации явлений общественной жизни, Ф. Мейнеке выдвигает на первый план мнимый отказ его от рациональ-

[25] Ibid, S. 408.

[26] О творчестве Гердера и основных этапах его эволюции см.: Гулыга А. В. Гердер. Изд 2-е, дораб. М., 1975.

[27] Meinecke F. Die Entstehung des Historismus, S. 434.

[28] См. ibid, S. 409—410, 414—415 и др.

[29] Ibid, S. 581.

[30] Ibid, S 499.

[31] См. ibid, S. 514—515.

[32] Ibid, S. 568

[33] Ibid, S. 522—523.

ного понимания истории [34], закрепляя тем самым свою трактовку историзма как иррациональной в своей сущности реакции на рационалистическую философию истории Просвещения.

Мы столь подробно остановились на характеристике концепции Ф. Мейнеке, потому что она с теми или иными модификациями продолжает оставаться показательной для понимания буржуазной наукой генезиса историзма вообще и места в этом процессе просветительских идей в особенности. Даже в тех случаях, когда эта концепция подвергается критике, по существу, сохраняются ее исходные позиции [35]. Общее мнение по этому вопросу в буржуазной науке нашло выражение в чеканной формуле швейцарского историка Г. Люти. «Современное историческое сознание, — утверждает он, — родилось из банкротства антиисторической политической философии XVIII в., обнаружившегося во время Французской революции с ее ужасающим разладом между желаниями ее деятелей и результатом их дела... Историография от реставрации и романтизма до историзма была во всех своих проявлениях плотиной против динамизма человеческой истории» [36].

Взаимоотношения между историзмом и прогрессивными течениями немецкой и европейской мысли XVIII — начала XIX вв. не стали предметом специального рассмотрения в советской исторической науке. При этом молчаливо предполагается существование между ними непроходимой пропасти. Более того, последовательное проведение положения о реакционной природе и реакционных истоках немецкого историзма подчас приводит к явной аберрации в оценке последних. Те или иные течения философской и общественной мысли объявляются реакционными уже в силу одной их связи с немецким историзмом. Так, в частности, поступает в своей недавно опубликованной книге О. Л. Вайнштейн, где философия Гегеля называется одной из разновидностей реакционного романтического историзма со свойственной ему защитой самых отсталых государственных форм и пережитков феодализма и враждой ко всякому освободительному движению [37].

Очевидно, что такая постановка вопроса, даже если она сопровождается, как это делает О. Л. Вайнштейн, признанием наличия в реакционном романтизме некоторых относительно передовых для науки того времени черт, не в состоянии объяснить противоречивый характер теоретического наследия немецкого идеалистического историзма. Мы уже не говорим о присущей ей вульгаризации философии Гегеля, которая отнюдь не может быть отождествлена с реакционным романтизмом. Гегелевская философия истории действительно оказала большое

---

[34] См.: Данилов А. И. Указ. раб., с. 50.

[35] Показательным примером тому является отношение к ней крупнейшего в современной западной историографии исследователя немецкого историзма Дж. Иггерса. Иронически называя книгу Мейнеке «гимном благодетельного триумфа иррационального в современном сознании», американский ученый справедливо указывает на ограниченность и противоречивость изложенных в ней взглядов. (См Iggers G G. Op. cit, p 31—32). Вместе с тем его собственная концепция возникновения историзма во многом исходит из главного тезиса Ф Мейнеке об историзме как реакции на идеи Просвещения, а в ряде формулировок, по существу, повторяет его оценки. Так, фактическим перепевом Мейнеке звучит утверждение, что в своей книге «Еще одна философия истории» Гердер заложил основы историзма, бросившие вызов доктринам Просвещения во всей Европе, но полностью истористская теория им не была развита (p 37). Печать прямого влияния Мейнеке, как это признает и сам автор, лежит на трактовке Гердера другим видным исследователем немецкого историзма Ф. Энгель-Янози «С самого начала, — утверждает он, — Гердер стоял в явном антагонизме к Просвещению» (Engel-Janosi F Die Wahrheit der Geschichte. Versuche zur Geschichtsschreibung in der Neuzeit Wien, 1973, S. 47). Поднимая далее вопрос, «видел ли Гердер прогресс в истории», автор, по существу, дает на него отрицательный ответ, фактически отождествляя его взгляды на развитие с взглядами реакционных романтиков (S. 50—51).

[36] Lüthy H. In Gegenwart der Geschichte (West) Berlin, 1967, S. 28.

[37] См: Вайнштейн О Л. Указ раб, с. 71.

влияние на развитие немецкого историзма. Однако это влияние являлось слишком сложным и противоречивым, чтобы его можно было однозначно оценить, тем более со знаком минус.

По существу, здесь обнаруживается все та же традиция нацело связывать немецкий историзм с реакционной идеологией и политикой своего времени. В угоду ей, как мы только что видели, приносится в жертву даже такое величественное создание европейской мысли начала XIX в., как философия Гегеля. Преодоление этой традиции представляется необходимым условием дальнейшего продвижения в марксистском осмыслении генезиса и природы немецкого идеалистического историзма. Без этого останутся скрытыми некоторые важные закономерности в развитии немецкой и европейской мысли на рубеже XVIII и XIX столетий, связанные с влиянием передовых ее течений и, прежде всего, самой исторической действительности с ее крутой ломкой традиционных форм общественного бытия и сознания.

Рассматривая генезис историзма, как впрочем и всякое другое значительное явление европейской общественной и научной жизни того времени, мы обязаны учитывать преобразующее влияние просветительской идеологии и в особенности Великой Французской революции не только на все последующее развитие европейского обществоведения, но и на сам стиль мышления XIX в. Известное ленинское положение о том, что XIX в. только тем и занимался, что доделывал во всех сферах жизни дело, начатое Французской революцией [38], в полной мере относится и к развитию исторической мысли. Независимо от отношения к событиям конца XVIII в. во Франции тех или иных ее течений, все они уже не могли смотреть на преображенный революцией мир такими глазами, какими смотрели их предшественники.

Французская революция не только уничтожила старый порядок, но и нанесла сокрушительный удар по традиционалистическому мышлению, рассматривавшему мир в категориях покоя и качественной неизменности. Тем самым именно она в решающей степени способствовала широкому утверждению историзма как принципа мышления.

Эта связь между Французской революцией и историзацией европейского исторического мышления не являлась тайной для проницательных наблюдателей в прошлом. Почти век назад с большой силой ее сформулировал выдающийся русский медиевист П. Г. Виноградов. «Французская революция, — подчеркивал он, — разрешает противоречия XVIII в. и тем общим потрясением, которое она произвела, вызывает, так сказать, усиленную историческую мысль; так как все поколебалось: и учреждения, и нравы, и воззрения, то никто уже не в состоянии во вновь зарождающемся XIX в. относиться сколько-нибудь наивно к учреждениям, нравам, воззрениям как к чему-то данному и постоянному. Догматическая связь теряет свое значение, повсюду является вопрос о происхождении общества, его росте и видоизменении» [39].

Едва ли возможно оспаривать этот ход мыслей, указывающий на генетическую связь между Французской революцией и всеми разновидностями историзма, возникшими в первой половине XIX в., в том числе, конечно, и той, которая является предметом нашего внимания. И дело не в том, что неприятие реакционными и консервативными силами Европы Французской революции порождало острую борьбу их идеологов против революционных идей, в ходе которой они апеллировали к истории, усматривая в ней свой главный аргумент. Ибо, несмотря на свое обращение к истории, идеологи реакции как раз обнаружили разительное отсутствие исторического мышления. Историзм реакцион-

[38] См Ленин В. И Полн. собр. соч., т 38,. с 367.
[39] Виноградов П. Г. История средних веков М, 1889, с. 11.

ных романтков имел однобоко-уродливый характер. Замкнутый на прошлом, отвергавший как «неисторичное» революционное настоящее, выразивший, по меткому замечанию В. Ф. Асмуса, «стремление задержать и даже обратить вспять ход истории» [40], он по существу своему был неисторичен. Как удачно выразился один из его русских критиков, «ему хотелось, чтобы будущее было лишь повторением прошлого или его продолжением в том же духе» [41]. Другими словами, сколько бы реакционные романтики в своей борьбе с идеями Просвещения и революции ни клялись историей, у них отсутствовало подлинное понимание характера исторического развития. Но это означает, что им была чужда одна из основополагающих идей историзма — идея развития, даже в той ее интерпретации, которая утвердилась в немецком идеалистическом историзме XIX в.

Истоки этой идеи следует, очевидно, искать в другом месте, а именно в течениях общественной и научной мысли XVIII — начала XIX вв., генетически связанных не с реакционными, а с прогрессивными силами своего времени. В частности, в XVIII в. она нашла свое наиболее глубокое выражение в творчестве Гердера, что, как мы видели, признают и буржуазные ученые. Но вопреки последним — и это сейчас для нас главное — Гердер обосновал идею развития не в борьбе с просветительской идеологией, а, оставаясь в основных чертах своего мировоззрения, в ее русле. Идея развития носит у него ярко выраженный просветительский и гуманистический характер, выступая в качестве одной из доминант всей его просветительской философии истории.

Этот характер ясно обнаруживается уже в общих представлениях Гердера о мироздании. Он говорит о «златой цепи развития», опутывающей землю и придающей смысл всему сущему [42]. В ней воплощается единство всемирной истории, ее движение в направлении торжества свободы и разума [43].

Важно подчеркнуть, что Гердер подходил к пониманию диалектического характера исторического развития, обосновывая закономерность и даже необходимость социальных потрясений. «Механизм переворотов, — писал он, — уже не вводит меня в заблуждение, нашему человеческому роду потрясения нужны, как волны — водной глади, для того, чтобы озеро не превратилось в болото. Гений человечности вечно обновляет свой облик, вечно расцветает и вновь возрождается в недрах, поколениях, племенах» [44].

Мысль о благотворности переворотов находится в прямой связи с резким осуждением Гердером с просветительских позиций современных ему порядков. Особенно непримиримую критику мыслителя вызывает абсолютизм как строй, не соответствующий природе человека. Ибо, утверждает он, «в природе человека совсем не заложено понятие о некоем необходимом для него деспоте — деспоте-человеке» [45].

Идея развития в философско-исторической концепции Гердера тесно связана с другим краеугольным положением немецкого историзма— идеей индивидуальности, которая также трактуется с очевидных просветительских позиций. Идея индивидуальности в ее просветительской интерпретации фактически лежит в основе освещения Гердером истории отдельных народов, составляющих в своей совокупности всемирную историю. По его убеждению, каждый народ — историческая индивидуальность, национальные особенности которой обусловливаются

---

[40] Асмус В. Ф. Избранные философские труды, М., 1971, т. 2, с. 277.

[41] Спекторский Е. В. Очерки по философии общественных наук Варшава, 1907, вып. 1, с. 238.

[42] См.: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 233.

[43] См.: там же, с. 102.

[44] Там же, с. 234.

[45] Там же, с. 250; см. также с. 246—249, 662—665 и др.

целым комплексом причин как географического и этнографического, так и естественноисторического характера. Чтобы понять народ, необходимо знать его прошлое. История всякого народа — ключ к пониманию его современного состояния [46].

Гердер широко применяет понятие «характер народа» как понятие, выражающее его индивидуальность. «Во всех земных делах людей очень многое зависит от времени и места и от различий в характере наций, ибо самое главное, — подчеркивает он, — характер народа» [47]. Этот термин, как известно, в дальнейшем получил широкое распространение в романтической историографии, где он наполнился иррационально-мистическим содержанием. В противоположность этому Гердер трактует его сугубо рационалистически. Народный (национальный) характер для него — это продукт естественных условий жизни народа, результат и одновременно воплощение всей его истории.

Укажем в качестве примера на его освещение римского характера. Его истоки Гердер видит в «воспитании, нередко просто в личном имени и имени рода, в делах, в сенате, народе, в наплыве толпы, в бессчетных народах, теснящихся в Риме, этом средоточии мирового господства, и наконец, в самой необходимости... в которой обретал свою судьбу всякий римлянин». «Ни в восточном гареме, ни в греческом гинекее..., — подчеркивает он здесь же, — добродетели не могли расцветать так, как расцветали они в общественной и домашней жизни римлян» [48]. Рассматривая «величественный характер римлян», он указывает, что сильнее всего римская душа сказалась в законодательстве, красноречии и историографии — цветах рассудка, порожденных практическими делами римлян [49].

Впрочем в известном противоречии с этим подчеркивается далее в качестве доминанты характера римлян присущие им воинственность и стремление к покорению других народов, наложившие наиболее сильный отпечаток на исторические судьбы Рима и всего окружающего его мира. Для просветителя и гуманиста Гердера эти черты римского характера абсолютно неприемлемы, как и материальные выражения римской гордыни — многочисленные храмы, цирки, триумфальные ворота и прочие «памятники римского владычества» Во всех этих памятниках, пишет он, «господствовал один Гений. Этот Гений не был духом народной свободы и человеколюбия». И далее великий немецкий просветитель с гневной горечью пишет о чудовищных муках рабов, занятых на сооружении этих каменных громад, поте и крови, которых стоили эти колоссы разграбленным и изможденным провинциям, кровавых гладиаторских играх и тому подобных вещах, заставляющих думать, что «какой-то враждебный роду человеческому демон основал этот город, чтобы всей земле явить следы сверхчеловеческого демонического величия» [50].

Просветительская природа идеи индивидуальности у Гердера, может быть, особенно ярко проявилась в принципах его подхода к характеристике многочисленных племен и народов, о которых повествуют «Идеи к философии истории человечества». Каждый народ, каждый существующий на земле образ жизни вызывают его уважение, ибо в этом проявляется многообразие земных форм жизни, коренящееся в самой природе вещей. «Нужно было, — пишет он, — чтобы во всем возможном разнообразии своем расцвел и принес свои плоды практиче-

---

[46] См, например, характеристику Гердером современного ему состояния Китайского государства как закономерного продукта «его медлительной истории». (Там же, с 292—299)

[47] Там же, с 313.

[48] Там же, с 416.

[49] Там же, с 417.

[50] Там же, с 421.

ский ум человека, а потому для столь разнообразного рода людей и создана была столь разнообразная земля»[51]. Но в основе этого многообразия лежит единство, единство человеческой природы. «В каких бы различных строениях ни являлся род человеческий на Земле, повсюду только одна и та же человеческая природа»[52], — в этом программном заявлении Гердера формулируется его просветительское в своей основе понимание исторической индивидуальности.

Гердер — решительный противник всякой расовой или национальной исключительности. «Различие между народами просвещенными и непросвещенными, культурными и некультурными — не качественное, а только количественное»[53], — подчеркивает он, предостерегая против любых проявлений чувств национального или расового самодовольства. В этом плане несомненный интерес представляет подход Гердера к народам Африки. Он прямо требует от европейцев «забыть о своих гордых предрассудках» и рассматривать «страну чернокожих людей» так непредвзято, «как если только она одна и существует на целом свете», дальновидно предостерегая, что белый расизм может вызвать в качестве закономерной реакции расизм черный[54].

Гердеровское истолкование идей развития и индивидуальности, разумеется, не исчерпывается сказанным выше. Ему были присущи и несомненно слабые стороны, заключавшиеся, в частности, в общем идеалистическом подходе к этим понятиям, сопрягающемся нередко с откровенным провиденциализмом. Но нам сейчас важно подчеркнуть другое — несостоятельность утвердившегося в буржуазной науке представления об «антипросветительстве» Гердера. Обе основополагающие идеи немецкого идеалистического историзма выступают в своем генезисе в явно просветительской форме, будучи объективно направленными против феодально-абсолютистского порядка и его идеологии.

Тем самым представляется возможным констатировать наличие прогрессивной линии в немецком историзме, оказавшей серьезное влияние на формирование его коренных принципов. Ее объективной основой являлось нарастание противоречий в германском обществе второй половины XVIII в., что вело к складыванию широкой оппозиции существовавшим в стране социально-политическим порядкам. Будучи не в состоянии в силу отсталости социальных отношений к революционному действию, антифеодальная оппозиция нашла свое наиболее яркое выражение в сфере сознания вообще, философско-исторической мысли в особенности. Сама становившаяся все более неустойчивой действительность, в которой все явственнее звучали раскаты приближавшейся Французской революции, историзировала мышление, утверждала сознание непостоянства окружающего мира, а с ним вместе — и идею развития.

С другой стороны, необходимо учитывать преобразующее влияние естественных наук, быстрое развитие которых в XVII—XVIII вв. не только вело к радикальному пересмотру традиционной картины мироздания, но и способствовало формированию новых категорий мышления. В их числе наряду с понятиями прогресса, закономерности, причинности и т. п. свое место заняла и идея индивидуальности. Накопление знаний о внеевропейских странах и народах, связанное с этим расширение представления о человечестве и его истории способствовали распространению представления о многообразии этой последней, что создавало питательную почву для становления идеи исторической индивидуальности.

Таким образом, формирование основополагающих идей немец-

[51] Там же, с. 211.
[52] Там же, с. 169.
[53] Там же, с. 230.
[54] См: там же, с. 153.

кого идеалистического историзма шло в XVIII в. в значительной мере в русле прогрессивных перемен, совершавшихся в разных сферах жизни общества и было генетически связано с деятельностью тех социальных сил, которые стояли в оппозиции к феодально-абсолютистскому строю. Эта прогрессивная линия в генезисе историзма достигает своего кульминационного пункта в философии истории Гегеля.

Как известно, гегелевская философия представляет собою вершину в развитии домарксового историзма. Ни в одной другой философской системе истории не принадлежало такого большого места. По образному выражению американского философа М. Мюрея, «история может быть названа живым сердцем гегелевской философии» [55]. Это, в частности, означает, что значение всех основных философских категорий, которыми оперирует Гегель, обнаруживается только в истории. «Всемирная история есть вообще проявление духа во времени» [56], писал он, формулируя, таким образом, свое понимание истории как арены действия мирового духа, а следовательно, той субстанции, познание которой только и может раскрыть его тайны.

Как ни один философ до него, Гегель обладал огромным историческим чутьем, отразившимся на всем его понимании всемирно-исторического процесса. Показательно, что именно в этом Ф. Энгельс видел превосходство его способа мышления над способом мышления всех других философов, подчеркивая, что он «первый пытался показать развитие, внутреннюю связь истории» и обнаружил в своих работах ее «великолепное понимание» [57]. Отмеченная Ф. Энгельсом черта гегелевского мышления получила свое выражение в последовательном проведении идеи развития в осмыслении исторического процесса. Гегелю принадлежит самая глубокая в домарксистской литературе трактовка общественного развития как закономерного, необходимого, поступательного, диалектического процесса, представляющего собою развертывание абсолютной идеи (духа) [58].

Как и у Гердера, его исходные позиции являются по своей природе просветительскими. В полном соответствии с просветительскими канонами разум провозглашается субстанцией всемирной истории, ее подлинной сущностью. «Разум, — писал Гегель, — господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно. Это убеждение и понимание являются предпосылкой по отношению к истории как к таковой вообще... Разум есть субстанция, а именно — то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие» [59].

Всю его концепцию пронизывает представление о разумности истории, составляющее необходимую предпосылку ее научного осмысления. Просветительским по своему пафосу был гносеологический оптимизм немецкого философа. Всесилие разума обусловливало для него и безграничность познавательных возможностей человека. Он резко обрушивался на тех, кто отвергал возможность получения объективного знания, считая отказ от познания истины «самым позорным и недостойным» [60].

Но просветительская мысль, естественно, не исчерпывает идейно-теоретические истоки гегелевского историзма. Между Просвещением и философией истории Гегеля стоит Великая Французская буржуазная

[55] Murray M. Modern Philosophy of History: Its Origin and Destination. The Hague, 1970, p. 63.

[56] Гегель. Соч. М.-Л., 1935, т. VIII, с. 69.

[57] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 496.

[58] О Гегеле см. Бакрадзе К. С. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958; Гулыга А. В. Гегель. М., 1970; Нерсесянц В. С. Гегель. М., 1979 и др.

[59] Гегель. Соч., т. VIII, с. 10.

[60] Гегель. Политические произведения. М., 1978, с. 371.

революция конца XVIII в., и именно она оказала наиболее глубокое влияние на формирование и развитие гегелевской концепции всемирной истории. Отношение Гегеля к Французской революции не было однозначным на всем протяжении его жизни. На смену восторженным откликам студенческих лет пришло гораздо более сдержанное отношение в берлинский период его деятельности. Следует, однако, согласиться с теми, кто, указывая на решающее влияние революции на всю гегелевскую философию, в том числе и философию истории, настаивает на том, что это влияние продолжалось в течение всей жизни мыслителя. «Без Французской революции, — формулирует это мнение лейпцигский философ Г. Бидерман, — нет гегелевского рационального понимания истории, без рационального понимания истории нет диалектического метода, — такова глубокая внутренняя связь между исторической практикой и соответствующей ей философией... Гегель ориентировал свое мышление на Французскую революцию и в течение всей жизни относился с никогда не ослабевавшей симпатией к этому неиссякаемому источнику своих идей» [61].

Справедливость в основном этого положения подтверждается всем творчеством Гегеля, включая его последние произведения, что особенно важно для нас, ибо в их числе находятся лекции по философии истории, представляющие собою наиболее систематическое изложение его понимания исторического процесса. Конечно, на этом произведении в полной мере отразился политический консерватизм, присущий позднему Гегелю, возведенному в ранг официального философа прусской монархии. Этот консерватизм отразился, в частности, и на его оценке всемирно-исторического значения Французской революции, обусловив ее противоречивость. С одной стороны, революция характеризуется им как «великолепный восход солнца», приветствовавшийся всеми мыслящими существами [62], а с другой — явное предпочтение перед ней отдается реформации [63]. Тем существеннее, что поправение политических взглядов Гегеля в большинстве случаев не отразилось сколько-нибудь значительно на его запечатленном в лекциях по философии истории общем понимании природы исторического процесса, т. е. именно той области творческого наследия ученого, которая самым тесным образом связана с развитием немецкого идеалистического историзма. Но как раз здесь и обнаруживается несомненное влияние идей Французской революции, отразившееся на всей концептуальной схеме Гегеля.

В первую очередь, речь идет о категории «свобода», занимающей центральное положение во всем его понимании исторического процесса. Свобода провозглашается «субстанцией, сущностью духа» [64], вследствие чего всемирная история трактуется как поступательный процесс, смыслом которого является прогресс в осознании свободы. Будучи конечной целью и сущностью духа, его «единственной истиной», свобода предстает в учении Гегеля как трансцедентальная абсолютная цель всемирной истории, с достижением которой завершается самое историческое развитие [65].

Едва ли можно сомневаться, что при всей идеалистической трактовке, какую получила в гегелевской философии истории категория свободы, самое ее выдвижение на первый план было обусловлено исторической действительностью Германии, шедшей к своей буржуазной

---

[61] Biedermann G. Zum Ursprung der Hegelschen Geschichtsauffassung und Methode. — Jahrbuch für Geschichte. Bd 19, Berlin, 1979, S. 218.

[62] Гегель. Соч. т. VIII, с. 414.

[63] См. там же, с. 418—419.

[64] Там же, с 17.

[65] См: Szabo A. Der gesellschaftliche Gesetz und die bewusste menschliche Tätigkeit, — In: Der Gesetzesbegriff in der Philosophie und der Einzelwissenschaften, B., 1968, S 292—294.

революции. Одним из важнейших компонентов этой действительности были идеи, рожденные Великой Французской революцией, и прежде всего конституирующая идея либерализма — идея свободы в ее буржуазной трактовке.

Наконец, Французская революция обусловила тот революционный характер гегелевской философии, о котором писал Ф. Энгельс, усматривая его в том, что она «раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия» [66]. Гегелевская диалектика, разрушив все представления об окончательной и абсолютной истине и соответствующих ей абсолютных состояниях, способствовала тем самым историзации мышления вообще и утверждению идеи развития в исторической науке в особенности. Так, Французская революция, потрясшая вековые устои европейского общества и положившая начало необратимым сдвигам во всех его структурах, нашла в гегелевской философии свое наиболее адекватное для первой половины XIX в. выражение.

Исторический опыт революции и последовавших за ней социально-политических потрясений во Франции, Германии и всей Европе получил своеобразное обобщение в гегелевской идее развития, являвшейся самым глубоким в домарксистской науке осмыслением закономерностей исторического процесса. Развитие для Гегеля — это качественное изменение, создание нового. Он рисует впечатляющую картину исторического развития как диалектического процесса, в котором каждое новое состояние является отрицанием старого, выступает как закономерный результат непримиримой борьбы противоположностей.

Понятие развития у Гегеля, несомненно, глубже и трагичней, чем у Гердера, именно потому, что между этими мыслителями стоял опыт революционных потрясений конца XVIII — начала XIX вв. Гердеровское понимание развития носило восторженно просветительский характер. Это был светлый гимн безостановочному прогрессу человечности и разума. Опыт Французской революции (в его либеральной интерпретации), наполеоновских войн и феодальной реакции внес свои коррективы в эту мажорную, полную энтузиазма и надежд картину Пришло осознание того, что историческое развитие — это не триумфальный путь неуклонного торжества разума, а трудная борьба, в которой нет места покою и гармонии. Гегелевская трактовка развития и явилась философско-историческим обобщением с позиций передового общественного класса того нового, что принесло с собою время великих социальных потрясений европейского общества [67].

В отличие от Гердера Гегель последовательно подчеркивает принципиальное отличие развития в природе от развития в обществе. Строго говоря, в его философии развитие есть атрибут именно человеческой истории, ибо только здесь имеет место переход к лучшему, более совершенному, возникает новое, в то время как в бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, обнаруживается лишь вечно повторяющийся круговорот [68].

Характеризуя развитие в истории, Гегель указывает на его трудный и противоречивый характер. «Развитие, — подчеркивает он, — является не просто спокойным процессом, совершающимся без борьбы, подобно развитию органической жизни, а тяжелой недобровольной работой, направленной против самого себя» [69]. В скрытой полемике с просветительским миропониманием он утверждает, что «всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми

[66] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 275.

[67] Ср. мысль самого Гегеля, что философия «есть... современная ей эпоха, постигнутая в мышлении». (Гегель. Соч. М.-Л., 1934, т. VII, с. 16).

[68] См.: там же, т. VIII, с. 51.

[69] Там же, с. 53.

местами, потому что они являются периодами гармонии, отсутствия противоположности» [70].

Как и у Гердера, идея развития в философии истории Гегеля органически связана с идеей индивидуальности, вытекавшей из самого существа его идеалистического мировоззрения. Рассматривая всемирную историю как выражение духа во времени, Гегель последовательно индивидуализирует формы его инобытия. Каждому народу, по убеждению философа, присущ свой особый дух, который и сообщает ему неповторимую индивидуальность, ибо «определенный дух народа сам является лишь отдельным индивидуумом в ходе всемирной истории» [71]. Дух народа определяет, по Гегелю, всю совокупность присущих данному народу на каждом этапе его развития учреждений, идей, обычаев и т. п. «Он есть определенный дух, создающий из себя наличный действительный мир, который в данное время держится и существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем городском устройстве и в своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах» [72].

Тем самым Гегель приходит к пониманию индивидуальности не только народа, но и исторической эпохи, на которую его деятельность накладывает неизгладимую печать. Именно так может быть истолковано его известное положение о том, что каждый народ, являясь орудием абсолютного духа, участвует в драме истории лишь один раз, выражая таким образом неповторимое содержание соответствующей исторической эпохи. Высмеивая прагматический взгляд на пользу истории, в основе которого лежало наивное представление, что прошлое может повторяться в том же самом или подобном виде, Гегель подчеркивал: «В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния» [73].

Итак, обе основополагающие идеи немецкого идеалистического историзма получили в гегелевской философии истории свое наиболее глубокое обоснование. После Гегеля уже было невозможно рассматривать мир статичным и единообразным. История предстала закономерным диалектически развивающимся процессом, движущей силой которого являлась борьба противоположностей, а специфической чертой, отличающей от изменений в природе, — создание нового. Сам же общественный процесс выступал как арена действия исторических индивидуальностей. При всей идеалистической ограниченности гегелевской диалектики она, будучи примененной к истории человеческого общества, представляла собой высшую форму домарксового историзма, оставившую след на всем дальнейшем развитии буржуазной исторической мысли прошлого столетия.

Однако место гегелевской философии истории в развитии немецкого идеалистического историзма не может быть правильно понято без учета не только ее сильных сторон, но и несомненных слабостей. Являясь продуктом либерального истолкования опыта Французской революции, она в то же время несла на себе явственные следы ограниченности этого истолкования, усугублявшиеся по мере быстрого попрания немецкой буржуазии, одним из наиболее специфических ярких проявлений которого стало ее растущее преклонение перед прусской государственностью.

Именно в отношении к государству ярче всего проявилась и эволюция взглядов Гегеля. Начав с признания необходимости преодоле-

[70] Там же, с 26.
[71] Там же, с. 51.
[72] Там же, с. 71.
[73] Там же, с. 8.

ния государства, которое не может быть предметом истинного философского размышления, и его осуждения как не имеющей идеи машины, рассматривающей людей как механические шестеренки, и обещания разоблачить до конца «это жалкое творение рук человеческих»[74], он пришел в конечном итоге к его апологии. В прямом противоречии со своими ранними взглядами на государство Гегель определяет его в лекциях по философии истории как форму полной реализации духа в наличном бытии[75]. Словно задавшись целью опровергнуть свои «заблуждения молодости», он утверждает теперь: «Все ценности человека, вся его духовная деятельность существуют исключительно благодаря государству... Государство есть божественная идея, как она существует на земле. Таким образом, оно есть точно определяемый предмет всемирной истории, в котором свобода получает свою объективность и существует, наслаждаясь этой объективностью»[76]. Апофеозом этой апологии государства явилось, как известно, прославление реакционной прусской монархии как венца общественно-политического развития человечества.

Не останавливаясь далее на этом достаточно освещенном в литературе вопросе, подчеркнем только, что гегелевская трактовка государства оказала большое и в целом негативное влияние на развитие немецкого идеалистического историзма, способствуя утверждению в нем своеобразного культа государства. Будучи философско-историческим обобщением с позиций сильно поправевшего немецкого либерализма тех реальных процессов, которые протекали в политической жизни Германии начала прошлого столетия (усиление национального самосознания и быстрый рост прусской государственной машины в условиях политической реакции), эта трактовка знаменовала решительный поворот в судьбах немецкого идеалистического историзма.

Прогрессивная линия в его развитии, достигнув своей вершины в диалектическом методе Гегеля, не смогла утвердиться. Творчество Гегеля в данном отношении представляло собою ее своеобразный надлом. Выдвинув на первый план значение государства в исторической жизни, связав это с апологетикой конкретной государственной формы — полуабсолютистской прусской монархии, он предуказал тем самым ведущую линию в развитии немецкого идеалистического историзма середины и второй половины XIX в., воплотившуюся в деятельности влиятельной в то время малогерманской школы. Конечно, существует несомненное различие между характерным, например, для позднего Трейчке неприкрытым культом «государства силы» и восхвалением прусско-германского милитаризма, с одной стороны, и позицией Гегеля, указывавшего на духовное превосходство Прусского государства над другими[77], с другой,—равно, как очевидно нельзя, возлагать на великого немецкого мыслителя ответственность за те выгоды реакционно-шовинистического характера, которые позднее были сделаны из некоторых его положений (например, о делении народов на исторические и неисторические). Но не менее очевидно и другое — вся линия немецкого идеалистического историзма, связанная с апологетикой Пруссии и сыгравшая значительную роль в формировании идеологии немецкого милитаризма[78], уходит своими корнями в гегелевское учение о государстве.

Показательно, что именно в этом учении Гегель откровенно порывает с просветительским наследием, являвшимся, как мы видели, одним из идейных источников его историзма. Антипросветительским бы-

---

[74] См.. Гегель Работы разных лет. М, 1970, т. 1. с. 211—212.
[75] Гегель. Соч, т. VIII, с. 17.
[76] Там же, т. VIII, с 38.
[77] См Гегель Политические произведения, с 369.
[78] См: Schleier H. Sybel und Treitschke. Antidemokratismus und Militarismus im historisch-politischen Denken gross-bourgeoiser Geschichtsideologen. B., 1965.

ло уже самое понимание государства как подлинного предмета всемирной истории, ибо просветители, начиная с Вольтера, выдвигали на первый план изучение истории культуры в самом широком смысле этого слова. Отсюда вытекало и другое принципиальное отличие гегелевской концепции всемирной истории от просветительской. В то время как эта последняя исходила из признания значения первобытного периода в истории человечества, а некоторые просветители, подобно Руссо, даже идеализировали его, для Гегеля всемирная история начинается только с появления государства. «Во всемирной истории, — подчеркивал он, — может быть речь только о таких народах, которые образуют государство» [79].

Общая картина генезиса историзма в XVIII — начале XIX вв. далеко не исчерпывается именами Гердера и Гегеля. Видное место в ней занимают Ю. Мезер, реакционные романтики, В. Гумбольдт, сформулировавший «философскую теорию немецкого историзма» [80]. Наконец, необходимо учитывать существование в немецкой историографии XVIII — начала XIX вв. прогрессивного течения, представленного такими известными в свое время историками, как К. Роттек и Ф. К. Шлоссер [81]. Только путем основательного марксистского исследования всех противоречивых тенденций в развитии немецкой философско-исторической мысли и историографии XVIII — начала XIX вв. может быть воссоздана во всей ее многокрасочности картина генезиса немецкого идеалистического историзма.

Наша же цель заключалась в том, чтобы подчеркнуть необходимость изучения передовой философско-исторической мысли того времени как важного истока формирования немецкого идеалистического историзма, обусловившего наличие в его структуре прогрессивной линии. Обстоятельства сложились так, что эта линия не только не стала господствующей, но и вообще не укоренилась в немецком историзме. В гегелевской философии истории, являвшейся кульминационным пунктом в ее развитии, вместе с тем проявились научно-негативные и политически реакционные тенденции, возобладавшие в позднем немецком историзме. Решающие причины такой трансформации следует искать в особенностях социально-экономического и идейно-политического развития Германии в прошлом столетии, обусловивших характерные черты немецкого либерализма и его идеологии. Политическое бессилие немецкой буржуазии и вытекающее отсюда стремление к компромиссу с реакционным юнкерством, преклонение перед полуабсолютистской Пруссией как единственной политической реальностью, способной решить задачу объединения страны и в связи с этим утверждение приоритета силы над традиционными ценностями либерализма: свободой и правом — такова была та объективная почва, которая обусловила поражение прогрессивной линии в немецком историзме. Вся его эволюция после Гегеля шла под знаком усиливавшегося возобладания консервативных и откровенно реакционных черт в его идейно-теоретическом арсенале, закономерным итогом чего стало его вырождение в XX в. в идеологию воинствующего германского милитаризма и релятивистскую, иррационалистическую доктрину, принципиально отвергающую возможность объективного научного познания в области истории. В итоге этой эволюции и утвердилось окончательно представление о немецком идеалистическом историзме как реакционном.

---

[79] Гегель. Соч., т. VIII, с. 37—38.

[80] Iggers G. G. Op. cit., p. 62.

[81] См. Косминский Е. А. Указ. раб., с. 351—357; Гавриличев В. А. Теоретико-методологические основы гейдельбергской школы историков (20—40-е годы XIX в.). — Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1966, вып. 4; Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974, с. 19—37, 93—95, Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft, Bd. 1.

Не будем, однако, забывать, что таким он был не всегда, что в его генезисе присутствовала сильная прогрессивная линия. Хотя ей и не удалось в дальнейшем утвердиться, она тем не менее не может сбрасываться со счетов в общих суждениях о природе немецкого идеалистического историзма. С одной стороны, без ее учета смещается общая перспектива генезиса современного исторического мышления. С другой, утратив свое былое значение, прогрессивная линия отнюдь не исчезла бесследно. Ее печать обнаруживается на теоретических исканиях крупнейших представителей позднейшего историзма. Достаточно вспомнить Дройзена. Но эта проблема еще ожидает своего исследователя.

СОДЕРЖАНИЕ

О. В Волобуев. Критика В. И. Лениным «экономического материализма» как методологической основы меньшевистской историографии. 3
Л. Г. Сухотина. Проблема влияний Запада на русскую общественную мысль в современной английской и американской буржуазной историографии 17
В М Мучник. Концепция «свободы выбора» и некоторые методологические проблемы в философско-исторической системе А. Дж. Тойнби. 29
Н И Смоленский. Немецкий идеалистический историзм XIX в. и буржуазная историография ФРГ 41
С. П Рамазанов. Категория ценности в теории исторического познания Г. Риккерта 54
Е. С Кирсанова. В. И. Герье о политической фукции исторического знания 65
Е. И Кириленко. Некоторые вопросы теории исторического познания И Г. Дройзена 79
Б. Г. Могильницкий. О генезисе немецкого идеалистического историзма (к постановке вопроса) 92

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКИ

ИБ 870

Редактор **В. А. Малаховская**
Технический редактор **Г. Н. Гридина**
Корректор **Н. М. Шпагина**

Сдано в набор 6.01.82 г. Подписано к печати 25.05.82 г. К302072. Формат $70\times108^{1}/_{16}$ Бумага типографская № 3 Литературная гарнитура Высокая печать. П л 7; уч.-изд л 9,7, усл п. л. 9,8; Тираж 500 экз Заказ 10. Цена 1 р. 50 к.

Издательство ТГУ, 634010, пр. Ленина, 36.
Тип «Краси рабочий», г. Красноярск, пр Мира, 91.

1 р. 50 к.